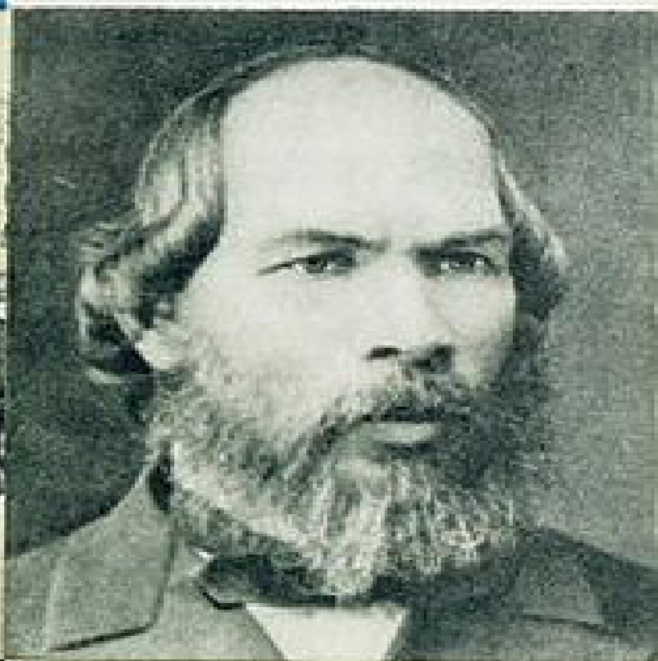
ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ УЛЬЯНОВ



Ж. Трофимов,
Ж. Мундубаев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В серии «Жизнь замечательных людей» вышли книги об Александре, Дмитрии и Марии Ульяновых. Эта книга рассказывает об Илье Николаевиче Ульянове, главе славной семьи Ульяновых. Отец Владимира Ильича Ленина был незаурядной личностью, известным педагогом-демократом, выдающимся деятелем просвещения.

- Ж. Трофимов, Ж. Миндубаев
  -
  - Часть I
    - Астраханского мещанина сын
    - Дом на косе
    - Первый ученик
    - Своекоштный студент[1]
    - Путевка в жизнь
  - Часть II
    - Любимый предмет
    - Заглядывая в будущее
    - Прощай, Пенза!
    - Какой быть гимназии?
    - Снискавший известность отличного педагога
    - Безрадостные перемены. Отъезд
  - Часть III
    - Встреча с симбирском
    - Весна семидесятого
    - Школы для «инородцев»
    - Уроки выставки
    - Будни, хлопоты
    - Конец «весны»
    - Поездка в Ново-Никулино
    - Планы и надежды
    - Родной дом
    - Итоги десятилетия
    - Лето в Кокушкине
    - Нападки на дирекцию
    - Борьба за семинарию
    - Чтение — лучшее учение
    - Выпад Воейкова
    - Крестьянская благодарность
    - Дети и родители
    - Последние дни

        - Известен всей России
        - Основные даты жизни и деятельности И. Н. Ульянова[7]
    - Иллюстрации
    - Краткий библиографический указатель
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7

Ж. Трофимов, Ж. Миндубаев
Илья Николаевич Ульянов

Часть I
Годы учения

Астраханского мещанина сын

В далекие годы начала прошлого века астраханцы за новостями шли в Гостиный двор. Там, в сумрачной прохладе арок, в гуще толпы, можно было узнать все и обо всем. Так было и в 1831 году. Новостей хватало. В России царь усмирял холерные бунты. В Варшаве поляки дрались за независимость. В Новгородской губернии бунтовали военные поселенцы. Потолкавшись средь народа, послушав в оба уха, астраханец мотал на ус: в мире неспокойно.

Но у себя дома, слава богу, особых страстей не наблюдалось. Обвалилась ветхая стена в Белом городе. Двух утопленников вынесло на песчаную отмель на Стрелке. На Селении пожар случился.

Остальное — мелочь. На кладбище хоронили отживших, на полицейском дворе секли розгами виновных, в церквах крестили новорожденных.

Своим чередом шла жизнь.

19 июля 1831 года в церкви Николы Гостиного иерей Николай Ливанов крестил второго сына астраханского портного Николая Ульянова. В метрической книге церковный дьячок записал, кто крещен: «…астраханского мещанина Николая Васильевича Ульянина и законной жены его Анны Алексеевны сын Илия».

Фамилия Ульянова писалась в те годы по-разному: Ульянин, Ульянинов, Ульянов. С этой записи начинается документальная фиксация жизни Ильи Николаевича Ульянова. Дьячок указал дату крещения. А родился он 14 (26) июля 1831 года.

Род Ульяновых пошел с Волги, с великой русской реки, имя которой всегда связывалось в сознании народа с волей, с лучшей жизнью, с надеждами на счастье. Родословная семьи уходит корнями в глубинные народные слои, испокон веков живущие трудом рук своих.

Отец Ильи Николаевича, крепостной крестьянин, пришел из Нижегородской губернии в низовья Волги в 1791 году. Двадцатидвухлетний Николай Васильевич Ульянов был отпущен помещиком Бреховым из родного села Андросова на оброк.

В конце XVIII века в Астраханской губернии скопилось слишком много беглых и оброчных («зашедших») крестьян. Большинство из них не имело никакого желания возвращаться к своим господам. Администрация края по требованию помещиков разыскивала и отсылала назад беглых и «зашедших», но те шли на всевозможные уловки, лишь бы не ехать назад.

«При ревизии в Астрахани явились многие из подлых, объявивших о себе, что не знают своих помещиков, ни того, где родились, которых по указу о ревизии выслать оттоль велено, — писала императрица Екатерина II в Астрахань, — а оные подлые люди, по привычке жить кругом Астрахани, от той высылки бегут в Персию и там басурманятся».

Низовья Волги надо было обживать, осваивать. Требовались люди. Стараясь удержать народ от побегов, императрица издает указ: «Тех подлых, кои задержаны будут, бить нещадно батогами с трех раз, и которые из них сознаются, тех высылать к своим помещикам, а которые и с третьего раза в утверждении своем утвердятся, тех приписывать к казенным вотчинам и при рыбных промыслах оставлять».

Битье не помогало. Почти все «пришлые» оставались на новом месте. В том числе и отец Ильи Николаевича. По указу земского суда он был причислен с 1797 года в «астраханское старозашедшее общество». А это означало — прощай, помещик, прощай, рабство! Отныне он «государственный» крестьянин. И хоть теперь нет возврата назад, в родные края, зато впереди свобода!

Поселился он на берегу Волги, в сорока семи верстах выше Астрахани, в селении Новопавловском. Староста добросовестно записал в учетной ведомости приметы новосела: «Ростом двух аршин 5 вершков; волосы на голове, усы и борода светло-русые, лицом бел, чист, глаза карие…»

Но крестьянствовать здесь не довелось, а кормиться «рукомеслом портняжным» в малолюдном бедном селении было трудно. В 1808 году Николай Ульянов перебрался в город и после долгих хлопот указом астраханской казенной палаты был причислен к мещанскому сословию. Вскоре его приняли в цех портных и красильщиков ремесленной управы. Там и стал работать он, не разгибая спины, от зари до зари, добросовестно выполняя строгие правила, гласящие: «Работу производить отличную и прочную и отправлять должность мастера исправно и поспешно…»

Пошла размеренная жизнь.

В 1812 году Николай Васильевич женился на дочери бедного астраханского мещанина Анне Алексеевне Смирновой.

Обзавелся своим домом на Казачьей улице — чуть ли не на том месте, где стоял некогда походный стан Степана Разина, возвращавшегося из персидского похода.

В этом доме и родился у него сын Илья — четвертый ребенок в семье.

Дом на косе

Город низовый — город торговый. Фасад Астрахани — пристани и лабазы, причалы и таможни, склады и базары.

В начале XVIII века на реке Кутум разгружались баржи и расшивы, сюда прятался от волжской шальной волны флот. Картограф 1701 года на чертеже пояснял: «Набережная улица по реке Кутумовой с пристанями для продажи привозных из верховых городов жизненных припасов и причалами, которые от затопления должны быть защищены деревянным обрубом и земляной насыпью…» В конце улицы располагалась «площадь для черпания воды», а на Стрелке, неподалеку от кремля, раскинулся Съестной рынок.

Смотрелись в то время в волжскую гладь стены кремля, выстроенного на Заячьем бугре у слияния двух волжских проток. Но год за годом намывало и намывало песок к стенам из квадратного татарского кирпича, все шире и шире становилась полоса земли, отделяющая крепость от реки. В начале XIX века на ней начали ставить первые постройки. Здесь обосновались трактиры, магазины, живорыбные садки, пакгаузы и соляные биржи. И весь этот район города стал называться Коса — в память об узкой песчаной полоске, некогда лежавшей здесь.

Место лихое, бойкое. Нагромождение харчевен и постоялых дворов, ночлежек и лавчонок, ремесленных заведений и складов. Строился и селился в этой части города и трудовой люд — грузчики, матросы, бондари, маляры, ткачи, плотники, разносчики, писцы, гранильщики, медники, извозчики, «калмыцкого чая варители» и «сит мукосейных мастера».

Всякий здесь обитал народ.

«Коса — это кипучий угол Астрахани, полный особенностей во всех отношениях, до санитарного включительно. На Косе бок о бок живут ужасы нищеты, позора, несчастья и прелести богатства, счастья, славы; голод и обжорство, лохмотья и бархат, шелк, кружева. На Косе рядом со страданиями измученных борьбой за существование льется шампанское. Чтобы поддержать на Косе порядок, требуется очень солидный штат полиции. Чтобы дать ночлег бесприютным обитателям Косы, мало и пяти городских ночлежных домов, а их в Астрахани только два. В одной дешевой столовой не накормишь всех голодных с Косы. Больными с Косы можно переполнить все городские лечебные заведения…» Так свидетельствовал бытописатель Астрахани.

А на реке что творится! Там лодки, шхуны и парусники из Персии, с Каспия. Бесчисленные флаги, говор толпы — солнцем

опаленной, загорелой, разноязычной. На берегу артели грузчиков — русских, персов, татар, калмыков — разгружают расшивы и беляны с бревнами и дровами, баржи с мукой, железом, кожей. В трюмы закатывают бочки с икрой, грузят красную рыбу и воблу. Флотилии загружают солью, арбузами, дынями, виноградом, помидорами.

Словом, Коса — это круговерть, котел, бойкая часть города.

Здесь, на Косе, стоит дом портного Николая Ульянова, купленный им в рассрочку у лафетного подмастерья Федора Липатова. Дом двухэтажный, полукаменный. В верхнем этаже — жилье, а в полуподвальном — мастерская. Возле громадного закройного стола рядком на чугунных подставках стоят малиново краснеющие углями утюги, всегда пахнет подпаленным сукном и гарью. Четверо детей — Василий, Марья, Федосья и Илья — в доме старого мастера. Илья последний, «поскребыш», шутят соседи, и, наверное, поэтому его больше голубит мать, ласковее поглядывает на малыша отец. В любой час находится дело ребятишкам — поднести углей, сменить воду в медном ковше, вдеть нитки в иглы или подстегать полу очередного сюртука. Работают все.

Отец, невысокий, молчаливый, не щедрый на улыбку человек, приучает детей к жизни бережливой и аккуратной. Илья Николаевич на всю жизнь запомнил, как однажды вечером отец послал его, пятилетнего мальчугана, купить в соседней лавочке чаю на пятачок. Возвращаясь домой, мальчик оступился и упал в грязь, откуда с трудом выбрался. Пуще всего при этом он опасался ненароком разжать кулачки, в одном из которых была зажата покупка, а в другом — сдача. Перепачканный, стоял он довольно долго за дверью, радуясь, что не обронил в грязь деньги и чай, но страшась войти в таком виде в дом…

Семья живет стесненно. Лишняя копейка — редкая гостья. Надо выплачивать за дом, кормить-одевать детей, жену, сестру жены. Надо платить налоги, подушную подать.

Надо, надо, надо… Старший сын, Василий, окончивший уездное училище, ходит по присутственным местам и составляет прошения, челобитные, ходатайства за неграмотных просителей. Невелик заработок подростка, но все же копейка в дом, подмога отцу. А дела у него идут вовсе худо. Тяжко занемог Николай Васильевич. Впервые просит старый мастер собратьев по портновскому цеху выделить единовременное «вспомоществование».

5 июня 1836 года «престарелому и в болезни находящемуся портному мастеру астраханскому мещанину Николаю Васильеву Ульянову» ремесленная управа выделяет «всего сто рублей

биржевым курсом, каковая сумма и отчислена от портного цеха из ремесленной казны». За деньгами в приземистое здание управы идет жена. А вместо отца расписывается в получении денег сын Василий.

Этот росчерк в платежной ведомости — словно подпись под обязательством взять на свои юношеские плечи всю тяжесть отцовских забот. Вскоре Николай Васильевич Ульянов умер.

Илюша был совсем ребенком. Отныне отца ему заменил старший брат Василий.

Чтобы прокормить семью, оставшуюся на его руках, он пошел работать соляным объездчиком в рыбопромышленную контору за пятьдесят семь рублей серебром в год. Служба требовала многочисленных разъездов по промыслам. В обязанности объездчика входили надзор за работой артелей, вербовка рабочей силы, сопровождение обозов с припасами и одеждой. Он должен был следить за доставкой соли, осматривать баркасы для перевозки ее, заключать договоры с судовладельцами. Добросовестный, исполнительный, Василий был аккуратным в службе.

Судьба этого человека, прожившего весь свой век в доме на Косе и умершего в пятьдесят пять лет от туберкулеза, была лишена острых конфликтов, внешнего драматизма. Человек долга, он спас семью от нищеты и разорения, открыл младшему брату путь к знаниям, к образованию. Именно он определил Илью в уездное училище, а затем в гимназию.

Трехэтажное здание ее с черепичной крышей и железным зеленым зонтом на черных чугунных столбах у парадного крыльца находилось недалеко от дома, на Почтовой улице. Но казалась она недосягаемой.

Главное препятствие для Ильи — его мещанское сословие. В те времена вакансии распределялись так: в первую очередь дети состоятельных помещиков, затем дворянские стипендиаты, потом посланцы Астраханского и Уральского казачьих войск, далее дети чиновников. Для купеческих и тем более мещанских детей что останется.

За содействием Василий Николаевич обратился к священнику Николаю Агафоновичу Ливанову, крестному отцу Ильи.

Ливанов был личностью незаурядной. Учительствовал в местном училище, открыл на Косе для детей бедняков церковноприходскую школу, прилагал немало усилий для поддержки способных в учении ребятишек. В судьбе Илюши Ульянова он принял самое горячее и заинтересованное участие.

В сентябре 1843 года братья пошли в управу за медицинской справкой, необходимой для поступления в гимназию. Врач

записал, что «…он, Илья, в настоящее время собою здоров», что «оспа была на нем натуральная, что видно из знаков на лице его», и что «никаких телесных недостатков, препятствующих к поступлению в учебное заведение, не имеет».

И вот уже стоит будущий гимназист перед зеркалом и не узнает себя в новом гимназическом одеянии. Ловко сшит мундир с металлическими пуговицами. Серебристый галун на воротнике, темно-синие брюки поверх сапог.

Светлым сентябрьским утром дверь гимназии подростку открыл строгий швейцар. Но, говоря образно, распахнули ее перед Илюшей Ульяновым брат Василий и Николай Агафонович Ливанов.

Первый ученик

Астраханская гимназия в те годы была далеко не образцовым учебным заведением. Здание ее, некогда построенное из кирпича развалившегося Троицкого монастыря, тесное, душное. «Главнейший недостаток… — отмечали официальные документы, — состоит в крайней тесноте классных помещений, коридоров, лестниц. Непоместимость классов яснее всего доказывается ничтожным количеством кубического содержания воздуха, которое падает на каждого ученика…»

Нудная зубрежка, педантизм преподавателей, закостенелые учебные программы не способствовали учению.

Главное — выучить и запомнить. Выучить назубок правило, запомнить дату, бойко ответить на вопросы. Научить мыслить логически, самостоятельно рассуждать, делать выводы и обобщения — такой задачи не ставилось. Система наказаний была изощренной: оставляли без обеда, сажали в карцер на хлеб и воду, пороли розгами и, наконец, исключали без права поступления в другие учебные заведения с так называемым «волчьим билетом».

К порокам всех российских гимназий николаевской эпохи в Астрахани прибавлялись свои, местные. В частности, не хватало хороших преподавателей: сказывалась недобрая слава здешних мест — частые эпидемии, плохой климат, отдаленность губернии от центра страны.

Мало кто из соседей верил, что Илюша Ульянов — сирота, мальчик щупленький, слабый — справится с учением. Да и достатка в доме по-прежнему нет. Чтобы обеспечить младшего брата самым необходимым, Василий Николаевич тратит чуть ли не половину своего жалованья. А ведь он содержит семью из пяти человек.

Но Илюша справился. Учился он старательно: к добросовестности и трудолюбию в семье приучали с малых лет. В первых же классах проявились способности мальчика, на него обратили внимание учителя.

В казенной гимназии с ее муштрой и зубрежкой встречались и настоящие педагоги, знающие и любящие свой предмет, любящие детей.

Одним из таких учителей в астраханской гимназии был преподаватель математики и физики Николай Михайлович Степанов. С виду человек суровый, строгий в оценке письменных работ и ответов на экзаменах, он пользовался симпатией гимназистов за справедливость, за сердечность. Уроки Николая

Михайловича запоминались. Он знакомил гимназистов с публикациями в научных журналах. Благодаря его хлопотам физико-математический кабинет гимназии был неплохо оборудован. Степанов сочувствовал бедным ученикам, помогал им деньгами, покупал одежду, подыскивал уроки.

Ульянов Николаю Михайловичу нравился. Между ними установились добрые отношения. Физик научил Илью вести метеорологические и астрономические наблюдения, пользоваться приборами, пробудил интерес к астрономии. Неудивительно, что математика и физика (в нее входили сведения и по астрономии, химии) вскоре стали любимыми предметами мальчика. Он овладел навыками топографической съемки.

В средней школе у Ильи началось — и осталось на всю жизнь — увлечение отечественной литературой, или, как тогда говорили, словесностью. Преподавал ее Александр Васильевич Тимофеев — автор стихов, эпиграмм, многочисленных научных работ. Сочинения его учеников не раз высоко оценивались не только в гимназии, но и в учебном округе, в Казани.

С нетерпением всякий раз ожидали гимназисты так называемых «литературных бесед». В монотонную гимназическую жизнь они вносили разнообразие. Здесь не стеснялись высказывать свои мысли и чувства, делиться наблюдениями, учились отстаивать собственную точку зрения.

На «беседах» обсуждались сочинения гимназистов.

Однажды Александр Васильевич предложил обсудить сочинение, названное автором «О вдохновении».

«Что такое вдохновение? Вдохновение есть состояние фантазии, в котором душа художника, сильно возбужденная или растроганная, не только сильно стремится к увлекающему ее предмету, не только посредством живого соображения подмечает важные его стороны, но чувствует какое-то внутреннее побуждение сообщить свои приобретения другим. Этим-то стремлением к сообщению вдохновение отличается от фантазии, которая только творит, а не проявляется вне, следовательно, не доступна никому. От чего же зависит вдохновение? От внешних ли каких-нибудь побуждений или единственно от внутренних явлений? Оно зависит сколько от внешних каких-нибудь побуждений, столько от внутреннего стремления выразить себя.

Вдохновением можно назвать способность, которая в отношении к другим внешним условиям обработки имеет действие, подобно врожденному стремлению, ни от чего не зависящему. В этом состоянии художник так пристрастен бывает к избранному предмету, что забывает все постороннее, он живет, он, так сказать, дышит только этим предметом…

Вообще нет ни одного художественного произведения без вдохновения. Это есть основание произведениям поэзии и начало искусства».

Это было сочинение Ильи Ульянова.

Сочинение гимназиста Тимофеев представил в Казанский учебный округ. Ранее он представлял туда сочинения Ульянова «Объяснения некоторых синонимов» и «О сатирическом направлении в русской литературе».

Учился Ульянов лучше всех в классе. За успехи в пятом классе был удостоен первой награды — похвального листа и книги. В шестом получил еще один похвальный лист и книгу. Дважды — в 1848 и 1849 годах — Ульянов получал в гимназии денежное поощрение (по 25 рублей) как беднейший ученик, отличающийся «хорошим поведением, способностями и охотой к учению».

«Беднейший ученик» в старших классах вынужден был искать частные уроки, подрабатывать репетиторством. А если выпадали свободные дни, то начинались хлопоты по хозяйству: заготовка дров, сена, поездки на промыслы.

И вне родных стен Илье чаще всего приходилось встречаться с людьми, которых так же не баловала судьба. Жизнь рыбаков, ремесленников, грузчиков, матросов каждый день была перед его глазами. В этой жизни было мало радости, много неотступных забот о куске хлеба. Чаяния и нужды простых людей были близки и понятны юноше, он рано прочувствовал, принял близко к сердцу судьбу обездоленных.

…Торжественный гимназический акт 1850 года.

К полудню первого июля в зале собрались учителя и воспитанники, выпускники других городских училищ, их родственники. Присутствовали «почетные особы»: астраханский военный губернатор, ректор духовной семинарии, «военные и гражданские чины».

После обязательного в таких случаях молебствия учитель математики Рихтер выступил с изложением реферата «Краткий исторический очерк постепенного развития астрономии».

Затем словесник Тимофеев прочитал отчет о деятельности дирекции училищ губернии за минувший год. Такой отчет составлялся потому, что директор гимназии одновременно руководил всеми начальными училищами губернии.

Докладчик особо остановился на выпускном классе. Его оканчивали в том году четверо. Один из них — Илья Ульянов.

Было объявлено, что этот гимназист представлен — впервые за все годы существования гимназии! — к награждению серебряной медалью и удостаивается звания почетного

гражданина Астрахани.

Илья чувствовал на себе всеобщее внимание, краснел, смущался. Все еще не верилось: неужели сбылось, неужто гимназия за спиной, а впереди открывается дорога к иной, новой жизни? Уж он-то знал, как трудно далась ему эта медаль, сколько сил положил он на ученье, как тяжко бывало в иные часы!

И потому был счастлив безмерно.

Но где-то в душе рядом со счастьем жила тревога. Конечно, большая радость: гимназия окончена. А что дальше? В какую сторону поведет жизненная тропа?

Определиться на службу? Но в свидетельстве об окончании гимназии — многозначительное напоминание, как клеймо: «… ему, Ульянову, как происходящему из податного состояния, не представляется тем самым никаких прав для вступления в гражданскую службу».

Значит, он может устроиться в каком-нибудь присутственном месте на неклассную должность, например, стать канцеляристом или получить место преподавателя уездного училища. И все.

Одного хотелось — учиться. И на вопрос: чем будет заниматься после гимназии, куда устремиться намерен — ответил ясно:

— В Казанский университет.

Но сбудется ли мечта?

Бедность была главной помехой. На какие деньги ехать в Казань, жить там? Опять рассчитывать на поддержку брата Василия?

Директор, сочувствуя лучшему выпускнику, направил попечителю учебного округа официальное отношение:

«Ученик Ульянов с самого начала поступления своего в гимназию по окончании полного курса в уездном училище в 1843 году в каждом классе гимназии обучался при хороших способностях с весьма хорошими успехами, при отличном поведении и ежегодно был переводим в высших классах с похвалою и теперь оканчивает курс гимназического учения с весьма хорошими познаниями всех предметов; но очень недостаточное состояние родного его брата, его воспитывающего, преграждает этому даровитому мальчику путь к дальнейшему образованию умственных способностей в университете: он совершенно беден и круглый сирота.

Принимая участие в судьбе Ульянова и желая, со своей стороны, подать способы к усовершенствованию его способностей и познаний, я осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Превосходительство, если можно будет, о помещении ученика Ульянова стипендиатом в Казанский университет…»

Ответ из Казани долго не приходил. Наконец управляющий учебным округом уведомил директора гимназии, что стипендии в университете имеют целью «облегчить лишь чиновникам способы к воспитанию детей». Но Ульянова, принадлежащего к мещанскому сословию, зачислить «в число стипендиатов… нет достаточного основания».

Удар был тяжелым. Отказывали не только в материальной поддержке. Отказывали, по существу, в попытке преодолеть сословные ограничения, введенные для крестьян и мещан, пробующих, как говорилось в циркуляре министра народного просвещения П. А. Ширинского-Шихматова, выйти «посредством университетов из природного их состояния». «Такие лица, — пояснял ограничительную меру министр, — не имея по большей части никакой недвижимой собственности, но слишком много мечтая о своих способностях и сведениях, гораздо чаще делаются людьми беспокойными и недовольными порядком вещей…»

Министр не знал одного — упорства и целеустремленности таких, как Илья, их жизненной силы, их привычки к лишениям.

Тихий, спокойный, робкий на вид выпускник Астраханской гимназии сделал решительный шаг. Летом 1850 года Илья Ульянов взял билет на пароход, идущий в Казань. Он ехал в университет. Несмотря ни на что.

Своекоштный студент [1]

5 августа 1850 года Илья Ульянов робко вошел в канцелярию ректора Казанского университета и подал прошение: «Желая для окончательного своего образования выслушать полный курс наук в Императорском Казанском университете по математическому факультету, осмеливаюсь утруждать Ваше Превосходительство покорнейшей просьбой о принятии меня в число своекоштных студентов, по выдержании мною установленного для поступления в университет экзамена».

Таких заявлений у ректора шестьдесят два. Желают поступить в университет не только выпускники гимназий Поволжья и Урала. Приехали абитуриенты из дальних губерний — Иркутской, Тобольской. Ведь Казанский университет — единственный на востоке империи, один на Поволжье, Урал, Сибирь.

Ректор, известный астроном и путешественник Симонов, и сам астраханец, окончил ту же гимназию, что и Ульянов.

Ректора интересуют знания абитуриента. Но делопроизводителю канцелярии важно иное. А именно: все ли бумаги в наличии, все ли составлены по форме? И быстро обнаруживается непорядок: в увольнительном свидетельстве от Астраханского мещанского общества обозначено, что Ульянов уволен из общества не на весь срок обучения в университете, а лишь до очередной переписи лиц податного сословия. А это означает: в допуске к приемным экзаменам следует отказать.

Доложено ректору. Распоряжение такое: послать в Астрахань представление о том, что «при составлении молодым людям для поступления в учебные заведения документов строго соображаться с существующими на сей предмет узаконениями». На прошении появляется резолюция: «…просить Думу о присылке увольнительного свидетельства».

Итак, абитуриент допущен к вступительным экзаменам. Проверяются знания по тем же предметам, которые он сдавал всего лишь два месяца назад. Испытательный комитет спрашивает строго — почти все получают на балл, а то и на два ниже гимназических оценок. Снижены они и Ульянову. И все-таки у него средний балл (из десяти сдаваемых предметов) — четыре. Это значительно выше, чем у большинства других. И 31 августа совет университета определяет: принять его в студенты как «безусловно удовлетворившего всем предписанным правилам».

Хотя увольнительное свидетельство из Астрахани все еще не поступило, по ходатайству физико-математического факультета

ректор допускает Ульянова к посещению лекций в качестве «приватного слушателя». Он зачислен в число студентов условно.

В таком неопределенном состоянии Илья Ульянов находится до Нового года. Лишь в феврале из Астрахани поступает долгожданная бумажка. И только после этого правление университета утверждает Ульянова студентом «с зачетом сего учебного года…».

Клеймо мещанского сословия не раз ощутит на себе Илья Николаевич. Долго, до 1855 года, брат Василий будет платить за него подушную подать, а сам он, Илья, будет числиться среди «отправляющих рекрутскую повинность натурою», среди тех, кого могут забрать в солдаты. Согласно параграфу 28 «Правил» для студентов Казанского Императорского университета он должен ежегодно представлять разрешение «на свободное проживание в Казани», а если такового не окажется в срок, подлежит Ульянов, равно как и любой другой мещанин, отчислению из учебного заведения.

И только после окончания университета Астраханская казенная палата исключит наконец его из мещанского сословия. Однако и в кандидатском дипломе будет отмечено, что он «из мещан».

Но в осенние дни 1850 года, когда Илья Николаевич узнаёт о своем, пусть даже условном, зачислении в число студентов Казанского Императорского университета, он Меньше всего думает об этом.

После подавления в Европе революционных выступлений 1848 года в России началось наступление реакции.

Обрушились репрессии и на учебные заведения. В университетах насаждался казарменный режим. С подозрением смотрели власти на своекоштных студентов. Если пансионеры или казеннокоштные находились круглосуточно на глазах инспекторов и надзирателей, то своекоштный сам себе голова. Большинство таких — разночинцы. Не лучше ли будет, сколько возможно, избавиться от них? Следует повеление: своекоштных содержать в университетах числом не более трехсот на всех факультетах. Не назначать стипендий студентам из мещанского и крестьянского сословий. Увеличить плату за обучение.

От ректоров и деканов потребовали тщательно отсекать в программах и запрещать все, что может содействовать распространению «разрушительных начал сен-симонистов, фурьеристов, социалистов и коммунистов».

В 1850 году упразднили преподавание философии. Урезаются курсы статистики — для «удаления от всякого соприкосновения с

науками политическими», логики, так как она «сближает с философией».

Крохи остались к 1850 году от былой университетской автономии. Раньше ректор избирался советом учебного заведения на четыре года, отныне министр народного просвещения сам назначал ректора, и бессрочно. Главный администратор, ревнитель порядка и дисциплины, фактический вершитель судеб студенчества, — теперь инспектор. Он подчиняется не ректору, а попечителю учебного округа.

Такие порядки установились в российских университетах, когда Ульянов стал студентом. Он приобрел, как было положено, суконный зеленый мундир, темно-серую шинель, треугольную шляпу, портупею и шпагу.

И вот новички, облаченные в форму, собраны в чинном актовом зале университета для представления попечителю округа генерал-майору Владимиру Порфирьевичу Молоствову.

Речь его перед новичками кратка: призвал усердно заниматься науками.

Слово берет инспектор университета Владимир Ланге, бывший ротный командир. Насаждать дисциплину и выправку среди своих подопечных начинает сразу.

— Самое главное, — заявляет он притихшим новичкам, — уважение к высшим властям, соблюдение формы и отдание чести начальствующим лицам. При встрече с господином попечителем, ректором, мною, губернатором и генералами заблаговременно прилагать руку к шляпе. Если кто из них вступит в разговор со студентом, то следует в продолжение разговора держать правую руку у шляпы. Ежели будете в фуражке, то ее надо во всех таких случаях снимать, и непременно левою рукою. Без шпаги никто не имеет права выйти на улицу.

Лица напряжены, никто не шелохнется. Ланге продолжает излагать правила:

— В театр можно ходить только в ложу, с родными, или в кресла, а в раек или на галерею строго воспрещается. Хлопать в ладоши или оказывать другие знаки одобрения или порицания запрещается. Посещать трактиры, рестораны, пивные, бильярдные строго воспрещается.

Кажется, предусмотрено все, что не полагалось делать или, наоборот, что неукоснительно исполнять. На страстной неделе великого поста следовало говеть, следовало также посещать все службы в университетской церкви. На лекциях занимать только назначенные места, а в свободные от занятий часы находиться в «сборном зале».

Правилам нет конца. Ношение усов, длинных волос и

бакенбард запрещается. Не разрешается: иметь трости и зонтики, курить трубки или сигары в публичных собраниях и местах. «Не должно ходить по городу вместе более трех человек».

Отлучки за город — хотя бы на самое близкое расстояние — дозволяются только в праздничные дни и с ведома инспектора. Своекоштные студенты, «отлучаясь из своих квартир, должны заявить своим домашним или хозяевам, куда намерены отлучиться». В десять часов вечера все молодые люди обязаны быть в своих квартирах, «кроме особенно важных случаев, которые должны быть объяснены в оставленной на квартире записке».

Но еще не все:

«Для казеннокоштных студентов, проживающих в здании университета, запрещается без разрешения инспектора выходить из двора или принимать посетителей, иметь самовар, фосфорные зажигательные спички и курить табак…»

Дело надзирательское поставлено неплохо. Порядки в Казанском университете, как и в других, установлены строгие.

Дух казенщины, рутины, бездушного подчинения и покорности был силен. Его насаждали люди, служившие не науке, разуму, а тупому, самодовольному общественному устройству тех лет; служившие силе темной и злой — самодержавию.

Разные студенты учились в университете. Аристократы, как правило, несмотря на строгости надзирателей, кутили и развлекались.

А те, кто пришел в университет ради науки, усердно посещали лекции, засиживались в читальне. Среди них Илья Ульянов. Тратить время впустую ему не позволяли ни характер, ни средства. На скудные рубли, присылаемые братом Василием, прожить было трудно. Репетиторство — нелегкий заработок студентов — отнимало время, столь нужное для занятий. Но характер у него был упорный: успеть как можно больше узнать, прочитать, понять — вот главное. И Илья Николаевич учился. А учиться в Казанском университете было чему и у кого.

В 1827 году ректором университета, пережившего «черную эпоху Магницкого», невежды и религиозного фанатика, стал знаменитый математик Николай Иванович Лобачевский. Он подчинил свою деятельность одной цели — возрождению учебного заведения. Девятнадцать лет руководил Лобачевский университетом, и множество замечательных перемен связано с его именем.

Илье Николаевичу не довелось слушать его лекций — с 1846 года Николай Иванович занимал пост помощника попечителя округа и в университете появлялся, как правило, лишь в

торжественных случаях. Но многолетнее его ректорство постоянно ощущалось. Каждый студент знал, что главный корпус, библиотека, астрономическая и магнитная обсерватории, анатомический театр, клиника и оранжерея ботанического сада — все это построено под руководством Лобачевского.

В губерниях огромного учебного округа стали проводиться метеорологические наблюдения, этнографические исследования, геологические изыскания, изучение флоры и фауны. Возросла издательская деятельность. «Ученые записки Казанского университета» сделались одним из лучших научных журналов России.

Великий ученый умел разыскивать таланты и пестовать их. Его заинтересовали математические способности приказчика книжной лавки Иосифа Больцани, и он руководил его занятиями. Впоследствии Больцани стал профессором физики. Под опекой Лобачевского росли замечательные ученые-химики Зинин и Бутлеров. Его воспитанниками были востоковеды Васильев и Березин, филолог Булич, математик и механик Попов, медики Скандовский и Протопопов.

После Лобачевского ректором университета стал астроном Иван Михайлович Симонов.

Университет был в полном блеске своей научной славы. Крупные ученые трудились на многих его кафедрах и в лабораториях. Их взгляды, принципы, мировоззрение воспринимались студентами, проявлялись затем в жизни, в поступках.

Профессора и преподаватели университета старались привить воспитанникам свою увлеченность предметом, развить в них любознательность и пытливость, стремление служить родине и науке. Они руководствовались принципами Лобачевского, напоминавшего: «Воспитание не должно подавлять и искоренять страсти человека и свойственные ему желания. Все должно оставаться при нем: иначе исказим его природу, будем ее насиловать и повредим его благополучию. Ибо чем страсти сильнее, тем полезнее они в обществе: их направление только может быть вредным».

Именно учеными Казанского университета были в ту пору вписаны блестящие страницы в историю русской научной мысли. Гениальные «Новые начала геометрии» Лобачевского. Знаменитая «реакция Зинина», положившая начала органическому синтезу. Теория химического строения вещества, разработанная Бутлеровым. Математические идеи астронома Ковальского о закономерностях движения Галактики. Десятки других научных достижений, интереснейшие гипотезы. Высоко нес Казанский

университет в середине прошлого века знамя прогресса и науки.

Два факультета достойны были в те годы самых восторженных оценок — словесный и математический. На последнем читали многие известные ученые. Вел занятия там и ректор университета И. М. Симонов — участник знаменитой кругосветной экспедиции Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева, открывшей, как известно, Антарктиду. Читал курс архитектуры будущим математикам профессор М. П. Коринфский, построивший знаменитый кафедральный собор в Симбирске и все университетские здания в Казани. Ученика Лобачевского профессора А. П. Попова ценили за глубочайшую эрудицию, педагогический талант; аудитории, где вел занятия этот сорокалетний профессор, были всегда полны тишины и внимания. Знаменитый создатель теории химического строения вещества Александр Михайлович Бутлеров читал студентам-математикам неорганическую химию.

В течение всего университетского курса одним из наставников Ульянова был талантливый ученый и прекрасный педагог Александр Степанович Савельев. Его лекций всегда ждали с нетерпением. Человек беспокойный, преданный науке, он постоянно загорался новыми идеями, увлекая ими студентов. После окончания Петербургского университета он побывал с экспедицией Академии наук в Заполярье, где вел магнитные наблюдения, был избран действительным членом Русского географического общества. В Казанском университете Александр Степанович полностью переоборудовал физический кабинет, превратив его в научно-исследовательскую лабораторию; ввел для студентов обязательные лабораторные занятия по физике. В этом он опередил лучшие университеты России и Европы. И если в других университетах — Петербургском, Московском — подобные кабинеты еще только создавались, то в Казанском уже широко проводились сложные эксперименты. В том числе и с электрическим освещением.

Профессор физики вовлек Илью Николаевича в разработку многих проблем и, в частности, связанных с изучением климата. Он брал его с собой для обследования губернских метеостанций, сделал помощником по работе в университетской обсерватории.

С 1850 года в университете работает кафедра педагогики. Ее возглавляет выпускник петербургского Главного педагогического института Карл Ленстрем. Взгляды его прогрессивны. Он противник наказаний, считает, что «только ласковым обращением, любовью к детям, изучением их характеров, указаниями на проступки их, одним словом, гуманностью можно посильно укрепить в них сознание долга и справедливости».

Вопросы педагогики рассматриваются подробно в курсе психологии. Кроме того, их непременно в той или иной форме затрагивают в своих лекциях все ведущие профессора.

Декан физико-математического факультета Котельников объясняет будущим учителям, что при решении математических задач надо добиваться от детей безошибочности в производстве вычислений, ясности, точности в выражениях, логической последовательности и достаточной полноты объяснения хода вычислений с избежанием излишнего многословия. Математик и астроном Ковальский постоянно внушает, что все устные наставления без основательного упражнения скоро стираются в памяти. Теория должна подкрепляться практическими занятиями.

День у большинства своекоштных студентов загружен до предела — лекции, опыты, самостоятельные занятия, репетиторство (на жизнь зарабатывают сами). Вечером надо привести в порядок поспешные записи лекций, переписать их набело — учебников мало, почти все приходится брать «на слух» в аудитории от преподавателя. Читален или частных библиотек в городе вообще нет. Журналы и газеты доставляются в университетскую библиотеку, но только в профессорское отделение. Для студентов — скудный подбор книг, состоящий главным образом из томов «руководительных», то есть учебных пособий.

Субботами собираются за традиционным самоварчиком. И ни одному инспектору неведомо, о чем спорят с виду вполне благонадежные, под гребешок аккуратно подстриженные студенты-разночинцы, что читают, какие песни поют.

Кто-то под шинельной полой приносит «письменную», в типографии не печатанную литературу — цензурой не пропущенные стихи Лермонтова, Рылеева, Плещеева, Некрасова. Последнего особенно любят и почитают студенты, им всерьез увлечен Илья Ульянов. Он переписывает многие стихотворения в особую тетрадь… В будущем ее как реликвию сберегут Ульяновы.

Восторженно пересказывают друг другу на студенческих вечеринках смелое выступление профессора Мейера, во всеуслышание заявившего с кафедры, что крепостное право — дикость, позор, оно неминуемо должно быть отменено. Несправедливость и произвол, бесправная жизнь народа, будущее устройство России — обо всем спорят юноши. Передают друг другу зачитанную до дыр «Крещеную собственность» Герцена, только что неведомыми путями доставленную из Лондона в Казань.

«По духу братья мы с тобой», — поют негромко друзья. И этот дух братства, преданность университету, студенческое

товарищество окажутся сильнее попытки властей не допустить крамолы.

Все чаще и чаще возникают разговоры о будущем, о жизненном пути. Что может ожидать бедного студента из разночинцев? Чаще всего учительская кафедра. Большинству выпускников университета уготовано одно: работа в гимназиях. Университет и предназначен главным образом для подготовки гимназических преподавателей.

Иные воспринимают это как крах юношеских мечтаний, другие видят в учительском труде благородное поприще. Кое-кому не терпится испытать свои педагогические способности еще до окончания курса. Сокурсник Ильи Николаевича, романтик и мечтатель Владимир Стржалковский едет учительствовать в глухой уезд Казанской губернии.

Определялись жизненные пути, прояснялись горизонты. Конечно, рано или поздно пройдет это нелегкое, но счастливое время студенчества, все дальше и дальше будут уходить с годами из памяти Казань, белоколонный университет на Воскресенской улице, обсерватория, в которой было проведено немало ночных часов. Но ни невзгоды, ни неурядицы быта, ни административный гнет, ни полицейский надзор не истребят этого студенческого духа — духа дерзания, поиска, надежды.

…Дело шло к выпуску.

Путевка в жизнь

Ежегодно совет физико-математического факультета назначал темы сочинений для студентов, желавших окончить университет со степенью кандидата наук. На это мог рассчитывать только тот, кто отлично успевал по главным предметам и добровольно брался за выполнение одобренной на факультете научной работы. Выпускники, которые учились слабо или средне, диссертаций не писали. Они выходили из университета не кандидатами, а со званием «действительного студента».

Темы назначались разные. В числе прочих в 1854 году была включена и астрономическая: «Способ Ольберса и его применение к определению орбиты кометы Клинкерфюса 1853 г.».

Предложил ее профессор Ковальский. И не случайно. В ночь с 10 на 11 июня 1853 года сотрудники Геттингенской обсерватории обнаружили новую комету. Она была видна и в Казани. В августе комета достигла предельного блеска. Затем ее яркость постепенно ослабла, и в январе 1854 года она стала недоступной для наблюдения.

Способ определения орбит комет разработал еще в конце XVIII века немецкий астроном Ольберс.

По какой же орбите будет путешествовать комета 1853 года? Появится ли она снова на небосклоне?

Открыватель кометы, ассистент Геттингенской обсерватории Эрнст Клинкерфюс, сам ответил на эти вопросы. Но профессору Ковальскому важно было каждое новое подтверждение правильности его поправок к классическим методам определения орбит космических объектов. В том числе и к способу Ольберса. Поэтому он и назначает эту тему. Работа, за которую взялся Илья Николаевич, требовала знаний и усидчивости.

Прежде всего надо было изучить, а затем сжато изложить вклад Ньютона, Гевелия, Лапласа, Лагранжа в разработку теории движения комет. Предстояло сравнить различные приемы вычисления орбит, подробно рассказать о способе Ольберса. И наконец, самому рассчитать орбиту кометы Клинкерфюса.

Проделав все необходимые расчеты, Ульянов сделал вывод: способ Ольберса, «как самый простой» из всех известных, выдержал испытание временем и имеет перед другими преимущество «самое важное в практическом отношении — краткость и удобность вычисления».

К положенному сроку — до начала выпускных экзаменов — диссертация на тридцати семи страницах тетради представлена

декану факультета. Он предписывает главному астроному Ковальскому оценить сочинение, «но рассмотрении, доставить… письменное мнение о достоинстве».

Профессор Ковальский излагает свой отзыв: «Сочинение студента 4-го курса г-на Ульянова представляет полное изложение способа Ольберса для вычисления параболической орбиты кометы с дополнениями Энке и Гаусса. Применение этого способа к вычислению элементов кометы, виденной простым глазом в прошлом году, и согласие результатов г. Ульянова с результатами, опубликованными в „Astronomische Nachrichten“, показывает, что г-н Ульянов постиг сущность астрономических вычислений, которые, как известно, весьма часто требуют особых соображений и приемов. Это сочинение я считаю вполне соответствующим степени кандидата математических наук». С этой оценкой согласны доктор прикладной математики Котельников, доктор минералогии и геогнозии Вагнер, доктор математики и астрономии Попов, доктор физики и химии Савельев, профессор Гесс. Многочисленные — весьма трудоемкие и кропотливые — вычисления Ильи Николаевича выполнены точно.

…Майские дни 1854 года. Выпускные экзамены. Ульянов сдает их успешно: алгебраический анализ с аналитической геометрией и тригонометрией — 4, астрономия — 5, геодезия — 5, механика твердых тел — 4. И тут Илья Николаевич заболевает и попадает в университетскую клинику.

Оставшиеся экзамены он сдает осенью. По физике и физической геодезии получает отличные, а по дифференциальному, интегральному и вариационному вычислениям и механике жидких тел хорошие оценки.

16 сентября профессор Котельников доложил ректору университета, что совет физико-математического факультета удостаивает И. Н. Ульянова ученой степени кандидата. Курс университетского образования завершен.

После окончания университета Илья Николаевич проводит в тягостном неведении долгие недели: он ждет, куда его направят на работу.

Хочется одного: стать учителем. Между тем таких вакансий очень мало. Министерство просвещения выпускников единственного в стране петербургского Главного педагогического института и то подчас не знает, куда пристроить. В 1855 году, например, его физико-математический факультет закончили всего четверо, в том числе Д. И. Менделеев, но и для них начальство целых полгода искало вакансий.

Ульянову как выходцу из мещан необходимо получить свидетельство Астраханской казенной палаты об исключении его из мещанского сословия. Свидетельство приходит лишь в ноябре. И только тогда попечитель учебного округа утверждает представление совета университета о выпуске И. Н. Ульянова со степенью кандидата. 13 декабря ректор и декан подписывают кандидатский диплом.

Но со службой все еще ничего не ясно. Допекает безденежье. Жизнь не устает устраивать Ульянову экзамены — на волю, выдержку, долготерпение.

Наконец судьба начинает улыбаться Илье Николаевичу. В соседней Пензе в Дворянском институте освобождается место старшего учителя физики и математики. За день до нового, 1855 года Ульянов обращается к попечителю учебного округа с просьбой проэкзаменовать его на звание старшего учителя по этим предметам. Такие экзамены были обязательны даже для лучших выпускников университета.

А тем временем в Пензе происходит событие, имеющее непосредственное отношение к судьбе Ильи Николаевича. При институте, куда просится на работу Ульянов, есть метеостанция. С нее в учебный округ постоянно идут сводки. В одной из сводок Лобачевский читает, что на пензенской метеостанции термометр на солнце показывает температуру ниже, чем в тени. Казус свидетельствует о небрежности лица, ведущего наблюдения.

В Пензу идет депеша. Помощник попечителя предлагает за небрежность сделать выговор наблюдателю и немедленно заменить его другим лицом, «более сведущим и надежным».

Учитель физики и математики Н. Н. Панов, а именно он отвечал за метеостанцию, отстраняется от наблюдений. Директор института докладывает в управление округа, что «из учителей института никто не согласен производить метеорологические наблюдения». Для Лобачевского, около тридцати лет добивавшегося организации в Поволжье и на Урале наблюдений над погодой, это досадная неприятность.

Помощник попечителя вспоминает о кандидате Ульянове. Ведь он работал в университетской обсерватории под руководством профессора Савельева. Профессор дает самый благоприятный отзыв о своем бывшем студенте. Лобачевский решает направить Ульянова в Пензу. 7 мая Илья Николаевич, уже выдержавший необходимые экзамены, назначен старшим учителем в пензенский Дворянский институт. Николай Иванович Лобачевский поручает ему и заведование метеостанцией.

Так из рук великого ученого Илья Николаевич получает путевку в жизнь.

31 мая 1855 года Лобачевский уведомляет пензенского директора, что «кандидат Казанского университета Илья Ульянов, получив из канцелярии г. попечителя подорожную по казенной надобности, отправился к месту служения 28 сего мая».

Молодого преподавателя ждал незнакомый город. На почтовой станции по казенной подорожной ему выделили две лошади. Повозка запылила по старинному Екатерининскому тракту. От Казани до Пензы предстояло проехать около пятисот верст.

Отправляясь в дорогу, разве мог Илья Николаевич предполагать, что в феврале следующего года в Пензу придет горькая весть о смерти создателя неевклидовой геометрии?

Часть II
Педагог

Любимый предмет

Пенза — красивый город. На холмах, над Сурой, расположены амфитеатром улицы. Над ними собор, управа, резиденция губернатора, присутственные места. Центр города — Соборная площадь. Неподалеку, на Дворянской улице, стояло внушительное каменное здание в три этажа. На фронтоне золочеными буквами выложено: «Дворянский институт». Здесь и предстояло Илье Николаевичу сделать первые шаги на трудовом поприще.

В городе не насчитывалось и двадцати трех тысяч жителей. Самые крупные предприятия — бумажная фабрика, мыловаренный и два колокольных завода. «Местные ученые и литературные труды так ничтожны, что о них не следовало бы и упоминать. Библиотеки здешние состоят по большей части из книг так называемого легкого чтения. Такие книги еще находят сбыт в публике», — отмечал современник.

Кроме Дворянского института, есть еще мужская гимназия, частный женский пансион, духовная семинария и духовное училище, училище садоводства, уездное и приходское училища, художественная школа, женское училище второго разряда.

Самым респектабельным считался Дворянский институт. Обучались там только дети дворян. Это учебное заведение содержалось за счет денежных взносов местного дворянства. Курс, как и в гимназиях, был семилетним; воспитанники получали общеобразовательную подготовку. Кроме того, их обучали основам агротехники и землемерия, а также танцам, пению, давали музыкальное образование. Воспитанников насчитывалось чуть более ста во всех классах.

Порядки в институте жесткие. Подъем в шесть тридцать утра. Молитва, завтрак. С девяти до половины третьего — занятия. После обеда небольшой отдых, с пяти до половины девятого вечера приготовление уроков в рекреационной зале. Даже во время сна в спальне сидел дежурный дядька. За расстегнутый воротничок мундира, невыполнение домашнего задания или уклонение от церковной службы объявляли выговор, снижали балл по поведению, лишали увольнения домой, пороли розгами, сажали и в карцер.

Первые месяцы пребывания в Пензе молодого учителя совпали с летними каникулами. Институт опустел, воспитанники разъехались. Было время подготовиться к предстоящим занятиям.

Любому преподавателю известно: первые годы учительства

самые трудные. Надо составить программы, подготовить планы уроков, продумать методику. Ульянову хотелось взяться за работу всерьез.

Шел год 1855-й. Середина XIX века. В Западной Европе, в далеких Североамериканских Штатах закрепляет свои позиции капитализм, развиваются капиталистические отношения и в России, строятся новые заводы, фабрики, шахты. Год от года возрастает значение точных наук. В предисловии к учебнику физики (вышедшему в 1860 г.) говорилось: «Сеть телеграфов покрывает теперь всю Европу, на дне морей лежит говорящая проволока, человек подчинил себе молнию, и, может быть, недалеко уже то время, когда электрические искры будут разносить человеческое слово от одного конца земли до другого. Сжатые пары воды мчат по железным дорогам длинные ряды карет, как бы целые катающиеся города…»

Ульянов чувствует наступление нового времени. Он внимательно следит за всеми научно-педагогическими новинками, читает в подлиннике труды французских физиков, озабочен пополнением физического кабинета новейшим оборудованием. По его рекомендации приобретаются редкие приборы, позволяющие ставить сложные опыты. Тут и телескоп, и модель электрического телеграфа, и зеркало для опытов с инфракрасными лучами, и электромагнитная машина. Уроки физики и математики становятся интересными и увлекательными.

Новый учитель добр, расположен к своим воспитанникам. Объясняет материал просто и доходчиво. Если попадаются трудные разделы, готов остаться после уроков, прийти в класс даже в воскресенье, чтобы объяснить непонятное.

Уроки Ильи Николаевича приобретают популярность. Коллеги знакомятся с его методикой, присматриваются к его педагогическим приемам. Постепенно созревает единое мнение — Ульянов прекрасный педагог. «Преподавание физики сопровождается опытами, — сказано в отчете института за 1856/57 учебный год, — и идет успешно». На следующий год педагогический совет института отмечает, что новый учитель «отличается хорошими сведениями, превосходным методом преподавания, занимает учеников весьма деятельно практически и обладает терпением, драгоценным для педагога даром».

Илья Николаевич знал, что система образования в России подчиняется интересам сословий, каждому из которых уже отведена в государстве и обществе определенная роль. Этой цели служил и Дворянский институт. Работая в нем, Илья Николаевич понимал всю важность нравственного воспитания, воспитания

человечности у детей привилегированного класса. В противовес официальной педагогике николаевской поры, считавшей главной задачей подготовку преданных слуг церкви и престола и ради этого, как отмечал Герцен, беспощадно систематически вытравлявшей в детях «человеческие зародыши», отучавшей их «как от порока, от всех людских чувств, кроме покорности», он стремится развивать в своих воспитанниках не только любознательность и старание, но и такие черты, как честность, отзывчивость, доброту, чувство справедливости, долга, собственного достоинства.

Многие педагоги того времени склонны были полагать, что в процессе обучения и воспитания ребенок, словно пустой сосуд, заполняется любым содержанием. При этом абсолютно не принимались во внимание природные задатки ученика, его склонности и способности, его индивидуальные особенности. Изощренная система запретов и наказаний подавляла живую мысль, инициативу, самостоятельность. Власть учителя была непререкаемой; внешние приличия нередко считались важнее духовной сущности воспитанников. Развитие всех задатков ребенка, природных данных с учетом возрастных особенностей и возможностей — вот что считал главным Илья Николаевич в обучении и воспитании.

Постоянно размышляя о своем далеко не простом деле, он ищет ответы на сложные вопросы в статьях Белинского, Герцена, Добролюбова. На всю жизнь запоминает он предостережения Белинского: «Первоначальное же воспитание должно видеть в дитяти не чиновника, не поэта, не ремесленника, но человека, который мог бы впоследствии быть тем или другим, не переставая быть человеком»; «Не упускайте из вида ни одной стороны воспитания, говорите детям и об опрятности, о внешней чистоте, о благородстве и достоинстве манер и обращения с людьми; но выводите необходимость всего этого из общего и высшего источника — не из условных требований общественного значения или сословия, но из высокости человеческого знания; не из условных понятий о приличии, но из личных понятий о достоинстве человеческом».

Годы учительства Ульянова в Пензе — годы важных событий в России. Скончался Николай I. Закончилась Крымская война, показавшая, как известно, гнилость и бессилие крепостнической системы. «Надо было пережить то трудное время, — писала Анна Ильинична Ульянова, — чтобы почувствовать огромное облегчение, когда со смертью Николая I… началась для России полоса реформ». Необходимость реформ была очевидна. Жизнь

страны, ее экономическое и социальное развитие требовали их.

От нового царя Александра II ждали либерализации общественной жизни.

В Пензе и в учительских кругах с волнением говорили о новых веяниях: ослаблена цензура, разрешены поездки за границу, восстанавливаются права университетов. И — наконец-то! — амнистируются декабристы и петрашевцы. Очередь дошла и до просвещения. В Казанском университете вновь преподают философию, на историко-филологический факультет можно поступать без знания греческого языка, для студентов отменено повседневное ношение шинелей, треуголок, шпаг…

В печати стали говорить о необходимости введения всеобщего начального образования, появились выступления против телесных наказаний. Ожидался пересмотр учебных программ — нельзя же, в самом деле, во второй половине XIX века латыни уделять больше места, чем физике и математике. А химия, астрономия, биология? Их как самостоятельных предметов вообще нет в программах средних школ. Настало время повернуть образование к потребностям жизни!

Журнал «Морской сборник» напечатал в 1856 году статью знаменитого хирурга Н. И. Пирогова «Вопросы жизни». Она была посвящена народному образованию, в ней выражался своеобразный протест против существующей системы. По сути дела, это был первый публичный страстный монолог о принципах обучения, о его целях и задачах. В педагогических — да и не только педагогических — кругах она произвела сильное впечатление.

Автор статьи, выражая чаяния многих просветителей России, говорил о необходимости демократизации образования: о том, что главная цель его — не лепка верноподданного и безропотного чиновника, «винтика» для государственной машины, а воспитание человека, гражданина, мыслителя, энтузиаста. В противовес стремлению самодержавия поработить личность, превратить народ в послушную, бессловесную толпу Пирогов стоял за нравственное раскрепощение людей. Отсюда его протест против сословной школы, против муштры, зубрежки, палочной дисциплины. Он считал, что надо дать окрепнуть и созреть «внутреннему человеку», и делал вывод: «…и у нас будут и негоцианты, и солдаты, и моряки, и юристы, а главное, у нас будут люди и граждане».

Значение статьи трудно было переоценить. «Пирогов первый у нас взглянул на дело воспитания с философской точки зрения и увидел в нем не вопрос школьной дисциплины, дидактики или правил физического воспитания, но глубочайший вопрос

человеческого духа — „вопрос жизни“», — писал К. Д. Ушинский. Он говорил, что Пирогов пробудил педагогическую мысль в стране.

Статья была перепечатана почти во всех русских журналах. Не нашлось, пожалуй, в стране учебного заведения, где она не обсуждалась. Идеи Пирогова захватили умы. Они породили постепенную поляризацию педагогов.

Кое-кто из коллег Ильи Николаевича не считает необходимым менять принципы обучения и воспитания. Назревает публичное столкновение мнений.

В Пензе первые баталии развертываются не в институте, а по соседству — в гимназии. Она была с ним тесно связана. Многие преподаватели вели уроки в обоих учебных заведениях, одно время их возглавлял один директор, проводились совместные торжественные акты. Общие интересы, круг знакомых, общие увлечения объединяли и учеников и учителей. Словом, дела гимназии были близки институту. А на события в институте живо реагировали в гимназии.

Именно там, в институте, в последний день июня 1856 года состоялся выпускной акт с присутствием губернских властей, родителей, именитых граждан.

На каждой такой церемонии по традиции кто-нибудь из учителей произносил речь. Это был своего рода реферат на какую-либо научную тему. На сей раз с речью «О необходимости преподавания наук, преимущественно истории, в духе христианства» выступал историк Амстердамский. Безудержное восхваление самодержавия, неприкрытая ненависть к либеральным веяниям, отстаивание принципов реакционной педагогики — вот к чему сводилась суть выступления.

В прежние времена оно наверняка не вызвало бы публичного протеста. Ропот, недовольство, но не открытое возмущение. А ныне один из бывших воспитанников института, слушатель Московского университета Михаил Эссен, приехавший в Пензу к родным, отправил по поводу хвалебно-монархической оды Амстердамского негодующие письма в несколько адресов, в том числе директору петербургского Главного педагогического института и попечителю Казанского учебного округа. «Никогда еще тупость, невежество и лицемерие не доходили до той уродливости и дерзости, до которой дошли в этой речи…» — писал М. Эссен. Он же написал и инспектору казенных училищ округа: «Мы мучаемся в духоте нашей жизни, мы рвемся из тяжелых оков самодержавия, оскорбленные глубиной и прочностью зла, а тут вдруг перед нами раздается проповедь, в которой проклинается все великое революционное движение, в

которой поругано все разумное и свободное».

Возник переполох. Автор письма был арестован и препровожден в знаменитое Третье отделение «собственной его величества канцелярии».

И все-таки чувствовалось: вот-вот наступит время, когда о вопросах образования, о недостатках в этой сфере можно будет говорить широко и открыто, когда к ним будет привлечено общественное внимание. Это время должно было наступить: настолько кастовой и схоластичной была официальная система образования, настолько отставала она от развития страны, от жизненных потребностей народа, настолько копировала весь чиновничий строй николаевской России. Это сказывалось в самых разных сферах жизни. Просвещение, народное образование становились одним из основных направлений борьбы, на котором сталкивались силы реакции и прогресса.

«Каждое человеческое дело, — писал П. Г. Чернышевский, — успешно идет только тогда, когда руководится умом и знанием; а ум развивается образованием, и знания даются тоже образованием; потому только просвещенный народ может работать успешно». Эти слова выражали мысли Ильи Николаевича, определяли суть того дела, которым выпало ему заниматься в жизни.

Ульянов сближается с педагогами, разделявшими новые идеи, мечтавшими поставить образование на научную основу, сделать обучение более демократичным. Им противостоят те, кому равнодушие и ограниченность позволяют довольствоваться существующим порядком вещей. Первые отстаивают передовую педагогику не только лучшим ведением своих предметов, но и личной гражданской позицией. Они не боятся называть вещи своими именами, не опасаются формулировать свою точку зрения, не потворствуют молчаливо рутинерам и бездарностям. Особенно ярко это проявилось в так называемом «деле Рудольфа Рейнаха».

Многим преподавателям института было хорошо известно, что учитель немецкого языка Рудольф Рейнах слабый преподаватель, бездарный воспитатель, жестокий человек.

«За незнание урока пли за шалость, — вспоминал впоследствии бывший воспитанник Дворянского института доктор медицины П. Ф. Филатов (отец известного окулиста), — Рейнах брал виновного за ухо, складывал хрящ пополам у корня и растирал это сложенное ухо своими крепкими пальцами, приговаривая разные прибаутки. Раз он крепко схватил меня за вихор и приказал повертываться кругом. Я освободился лишь тогда, когда прядь волос осталась у него в пальцах…»

Метода преподавания у Рейнаха была тоже весьма «своеобразной». При опросе учащихся он лишь сличал ответ с текстом учебника. Его объяснения были сухим изложением грамматических правил, подчас сопровождаемым ошибками. Горе-учитель не брезговал брать от учеников подарки; мстил тем, кто был честен и прям. И тем не менее он смог прослужить в институте шестнадцать лет, приобрел влиятельные знакомства, дослужился до наград.

Ученики его ненавидели. И вот в сентябре 1860 года семиклассник Генрих Фризе в ответ на его придирки отказался отвечать урок и пожаловался директору на необъективность и грубость учителя. Педагогический совет поручил разбор жалобы Илье Николаевичу и четырем его коллегам.

Рейнах был спокоен. Он знал, что он не одинок. Добрая половина преподавателей не желала расставаться с николаевскими порядками в учебном заведении.

Однако времена менялись. Рейнаху было предложено выйти в отставку. А вскоре институт пришлось покинуть и географу Феоктистову, который также не блистал ни мастерством педагога, ни достоинствами человека. Так были выдворены наиболее реакционные учителя.

Сделать это было непросто. И все-таки нашлись люди, которые смогли это сделать: преподаватель русской словесности Владимир Иванович Захаров, естественник Владимир Александрович Ауновский, Илья Николаевич Ульянов.

Захаров был среднего роста, большеголовый, с высоким красивым лбом — знакомые находили в нем сходство с Беранже. И так же, как французский поэт, любил острое словцо, умел пошутить. Говорил сипловато, с придыханием, но слушали его внимательно, особенно молодежь. Беспощадная насмешка Владимира Ивановича не обходила ни пензенского губернатора, ни бездарных коллег. Не злоязычие, а убежденное неприятие существующего порядка, убийственная критика его привлекали к нему молодежь. В такой же степени, впрочем, как и блестящее знание им русской литературы и истории общественной мысли. Захаров был первым, кто выступил в Пензе с публичными лекциями о Белинском; он подчеркивал антикрепостнические стороны творчества Пушкина, Гоголя, Лермонтова; знакомил воспитанников с лучшими публикациями в «Современнике».

Илья Николаевич и Владимир Иванович жили в одном доме. Широкая образованность, доброе отношение к ученикам, честность, внимание к простым людям вызвали у Ильи Николаевича симпатию к коллеге. Импонировали ему и революционно-демократические взгляды Захарова.

Преподаватель естествознания Владимир Александрович Ауновский, человек разносторонних знаний, был постоянно увлечен какой-либо научной проблемой. В течение многих лет Ауновский изучал этнографию и историю мордовского народа. Предметом его многолетних исследований был каменный уголь.

Судьба свела Илью Николаевича в Дворянском институте и с его бывшим учителем Александром Васильевичем Тимофеевым. Теперь он служил инспектором института.

Так складывался круг единомышленников.

Борьба с рутинерами приносила свои плоды. В решениях педагогического совета института тех лет не один раз было отмечено: телесные наказания воспитанников недопустимы, нельзя унижать их человеческое достоинство, учитель должен быть воспитателем, а не начальником, надо развивать у учащихся «гуманные начала нравственности», любовь к труду. В этих требованиях проявлялись профессиональные и гражданские позиции передовых преподавателей.

…У старшего преподавателя Дворянского института забот хватало. Надо давать уроки, проверять домашние работы, ходить с детьми на прогулки. Находилось много и других дел. Педагогический совет поручал ему анализ сочинений старшеклассников — на французском и латинском языках. Он проверял книжные фонды института, качество получаемых учебных пособий, бумаги, карандашей и так далее — вплоть до дров включительно. Что поделаешь — будни!

Но среди множества дополнительных обязанностей была у Ильи Николаевича одна постоянная. Она целиком лежала на его плечах, он нес за нее персональную ответственность не только перед институтским начальством, но и перед Казанским учебным округом. Это ведение метеонаблюдений.

Когда Илья Николаевич занимался метеонаблюдениями в Казани, там все обстояло гораздо проще. Университетская обсерватория имела новейшее оборудование. Любую неисправность в приборах сразу же устраняли специалисты. И наконец, в университете всегда можно было получить необходимую консультацию. А в Пензе приборы устаревшие, за советом и помощью обратиться не к кому.

29 июня 1855 года он отправил в Казань первую метеосводку за месяц. Дальше сообщения о погоде пошли регулярно. И не только в учебный округ. Сводки представлялись в «Общество сельского хозяйства юго-восточной России» и в Главную физическую обсерваторию. Наблюдения отнимали немало времени.

Илья Николаевич вел метеонаблюдения безвозмездно целых

четыре года. Сводки, составленные им, использовались в научных трудах и исследованиях.

Систематические занятия на метеостанции позволили Илье Николаевичу написать две весьма интересные научные работы. Одна из них «О пользе метеорологических наблюдений и некоторые выводы из них для Пензы» получила одобрительный отзыв из Казанского университета. Вторая научная работа называлась «О грозе и громоотводах» и была прочитана на торжественном институтском акте в 1861 году. Она свидетельствовала о глубоких познаниях учителя физики и математики.

— В первый раз мне выпало на долю говорить перед вами, милостивые государи, — так начал свою речь Илья Николаевич, — говорить о предмете, мною изучаемом, говорить о природе. На этот раз я хочу остановить ваше внимание на явлении, которое имеет большое влияние на человека, на явлении грозы, и поговорить о средствах предохранения от нее…

Он ссылался на работы знаменитого американца Вениамина Франклина, называл имена других русских и иностранных исследователей, использовал данные французского физика и метеоролога Жана Пельтье, труды английского физика Роберта Гука — этот ученый также занимался атмосферным электричеством и проводил опыты с громоотводами.

Тема выступления была весьма актуальной. О грозах и молниях в те годы много писали виднейшие физики мира; о них с суеверным ужасом говорили неграмотные люди, от ударов молний ежегодно горели строения, леса, хлеба.

Заключая, оратор сказал:

— Итак, наука дает человеку средства оградить себя от ударов молнии, борется с предрассудками и побеждает их самыми неопровержимыми доказательствами — фактами.

Заглядывая в будущее

Почти тридцать лет Пензенской губернией управлял губернатор Панчулидзев — лицо в высшей степени омерзительное, «меломан и зверь», по выражению Н. С. Лескова. В день 25-летнего юбилея его губернаторства по городу разошлись рукописные стихи:

О ты, герой не очень крупный,
Герой лишь подлостью души,
По виду строгий, неподкупный,
Но тварь продажная в тиши…

Панчулидзев удостоился и внимания герценовского «Колокола», где был назван «патентованным вором» и «сатрапом». Окружив себя компанией родственников и друзей, губернатор жил по принципу «рука руку моет».

С губернатора брали пример. При нем полицейский и административный произвол достиг степеней небывалых. Был даже случай, когда становой пристав украл с большой дороги деревянный мост.

Но не все терпели самоуправство, принимавшее подчас невероятный характер. Недовольство порядками в губернии проявлялось то здесь, то там.

В ноябре 1860 года на годичном акте в присутствии высших чинов губернии преподаватель словесности Владимир Михайлович Логинов произнес речь «Очерк сатирического направления русской литературы в XVIII веке». Тема была исторической, оратор, говоря о Кантемире и Сумарокове, подчеркивал, что перо этих литераторов было направлено в первую очередь против таких пороков, как спесь, хвастовство, невежество высшего сословия.

— …Но борьба эта не кончилась в XVIII столетии, она перешла и в наш век и так или иначе продолжается в настоящее время.

Пензенское дворянство уловило в этих словах прозрачный намек. Разразился скандал. Нахлобучку из округа получил педагогический совет института. Виновник смятения был выдворен из учебного заведения.

Почти каждый год в губернии происходили волнения. В 1858 году рабочие чугуноплавильного завода не вышли на работу,

протестуя против невыносимых условий жизни. Зачинщиков забастовки прогнали сквозь строй.

В 1859 году крестьяне, доведенные до ожесточения, громили ненавистные «питейные заведения». «Бунтовщиков» бросили за решетку. «Тюремный замок набит, в полном смысле этого слова, государственными крестьянами», — доносили жандармы в Петербург.

В 1861 году в Пензу прибыли студенты, исключенные за участие в «беспорядках» в Петербургском, Московском, Казанском и Харьковском университетах. Среди них — Дмитрий Каракозов. Власти были весьма встревожены увеличением «взрывоопасного материала» в городе.

А вскоре произошли события, прогремевшие на всю страну: в селе Кандеевка и окрестных деревнях состоялось выступление недовольных реформой крестьян.

…10 марта 1861 года в Пензе вместе с секретным циркуляром министра внутренних дел получили и несколько сот экземпляров манифеста об «освобождении». Рекомендовалось читать его по церквам, обратив особое внимание «на сохранение, при обнародовании манифеста, тишины и порядка».

Манифест опубликовали в «Пензенских губернских ведомостях». Царь писал об «отеческих отношениях помещиков к крестьянам». Но тут же шли не обещавшие ничего хорошего жесткие ноты: «До истечения сего срока крестьянам и дворовым людям пребывать в прежнем повиновении… Помещикам сохранить наблюдение за порядком в их имениях, с правом суда и расправы».

Для наблюдения за проведением реформы в Пензу из Петербурга прибыл генерал-майор Дренякин. Под началом карателя находилась пехотная дивизия.

В селе Кандеевка на площади собралась тысячная толпа. Генерала Дренякина, начавшего разъяснять «царскую милость», крестьяне слушали молча. Затем заявили:

— Мы, значит, теперь вольные; стало быть, и земля вся наша, и барское добро наше!

Дренякин приказал дать залп по крестьянам. Толпа не дрогнула.

Раздались новые выстрелы, упали новые жертвы, а толпа стояла.

— Всем бы этим мученикам за их стойкость по «георгию» повесить на кафтан! — перешептывались офицеры.

Финал кандеевской трагедии: восемь убитых, десятки раненых. Двадцать восемь крестьян прошли сквозь строй и были сосланы на каторжные работы, восемьдесят человек отправлены

на поселение в Сибирь, в линейные батальоны и тюрьмы.

Губернская газета молчала об этом. Но в Дворянском институте знали о кровавых событиях в Кандеевке. «Благородное» сословие стреляло в бывших крепостных. Вот чем обернулись фарисейские слова царского манифеста: «обнимать нашею царской любовью и попечением всех наших верноподданных всякого звания и состояния, от благородного владеющего мечом на защиту Отечества до скромно работающего ремесленным орудием, от проходящего высшую службу Государственную до проводящего в поле борозду сохою или плугом».

«Царь-освободитель» щедро наградил палачей. Были опубликованы списки награжденных участников усмирения. Герцен писал в «Колоколе»: «Храбрый Дренякин представлял к награде „молодцов“, убивавших крестьян — наших братьев, русских крестьян. Чем же их наградить? Надобно выписывать австрийские или прусские кресты — не русскими же награждать за русскую кровь!»

Илья Николаевич глубоко сочувствовал тяготам и бедам народа, горькой его доле. По характеру, по убеждениям он был противником любого насилия; не верил, что принуждение может изменить образ жизни или мировоззрение, оказать благотворное влияние на личность и общество. Он искренне считал, что с отменой крепостного права в России навсегда будет ликвидировано рабство, что освобожденный от ярма народ, образованный усилиями просветителей (к их числу он причислял и себя), заживет новой жизнью.

Глубокое желание помочь тем, кто лишен великой радости учения, все больше и больше овладевает им. Подумать только: тысячи детей крестьян, ремесленников, городской бедноты из-за нищеты, безденежья, из-за отсутствия школ так и проживут в невежестве, никогда в жизни не смогут читать Пушкина, Лермонтова, Гоголя! Как смириться с духовной обездоленностью большей части населения?

В эти годы Илья Николаевич увлечен педагогическими изысканиями Пирогова, Ушинского, Герцена, Огарева. Герценовский «Колокол», некрасовский «Современник» ожидаются им в Пензе с нетерпением. Возможность их читать представлялась не всегда. Близки и понятны были страстные выступления Герцена против крепостного права, телесных наказаний, помещичьего произвола. Понятны и слова великого мыслителя о том, что в обучении и воспитании самую существенную роль играет наставник молодежи, учитель. От того, каков он, от его взглядов и принципов зависит во многом и то, какими станут его воспитанники. Именно поэтому так

значительна профессия педагога; именно поэтому чрезвычайно важно, чтобы воспитание и обучение молодежи находились в руках достойных. И оттого столь нетерпимо пренебрежительное отношение к учителю со стороны привилегированных классов и властей. Несмотря на тяжелую сплошь и рядом жизнь учителя, несмотря на его задавленность нуждой, несмотря на оскорбления властей и лишения права голоса, несмотря на это, считал Герцен, русское учительство в целом проповедовало «идеи независимости и ненависти к произволу», «очеловечивало и революционизировало» молодое поколение. Эта высокая оценка вдохновляла и обязывала.

Роль педагога в школе и обществе, новейшие методы обучения, судьба школьного дела в стране, характер необходимых просветительских реформ, возможность введения всеобщего образования… На свои вопросы Илья Николаевич находит ответы в публикациях «Современника», журнала, выражавшего взгляды передовой революционно-демократической части общества. Этот журнал печатал тогда большинство педагогических статей Чернышевского и Добролюбова. Статей глубоких, часто неожиданных, в них содержался анализ школьного дела в России, критиковалась правительственная политика в этой сфере, поднимались основополагающие проблемы просвещения: цели воспитания и образования, содержание и методы обучения, вопросы всеобщей обязательной школы, роль социально-экономических условий в деле просвещения… «Политическая власть, материальное благосостояние и образованность — все эти три вещи соединены неразрывно», — писал Чернышевский, и эти слова предельно четко определяли место и роль учителя в обществе и государстве, его важнейшую функцию в общем прогрессе народа.

Смелы и убедительны рассуждения Добролюбова о роли среды и условий жизни в формировании личности. В своей статье «О значении авторитета в воспитании» он камня на камне не оставляет от распространенного заблуждения, будто бы положение человека, его способности предопределены от рождения. «Людей путных или непутных делает жизнь, общий строй ее в известное время и в известном месте», — пишет он. И уж кто-кто, а Ульянов, сам с трудом пробившийся к знаниям из податного сословия, прекрасно осознает эту глубокую правоту. И невольно приходится задумываться: а нормально ли состояние государства, в котором миллионам людей просто-напросто отказано в праве на образование? И как помочь им?

Никогда раньше проблемы образования, проблемы воспитания не обсуждались так широко, так свободно, так

заинтересованно. Словно спала некая пелена с глаз, мешавшая ранее видеть колоссальные возможности просветительной работы. И какие светлые умы в стране, оказывается, озабочены этим! Все больше и больше увлекается педагогикой Лев Толстой, он сам учит крестьянских детей в Яснополянской школе. Публикует статьи о народном образовании ставший попечителем Киевского учебного округа хирург Пирогов.

В печати обсуждаются и рассматриваются самые разные стороны педагогической теории и практики. И общие выводы таковы: школа должна не только снабжать человека знаниями, но и менять его духовную сущность; сословное образование — анахронизм; роль естественных наук, связанных с потребностями жизни, в школе должна возрастать; педагогика не узкопрофессиональное, а общественное дело. И главное, назревшее: необходима реформа всей системы образования в стране, реформа, основой которой должно быть всеобщее, бесплатное начальное обучение.

Растут ряды деятелей передовой педагогики — людей увлеченных, горячо ратующих за просвещение народных масс, за демократизацию школы. Это о них В. И. Ленин скажет много лет спустя, что они были одушевлены «горячей враждой к крепостному праву и *всем его* порождениям в экономической, социальной и юридической области… Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям, — горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта „просветителя“ это — отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян… искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние и искреннее желание содействовать этому».[2]

Именно взгляды этих просветителей, их точку зрения принимает Илья Николаевич. Благородная их страстность, увлеченность и глубина мысли, убежденность и принципиальность не могут оставить его равнодушным. Душа требует действия, посильного участия в улучшении судьбы народной. Конечно, и честное, добросовестное воспитание юношества послужит делу общему. Но не мало ли этого? Всем своим существом он тянется к практической, осязаемой работе на благо народа.

До Пензы доходит весть, что в Петербурге, Киеве, Екатеринославе открыты первые воскресные школы, в которых педагоги-энтузиасты бесплатно обучают рабочих и ремесленников, их детей. Неофициальная школа для народа… Не

реализация ли это призывов передовых педагогов и просветителей помочь народу вырваться из темноты и невежества? Идея близка многим преподавателям, и в первую очередь Ульянову и Захарову. Не создать ли такую же школу и в Пензе?

Илья Николаевич с коллегами просит директора училищ губернии выдать разрешение на открытие школы, цель которой «распространять грамотность в ремесленном и рабочем классе». Они ознакомлены с правительственным Положением, обязывающим учителей не выходить «из границ определенного круга действия, т. е. чтобы учение… ограничивалось законом Божьим, чтением, письмом и первыми правилами арифметики». Всякое отступление от этого пресекается. Ну что ж: писать, читать — и то для сплошь неграмотного народа благо.

И вот уже составлен проект устава «Общества для распространения грамотности в городе Пензе», подписанный членами-учредителями, в том числе и Ульяновым. Организаторы общества намерены помогать учащимся-беднякам, проводить литературные собрания и публичные чтения. Они хотят также, «смотря по желанию учащихся и степени их познаний, распространить преподавание сообщением сведений из истории, географии, естественных наук и русского языка». В планах организаторов — создание публичной библиотеки, снабжение книгами учащихся, содержание их на свои стипендии в ремесленных и учебных заведениях. И все это предполагается делать не за счет казны, а за счет ежегодных членских взносов до десяти рублей серебром, а также пожертвований сочувствующих и сборов за литературные чтения.

В сентябре 1860 года попечитель Казанского учебного округа дал знать: министр народного просвещения считает, что распространение грамотности в Пензе может быть достигнуто и без учреждения «Общества».

В конце октября пензенские энтузиасты получили разрешение на открытие воскресной школы. 1 ноября в ней начались занятия. Сначала школа размещалась в здании уездного училища. Оно, по словам очевидца, представляло не «дом, в котором можно было поместить учебное заведение, а сарай для лошадей: сырой, угарный, холодный». И все же на первое занятие пришло сорок человек — дети городской бедноты. А через две недели уроки пришлось проводить в нескольких классах — в школе насчитывалось уже восемьдесят учеников.

В местной газете появился первый отклик — «Несколько слов по поводу открытия воскресной школы в г. Пензе». Автор сомневался в ее жизненности: «…что можно сделать для

образования народа в 50 воскресных дней, и притом не сряду, а через каждые шесть недельных дней, в которые ветер успеет вынести из памяти и головы какого-нибудь ветреного мальчика все слышанное в школе… А какой труд для г. г. учителей, которые будут учить в школе, предполагая, что все они будут из лиц, состоящих на службе! Любой служащий, проработав шесть дней, захочет отдохнуть, а в воскресной школе надобно трудиться, трудиться добросовестно во имя общественной пользы — да у кого достанет на это сил? Разве у самого рьяного прогрессиста? А сколько у нас таковых в Пензе? Не обманываем ли мы самих себя, не видим ли наяву сладкие грезы?»

Но люди, готовые свое свободное время отдать просвещению народа, нашлись. Распорядителем воскресной школы сперва был Владимир Иванович Захаров. Потом он передал ее Ульянову. Здесь преподавали Владимир Александрович Ауновский и Владимир Харлампиевич Хохряков.

Сначала пожертвования поступали регулярно. Удалось создать библиотеку, купили для учеников книги и тетради. Зимой занимались около ста сорока человек. Преподавателей хватало, но мало-помалу число их стало уменьшаться.

Илья Николаевич проработал в школе два года (до самого ее закрытия), стараясь сплотить вокруг себя таких же энтузиастов. Примеру Захарова и Ульянова следовали их воспитанники и в других городах. Ученик Ильи Николаевича Василий Маковеев, учась в Казанском университете, преподавал в воскресной школе. Василий Хохряков, студент Медико-хирургической академии, участвовал в работе петербургской воскресной школы.

В июне 1862 года Илье Николаевичу было вручено предписание министра внутренних дел. В нем говорилось: «Надзор, установленный за воскресными школами, оказался недостаточным. В последнее время обнаружено, что под благовидным предлогом распространения в народе грамотности люди злоумышленные покушались в некоторых воскресных школах развивать вредные учения, возмутительные идеи, превратные понятия о праве собственности и безверие. В отношении к читальням, равным образом, обнаружено стремление пользоваться этими учреждениями не для распространения полезных знаний, а для проведения того же вредного социалистического учения. Государь император повелел… закрыть все ныне существующие воскресные школы и читальни».

Директор училищ губернии заверил губернатора, что в пензенской школе «дурных и вредных толкований» никто из преподавателей учащимся не высказывал, не сеял «превратных»

идей. Однако школа была закрыта.

Илья Николаевич обучал детей пензенской бедноты началам арифметики, чтению, грамоте. При этом он искал собственные пути, собственные приемы и методы. Он сделал первый шаг к начальной народной школе.

Прощай, Пенза!

Летом 1861 года в Пензу прибыл новый инспектор института Иван Дмитриевич Веретенников. Поселился он с семьей, как и его предшественники, в служебной квартире на первом этаже. Держался просто и сердечно. Уважение вызывала и его педагогическая опытность. Все быстро поняли, что инспектор справедлив и доброжелателен.

Он познакомил коллег с женой Анной Александровной — женщиной общительной и жизнерадостной. Она увлекалась литературой, писала стихи, хорошо знала немецкий и французский языки, свободно читала по-английски.

Осенью по только что установившемуся санному пути приехала к Веретенниковым погостить из-под Казани, из деревни Кокушкино, сестра Анны Александровны — Мария Бланк. В ноябре она присутствовала на торжественном акте в институте и слушала выступление Ильи Николаевича «О грозе и громоотводах». Он был представлен казанской гостье.

С приездом Марии Александровны молодые педагоги зачастили к Веретенниковым. После чая с пирогами, печь которые хозяйка была великая мастерица, в гостиной, смотря по общему настроению, начинался или импровизированный концерт, или танцы, или чтение вслух.

Анна Александровна декламировала свои стихи. Иногда она вместе с Владимиром Александровичем Ауновским, которого за чудесный голос звали «соловушкой», пела под фортепьяно. Присоединялась к ним и Мария Александровна, у нее был небольшой, но приятный голос. Она отличалась мягкой, строгой красотой. Умные выразительные глаза, приветливое спокойное лицо сразу же располагали к себе.

Большая часть детства Маши прошла в небольшом хуторке близ деревни Кокушкино. Однако жизнь в глуши, где не имелось даже начальной школы, не помешала ей получить хорошее образование. Отец ее Александр Дмитриевич был выходцем из мещанской семьи. Окончив Медико-хирургическую академию, он оставил Петербург и отправился в далекую провинцию. На многих заводах Урала работал врачом этот чуждый всякого карьеризма и прислужничества человек. Уйдя на пенсию, приобрел хутор на окраине Кокушкина, где занялся сельским хозяйством, лечил местных крестьян. Он овдовел, когда Маше было всего три года. Помогала растить детей сестра покойной жены. Под руководством отца и тетушки девушка овладела немецким, французским и английским языками, познакомилась с

русской и западноевропейской литературой, изучала математику, училась она и музыке, кройке и шитью, была сведуща в основах садоводства и огородничества. Воспитание детей в семье было спартанским, все пять девочек круглый год носили ситцевые платья с короткими рукавами, обтирались холодной водой, занимались гимнастикой, работали в саду и на огороде.

С детства не привыкшая сидеть без дела, Мария Александровна и в Пензе всегда находила себе занятие: занималась музыкой, пением и языками со старшими детьми сестры, проверяла их уроки. Сама она готовилась к экзаменам на звание домашней учительницы русского, немецкого и французского языков, экзамены она собиралась сдавать экстерном в Самарской мужской гимназии.

С Ильей Николаевичем у нее быстро сложились добрые отношения. Иногда он приходил ей на помощь в ее занятиях. Она помогала ему переводить с французского специальные книги. Постепенно возникло чувство глубокое, серьезное. Как-то Мария Александровна заболела. В Пензу прибыл из Кокушкина ее отец — спешил, погонял лошадей.

Ульянов и доктор Бланк познакомились.

Мария Александровна сказала отцу, что Илья Николаевич просит ее стать его женой. Будущий зять Александру Дмитриевичу понравился. Согласие было дано.

Шел 1863 год. Ульянов хлопотал в это время о переводе в Нижегородскую гимназию. На то были причины.

В Нижний уже перебрались из Пензы Захаров и Ауновский. Илью Николаевича тянет к близким друзьям. К отъезду подталкивала и неблагоприятная обстановка, сложившаяся в институте. Учебное заведение испытывало серьезные материальные затруднения. Взносы от дворян поступали с перебоями. Одежда, обувь, постельные принадлежности, продукты, дрова, масло для освещения, учебные пособия — все это бралось у купцов в кредит, возможности которого быстро уменьшались. Преподаватели, надзиратели и прислуга месяцами не получали жалованья. Естественно, что некоторые из них уходили — только за 1862 год уволилось четырнадцать человек. Страдали учеба, порядок, дисциплина. Учащиеся даже выпускного класса после зимних каникул и праздников старались подольше не возвращаться в холодный и голодный институт. В кассе к началу 1863 года имелось наличными 37 рублей, а долговых расписок на 12 тысяч. Случались дни, когда на уроке сидели два-три ученика. По словам самого директора, в институте установился «мертвящий дух умственной посредственности и немощи; завелись гульба, распущенность и

пороки возмутительные…».

Ясно, что работа в таких условиях удовлетворения принести не могла. К тому времени директором Нижегородской гимназии стал Александр Васильевич Тимофеев. Ульянов написал ему письмо с просьбой о месте старшего учителя физики и математики. Тот сразу же послал в Казанский учебный округ ходатайство о переводе Ульянова в Нижний Новгород. Оттуда пришло согласие.

Наступила весна. Он в последний раз принял экзамены. Иван Дмитриевич Веретенников, желая помочь Ульянову быстрее уехать из Пензы, разрешил все семь экзаменов по физике и математике провести с 16 до 29 мая. 14 июня Ульянов сдал по описи Панову физический кабинет — все то, что принимал от него же в 1855 году.

16 июня в актовом зале состоялся торжественный акт. Был он последним в двадцатилетней истории института. Это понимали все присутствовавшие.

На этот раз не было традиционной речи. Преподаватель, взявшийся подготовить ее, в самый последний момент отказался выступать. Может быть, на него повлияли печальные итоги последнего выпуска — из семнадцати претендентов только пятеро получили аттестаты. О чем уж тут говорить высоким слогом!

Невесело было и Илье Николаевичу. Преподавал он от души, искренне привязался ко многим воспитанникам. Сидя в зале, вспоминал своих учеников. Разлетелись они, наступил час и ему трогаться в путь!

Вспомнилось, как открывали в 1859 году женское училище, как участвовали в сборе денег на сооружение в древнем Новгороде памятника «Тысячелетие России», как работали в воскресной школе.

В начале июля Мария Александровна уехала из Пензы в Самару, чтобы сдать экзамены на звание домашней учительницы. Испытания прошли успешно. 15 июля ей было выдано соответствующее свидетельство. Из Самары Маша отправилась в Кокушкино.

Лето было в разгаре. Делать в Пензе Илье Николаевичу больше нечего. Он тоже собирается в путь — к невесте в Кокушкино, где в августе должна была состояться свадьба. Но недоставало денег на переезд, на свадебные расходы. Все пензенские годы бюджет старшего учителя физики и математики был более чем скромный: 41 рубль 25 копеек серебром в месяц. А ведь только за комнату он ежемесячно платил около 15 рублей.

Пытаясь ему помочь, директор института обратился к губернскому предводителю дворянства. Коллежский советник

И. Н. Ульянов, писал он, назначен в Нижний Новгород, но «он не в состоянии отправиться к месту своего служения без удовлетворения его причитающимся ему в количестве 107 рублей жалованьем за 1862 год, а в кассе института нет ни копейки…». Директор просил изыскать эту сумму «и тем самым избавить его от хлопот займа, траты за пересылку, а канцелярии от излишней переписки».

Однако нужной суммы так и не нашлось. Деньги Ульянову выслали из Пензы лишь в декабре 1863 года.

В один из июльских дней Илья Николаевич простился с институтом, с городом, где стал педагогом, познакомился со своей будущей женой. Впереди его ждали Нижний Новгород, друзья, единомышленники.

Какой быть гимназии?

К месту новой службы Илья Николаевич ехал с настроением почти праздничным. Лето 1863 года было светлым и радостным. 25 августа он женился на Машеньке Бланк и был предельно счастлив. Негромкую свадьбу сыграли в Кокушкине. А через несколько дней молодые уже поднимались пароходом по Волге в Нижний.

Город на слиянии Оки и Волги был крупным торгово-промышленным центром России. После постройки железнодорожной линии от Москвы в 1862 году торговля в нем оживилась еще больше. Росли предприятия, строились судоремонтные мастерские, открывались пароходные конторы, отделения банков и коммерческих обществ.

В бойком городе, естественно, существовали дворянский и купеческий клубы. Свой «соединенный» клуб открыли и горожане рангом пониже — разночинцы.

А вот театр как сгорел в 1853 году, так его и не отстроили. Не было в городе ни одного книжного магазина, ни одного высшего учебного заведения. Как и в Пензе, здесь имелись гимназия, Дворянский институт, женское и начальные училища, Институт благородных девиц.

Нижегородская земля Илью Николаевича интересовала: верхнее Поволжье было для него родным — ведь в этих местах, в Сергачском уезде, родился и рос когда-то его отец, ушедший на оброк в низовья Волги, в Астрахань.

И вот Нижний. Старый кремль с башнями и стенами, знаменитый волжский откос, с которого открываются бесконечные дали, оживленные пристани и пакгаузы на набережной, живо напоминающие Астрахань. И новое место работы — гимназия: длинное здание на Благовещенской площади. Парадный подъезд с массивными фонарными столбами под бронзу открывается лишь в дни торжественных актов да для встречи почетных гостей. А вот этот, боковой, для ежедневного пользования. Сумрачный коридор с чугунным полом (этот пол — подарок местного филантропа Немцева); «фундаментальная» библиотека — на нее купец Костромин пожертвовал тысячу рублей; классные аудитории, кабинеты, квартиры для преподавателей. На крыше гимназии — флюгер. Медь по фронтону: «Губернская гимназия».

Илья Николаевич приступает к делу. У него теперь больше забот: он глава семейства, на его плечах лежит ответственность не только за свою жизнь. Хлопоты, связанные с устройством, с

приобретением мебели — со всем тем, что для семейного человека обозначается словами «обзаведение хозяйством», — отнимают время.

В Нижнем Новгороде Ульянов работает одновременно в нескольких местах. Он ведет занятия на землемерно-таксаторских курсах. Преподает физику и математику в местном женском училище. Служит воспитателем в Дворянском институте.

Конечно, нелегко исполнять обязанности, которые он взвалил на себя. Приходится иметь дело с администрацией четырех учебных заведений, вести предметы по разным программам. Кроме того, женское училище находится далеко от гимназии. У Ильи Николаевича там всего четыре урока в неделю. И за десять рублей в месяц, нагруженный наглядными пособиями, он отмеривает версты.

Чете Ульяновых на первых порах приходится трудновато. Но к ноябрю все отлажено. С жильем определились: так как Илья Николаевич работает воспитателем в Дворянском институте, ему предоставили там казенную квартиру.

С первых дней своей работы Ульянов в самой гуще педагогических страстей. Правительство готовило школьную реформу и уже ознакомило страну с проектами школьного устава.

Реформы 60-х годов, в том числе и школьная, как оценит их позднее В. И. Ленин, были «шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию».[3]

Система обучения и образования, сложившаяся еще в крепостнический период, явно не отвечала, как бы сказали мы, потребностям дня. Устарело сословное обучение, надо было создавать условия для широкого развития начальных народных школ, приблизить содержание гимназического образования к нуждам капиталистического развития страны. Не удовлетворяли и педагогов и учащихся складывающиеся десятилетиями методы обучения. Много нареканий со стороны демократической общественности вызывали деятельность гимназических педагогических советов, способы подготовки учителей.

Учитывая все это, министерство народного просвещения и поручило своему ученому комитету разработку нового школьного устава, «более сообразно с современным взглядом на обучение и воспитание, и более отвечающего действительным потребностям в учении».

Устав разрабатывался восемь лет. В подготовке проектов участвовали многие видные педагоги России.

В 1860 и 1862 годах было опубликовано два его проекта. Учителя горячо и заинтересованно обсуждали их.

Замечаний по проектам набралось шесть объемистых томов,

которые были изданы в 1862 году.

Дискуссия шла острая. Сталкивались самые разные точки зрения по различным вопросам. Взглядов, суждений, мнений было немало, но две основные тенденции проявлялись совершенно очевидно. Передовая педагогическая общественность выдвигала идею общечеловеческого бессословного образования, в основе которого лежала бы бесплатная и всеобщая начальная народная школа, желала широкой его демократизации, мечтала о большей автономии учительства, об ослаблении правительственного, полицейского и духовного надзора.

Всего этого боялись и яростно не принимали царизм, реакционное дворянство.

Некрасовский «Современник» критиковал проекты школьного устава с позиций революционного демократизма. Журнал отмечал, что новый устав не уничтожает полностью сословных перегородок в школе, что бюрократическое управление народным образованием остается почти неизменным, что недостатки сложившейся школьной системы таятся в недрах существующего общественного строя. Конечно, все это в условиях подцензурной печати говорилось не столь открыто, но позиция передового журнала не требовала комментариев. Илье Николаевичу она была близка.

В конце концов были утверждены «Положения о начальных народных училищах», «Устав гимназий и прогимназий» и «Университетский устав». В них, как и в прочих реформах царизма 60-х годов, сказывалось стремление самодержавия сохранить незыблемыми основы государственного и общественного устройства. Новые уставы были противоречивы, половинчаты. Они, несмотря на отмену крепостного права, все еще продолжали сохранять крепостнический дух. С одной стороны, реформа пыталась разрушить старую феодальную сословную школу; с другой — сохранить ее самодержавно-помещичий характер. Как отмечал Н. Г. Чернышевский, правительство подготавливало реформы «под влиянием двух основных привычек власти. Первая привычка состояла в бюрократическом характере действий; вторая — в пристрастии к дворянству».

Как преподавателя Илью Николаевича в первую очередь интересовал «Устав гимназий и прогимназий». Он с большим вниманием изучил его и был разочарован. Кое-какие отрадные перемены устав нес: в нем говорилось о вреде телесных наказаний, они наконец-то запрещались; устав расширял права педагогических советов, они отныне даже могли утверждать предметные программы. Отменялось правило, по которому дети

лиц податного сословия представляли при поступлении в гимназию увольнительное свидетельство от общества. Рекомендовалось учитывать возрастные особенности учащихся при выборе методов обучения.

Но по двум основным пунктам новый устав вызывал у передовой части учительства самые резкие возражения. Во-первых, средняя школа по-прежнему оставалась оторванной от начальной школы для большинства из «низших» сословий. И по-прежнему «кухаркин» сын практически почти не мог попасть в гимназию. Во-вторых, как и раньше, классическая гимназия с засильем древних языков предпочиталась реальной гимназии, ибо только из нее можно было поступить в университет.

И вот в таком половинчатом виде устав был утвержден Александром II.

Итак, сбылись надежды «ливрейного холопа реакции», как окрестил Герцен небезызвестного редактора «Московских ведомостей» Каткова, представлявшего крайне правые силы. Катков ратовал за латынь и греческий язык и яростно обрушивался на передовых педагогов, которые предлагали увеличить в гимназических программах число часов на историю, отечественную словесность, географию и естествознание. Он утверждал, что естественные науки «ведут к материализму и безбожию». Одну из статей о проекте нового устава Катков заканчивал вопросом: «Неужели Россия так несчастна, что ее ожидает это бедствие, которое было бы хуже мора и голода и самых жестоких поражений?» И напрасными оказались выступления передовых публицистов и педагогов России, убедительно доказывавших необходимость реального образования, необходимость изучать в школе в первую очередь науки, которые требуются для экономического развития страны: «А тут, когда нужно разрабатывать угольные копи и строить железные дороги, у нас клянут реальные школы и рекомендуют изучение Фукидида!» Создание единой системы образования, о которой так много говорили, не предусматривалось. Народная начальная школа как была обособлена от гимназий, так и осталась. Гимназии по-прежнему были учебными заведениями для состоятельных людей. Учреждалось три их типа: классические с двумя древними языками, классические с одним латинским и реальные без древних языков. Удельный вес древности в классических гимназиях еще более возрастал, а точных наук значительно снижался. Реальные гимназии считались неполноценными из-за того, что доступ из них в университеты был закрыт. Но главное — резко ограничивалось их число: не более четверти общего количества учебных заведений.

Борьба в сфере народного образования была отражением гораздо более значительных событий, происходивших как в Нижнем Новгороде, так и во всей Российской империи.

В феврале 1863 года кончался установленный реформой 1861 года срок так называемых «временно-обязанных» отношений крестьян с помещиками, по которым крепостные оставались в полном подчинении у своих бывших владельцев в течение двух лет. Основная масса крестьян, недовольная грабительскими условиями своего «освобождения», волновалась.

С разрозненными бунтами царизм расправлялся сравнительно легко. Но в январе 1863 года восстали Польша и Литва, а вскоре властями был раскрыт в Поволжье «казанский заговор», ставивший своей целью помощь польским патриотам. Обстановка в Нижнем Новгороде сложилась напряженная. Летом из Петербурга в город был прислан по высочайшему повелению генерал-адъютант Н. А. Огарев с почти неограниченными правами для экстренного «искоренения крамолы».

За дело Огарев взялся круто. В списки неблагонадежных он занес более тридцати человек, и среди них нескольких преподавателей гимназии и Дворянского института.

Одним из первых по его приказу был схвачен канцелярский служитель Кантович. За год до этого он исполнял обязанности секретаря Чернышевского. Арестовали преподавателя Дворянского института Копиченко — одного из руководителей местного отделения «Земли и воли». Его коллега по институту словесник Попков подвергся обыску и заключению. И хотя у этого бывшего ученика Чернышевского в Саратовской гимназии ничего крамольного, кроме двух товарищеских писем Добролюбова, не было найдено, его лишили права заниматься педагогической деятельностью.

Не обошла гроза стороной и Владимира Ивановича Захарова. Он также находился под надзором полиции и был включен в список лиц, подлежащих особому наблюдению. Понимая, что при сложившихся условиях на педагогическом поприще не удержаться, Захаров устроился секретарем губернского акцизного управления. Но и здесь он пробыл недолго и был вынужден вообще расстаться с государственной службой. Так талантливый преподаватель остался не у дел. Помочь ему было невозможно.

Илья Николаевич тяжело переживал трагедию своего товарища. Репрессии, которым подвергались Захаров, Попков и другие нижегородские коллеги, заставляли глубоко задуматься. Как остаться честным человеком, верным демократическим идеям и вместе с тем удержаться на педагогической службе? Об этом теперь непрестанно размышлял Илья Николаевич, советовался с

немногими друзьями, тоже тяжело переживавшими усиление реакции и мучительно искавшими ответа на этот вопрос.

В таких условиях началась жизнь и служба в Нижнем Новгороде.

…Решалась судьба Нижегородской гимназии. Какой она должна быть — классической или реальной? За этим, казалось бы, простым вопросом таилось многое. Одни видели в создании реальной школы новые возможности дальнейшей демократизации всей общественной жизни и потому отстаивали ее. Другие цеплялись за привычные устои, за незыблемость порядка, основанного на жесткой иерархии и беспрекословном послушании. И все это словно в зеркале отражалось в столкновениях по поводу нового учебного устава. Пересматривался не только объем тех или иных знаний, даваемых ученикам, подвергалась сомнению сама правомерность архаической, отстающей от запросов страны и личности системы среднего образования.

«Будем ждать — вопрос такой жгучий, такой существенный — от решения его многое и многое зависит», — писал преподаватель географии А. Ф. Мартынов в «Журнале для родителей и наставников».

Илья Николаевич в глубине души питал надежду, что при решении судьбы Нижегородской гимназии победят сторонники реального образования. Ведь и директор ее Тимофеев, и многие преподаватели придерживались аналогичной точки зрения.

Однако обстоятельства изменились.

В апреле 1864 года ушел Тимофеев — его перевели в Казань, назначили инспектором учебного округа. Заменил его на посту директора некто Садоков, умный и хитрый интриган, ярый монархист, носивший личину либерала и просвещенного деятеля. Осторожно, не спеша, тонко начал он проводить свою линию, потихоньку избавляться от самых рьяных сторонников реального обучения.

Директор возглавил консервативную группу. Сюда входили его ближайшие помощники — инспектор, священник-законоучитель, надзиратели и некоторые учителя.

Противостояли директору Ульянов, Ауновский, друг Добролюбова словесник Сциборский, ученик Чернышевского словесник Шапошников, преподаватель русского языка Мальцев, географ и этнограф Мартынов, математик Мукосеев, некоторые другие преподаватели.

И вот наступил решающий день.

3 февраля 1865 года на заседание гимназического совета, где обсуждалась судьба гимназии, директор привел бухгалтера и

классного надзирателя — людей недалеких, пуще всего боявшихся потерять свои должности. Так было подготовлено по существу подтасованное «большинство», проголосовавшее одиннадцатью голосами против девяти за классическую гимназию.

Илья Николаевич решительно отстаивал свою точку зрения и голосовал за реальную гимназию. Возражая против решения «большинства», он и его единомышленники потребовали приложить к протоколу особое мнение. В этой записке, ссылаясь на то, что Нижегородская губерния с ее быстро растущими фабриками, заводами, промыслами — одна из наиболее промышленно развитых в России, они настаивали на необходимости естественнонаучного образования в своей гимназии. Они писали: «Нижний Новгород располагает гораздо большими средствами изыскать пособия для преподавания реального курса. В самом городе есть значительные механические заведения, кругом металлические и другие фабрики. Самая ярмарка представляет богатый источник для таких пособий: сюда свозятся разные машины и модели земледельческих орудий и богатейший выбор образцов для всевозможных родов промышленности… Если предложенная Нижегородская реальная гимназия не приготовит специалистов для разных родов промышленности, то, во всяком случае, даст толчок реальному образованию…»

Эти доводы не были приняты во внимание. Попечитель учебного округа, получив мнение «большинства», приказал преобразовать Нижегородскую гимназию в классическую, с одним древним языком — латинским.

Реорганизация началась летом 1865 года с закрытия реальных классов «коммерческих наук и бухгалтерии» и совпала по времени с арестом преподавателя этих предметов Аркадьева: он был приговорен к трем месяцам тюремного заключения за хранение нескольких номеров герценовского «Колокола».

Это был уже четвертый в гимназии случай преследования учителя за политические убеждения. Но Илья Николаевич и не предполагал, что вскоре настанут еще более трудные времена. А пока ему предстояло — в связи с перестройкой обучения — неотложное дело: составление новых программ. Число уроков математики сократилось. Естественные науки теперь преподавались в урезанном виде. Вопреки своим убеждениям Илья Николаевич вынужден был работать в классической гимназии.

Снискавший известность отличного педагога

Первый год Ульяновы прожили во флигеле Дворянского института. Но вскоре он оставил это, самое привилегированное учебное заведение Нижнего Новгорода, а вместе со службой потерял и право на жилье.

Почему он покинул институт?

Директором сюда назначили бывшего инспектора Ро-зинга — завзятого картежника, пьяницу, невежду, интригана. Это повышение в должности состоялось по распоряжению самого царя, не посчитавшегося с мнением попечителя Казанского учебного округа Шестакова, который полагал, что Розингу вообще нельзя доверять руководство учебными заведениями. Служить под началом такого человека не хотелось.

Именно в это время Илье Николаевичу как заведующему физическим кабинетом гимназия выделила казенную квартиру.

Освободиться от какой-нибудь из должностей нужно было и по семейным обстоятельствам: 14 августа 1864 года родилась дочь Анна, а с нею появились и радостные заботы у молодых родителей. Через полтора года семья еще увеличилась — у Анечки появился брат Саша. Теперь Илья Николаевич вместе с женой вникает в секреты дошкольного воспитания.

Детьми больше занимается Мария Александровна.

У мужа рабочий день продолжителен. Уроки в гимназии, на землемерно-таксаторских курсах, в женском училище; заведование кабинетом; разработка программ и методик; проверка уездных училищ по заданию начальства. И всем этим Илья Николаевич занимается усердно, тщательно, добросовестно.

В те годы вопросы развития педагогической мысли волновали многих преподавателей России. И в Нижнем Новгороде рождается идея: создать свое педагогическое общество. Подобные общества уже существовали в некоторых городах страны, а первое возникло в Петербурге в конце 50-х годов — «Педагогическое собрание». В марте 1864 года группа преподавателей написала соответствующее прошение директору гимназии. Педагогический кружок в городе «образовался само собою», и нужно лишь разрешение обсудить «Устав педагогического общества», которое ставит своей целью изучение и исследование вопросов, «относящихся к делу воспитания и обучения, сближения местных педагогов между собою и для распространения в обществе педагогических понятий и сведений». Членами педагогического

общества пожелали стать около шестидесяти человек.

Через четыре дня в «Нижегородских губернских ведомостях» появилась статья автора, несомненно, причастного к педагогическому кружку, но пожелавшего подписаться псевдонимом «…ов». Он писал, в частности, что «общество намеревается выписывать педагогические журналы и, по мере средств, завести собственную библиотеку. Для этого каждый член обязан будет вносить ежегодно по три р.(убля) с.(еребром); кроме того, по мере надобности, может быть назначен взнос на выписку новых книг единовременный». Подчеркивая, что среди инициаторов общества имеются двенадцать женщин, автор с удовлетворением отметил, что это «превышает число дам в петербургском педагогическом собрании». Кончалась статья так: «Верно, и в провинциях сочувствуют прекрасным начинаниям не меньше, чем в столицах! Пожелаем нашему будущему педагогическому обществу, чтобы в нем не было пошлости и скуки под видом братства и дружбы, чтобы в нем не было недоразумений и притязаний под предлогом откровенности и участия, бесплодной болтовни, литературной чесотки, красноречия и чересчур полицейских наблюдений друг за другом. Печальные факты из истории других ученых „говорилен“ пусть будут приняты к сведению нашим вновь формирующимся обществом. Мы приветствуем от всей души это прекрасное начинание и сочувствуем самым полным образом; мало того, мы гордимся тем, что у нас скорее, чем в другом российском граде, стала пробиваться наружу разумная жизнь».

Увы, радость была преждевременной. Начальство не поощряло никакие либеральные общественные организации, да еще свободные от «полицейских наблюдений друг за другом». Попечитель учебного округа не разрешил создать общество. Вместо него был образован «соединенный» педагогический совет двух средних учебных заведений — гимназии и Дворянского института. Преподаватели собирались вместе на заседания один раз в месяц. Председательствовали поочередно начальники обоих учебных заведений.

Учителя гимназии и института могли отныне пользоваться библиотеками и кабинетами обоих учебных заведений, присутствовать друг у друга на уроках и экзаменах. Все это, конечно, тоже вносило оживление в работу, помогало совершенствовать обучение.

Заседания совета протоколировали два секретаря — поочередно от каждого учебного заведения. В их обязанности входила запись того, что говорилось, редакционная подготовка протоколов для публикации в «Циркулярах по Казанскому

учебному округу». Этот труд оплачивался 60 рублями в год.

Илья Николаевич участвовал в работе совета, несколько раз его избирали секретарем.

Нижегородские педагоги не ограничивались обсуждением узких вопросов. Они обстоятельно рассматривали предметные программы, вели споры о достоинствах и недостатках учебников, о новых приемах и методах обучения, воспитания. Поводы для дискуссий находились порой, что называется, по ходу дела. Вот, например, одни считают, что надзиратели должны приглашаться на совет с правом голоса лишь в исключительных случаях. А другие полагают, что нельзя разъединять воспитание и обучение, что это единый процесс. А раз так, то и надзиратели должны по праву заседать в педагогическом совете. Также посчитали целесообразным, чтобы на совете присутствовали преподаватели иногородних гимназий, смотрители и учителя уездных училищ, врачи учебных заведений.

Обсуждались и такие вопросы. Как научить воспитанника наиболее рационально пользоваться учебниками?

Что такое наглядный способ преподавания? Как изучать словесность — только ли рассматривать художественные достоинства литературного произведения или вести речь об идее, о направленности его? Считать ли полноправными уроки гимнастики? Какова роль письменных домашних работ в процессе обучения?.. Нередко заседания, начинавшиеся обычно в семь часов вечера, затягивались чуть ли не до полуночи. «Главная заслуга и главный интерес общих педагогических советов состояли в рассмотрении методов преподавания по разным предметам», — отмечал один из участников.

Читая протоколы заседаний педагогического совета, нетрудно составить представление об Ульянове-педагоге, о широте его взглядов.

В связи с предложением одного учителя составлять программы в специальных комиссиях Ульянов рекомендует знакомить с учебными программами всех членов педагогического совета, ибо преподаватель любого предмета может добавить дельное замечание, высказать интересное суждение. Его поддерживает Ауновский: «Чем больше лиц обсуждает, тем больше выиграет само дело преподавания!» Предложение Ильи Николаевича принимается.

В январе 1865 года на совете разошлись точки зрения на преподавание математики. Ульянов защищает и отстаивает широкую программу преподавания этого предмета. Учитель Г. Г. Шапошников считает, что в геометрии надо изучать теоремы без научных доказательств, а если и приводить их, то попроще —

так, как, скажем, это делается в женских училищах, где курс был гораздо меньшим. Ульянов снова возражает: он предлагает расширить программу, ввести уже в шестом классе сведения из сферической геометрии. Пусть гимназия и считается классической, но ее выпускники должны изучать точные науки со всей основательностью! Об этой позиции Ильи Николаевича писала даже столичная газета «Голос».

Предвидя возрастание роли точных наук в недалеком будущем, он пытается делать все для того, чтобы его ученики обладали полнотой знаний в этих дисциплинах: составляет несколько вариантов программ по этим предметам, вырабатывает свою методику преподавания, вводит впервые в гимназической практике домашние письменные работы по физике и космографии. Илья Николаевич стоит за широкое применение наглядных пособий, за демонстрацию опытов. Он хорошо помнит завет Ушинского: никуда не годятся те уроки, которые состоят сплошь из толкований учителя. И утверждает: надо будить любознательность ученика, развивать его мышление — в том числе и абстрактное.

К мнению Ульянова прислушиваются. Ведь за его плечами уже добрых десять лет работы, он испробовал и проверил собственным опытом не одну методику, применяет на уроках интересные приемы. Попечитель Казанского учебного округа так отзывается о нем:

«Ульянов, снискавший себе известность отличного педагога, по достоинству занимает принадлежащее ему место между лучшими преподавателями. Его мягкое и симпатичное обращение с воспитанниками, всегда ровный и благоразумный такт привлекают к нему учеников и заставляют охотно заниматься. Самое его преподавание отличается ясным и толковым изложением и тем терпеливым вниманием, которым он слабых и менее развитых учеников доводит до полного усвоения преподаваемого…»

Илья Николаевич в Нижнем Новгороде разработал несколько учебных программ для гимназий. По ним начали составляться многие программы по математике и физике для других учебных заведений России. А вопросы сферической геометрии, включенные впервые Ульяновым в курс обучения, были рекомендованы в Казанском учебном округе как обязательные.

Мастерство учителя достигает полного расцвета. Его волнуют не только свои предметы. Все чаще он интересуется преподаванием других дисциплин, стремится развивать в процессе обучения межпредметные связи, его все больше занимают общепедагогические проблемы.

Вот нижегородские педагоги спорят о роли учебника в процессе обучения. Инспектор института А. Г. Шапошников полагает, что учитель не должен отступать от текста учебника, может быть, даже следует просто читать его на уроке — вместо рассказа учителя. Но Ульянов и другие педагоги возражают: они за свободное изложение материала учителем, за творческое отношение к обучению.

При обсуждении вопроса: «В чем выражается воспитательная деятельность учителя в классе?» — Илья Николаевич высказывает свою точку зрения: «Постоянно заботиться о приучении воспитанников к самостоятельному труду, путем самодеятельности». Для этого он дает работу ученикам так, чтобы они были все заняты постоянно.

Он считает главным развитие у учащихся способности мыслить самостоятельно. Не заучивание, а понимание, не зубрежка, а анализ — вот его принцип. Этому принципу должен следовать преподаватель любой дисциплины.

И при обсуждении вопроса, казалось бы, далекого от физики и математики — речь шла о переводах с латыни на русский, — Илья Николаевич высказывает свое суждение: «Надобно прежде познакомить учеников с тем сочинением, отрывки которого будут переводиться с латинского языка на русский язык: дать понятие об авторе, о характере его сочинения и вкратце рассказать содержание всего сочинения. Цель этого… заключается в том, чтобы статьи, предложенные для перевода, не были отрывками в полном смысле слова, без связи с предыдущим и последующим». «Чтобы был успех у учеников в иностранных языках, — продолжал он свою мысль, — то необходимо заохотить их так, чтобы они, помимо классных занятий, сами занимались переводами».

Илья Николаевич стремится улучшить в целом обучение и воспитание в гимназии. Его обширные познания в истории, географии, иностранных языках, его талант педагога, высокий профессионализм позволяют внести в практику немало нового, полезного, интересного.

Он полагает, что воспитание должно сделать человека высоконравственным по убеждению. Нельзя воспитать ребенка, не зная его внутреннего мира, особенностей его психологии.

Он считает основополагающим всестороннее развитие личности. Целиком согласен с К. Д. Ушинским, сказавшим: «Цель школы — развить все духовные стороны ученика, чтобы приготовить человека сильного духом и умом». Не подавлять ученика своим авторитетом, а развивать его инициативу, его ум; уважать в воспитаннике личность — педагогическое кредо Ильи

Николаевича.

Борясь за подлинно научную педагогику, стремясь дать своим воспитанникам глубокие знания, Ульянов растит их людьми целеустремленными, настойчивыми, способными к добросовестной и благородной деятельности.

Безрадостные перемены. Отъезд

Весна 1866 года принесла России тревогу и смятение.

4 апреля прозвучал выстрел Дмитрия Каракозова в царя, и зловеще раскатилось по империи его эхо, вызывая аресты, страх, ожесточение.

Правительственное сообщение о том, что в Петербурге у Летнего сада какой-то «молодой человек в простом платье» стрелял из пистолета в императора, поступило в Нижний Новгород по телеграфу и за несколько часов облетело весь город.

Кто и с какой целью покушался на царя, еще не было известно. Одни утверждали, что это дело рук польских шляхтичей; другие воспринимали выстрел в царя как месть помещиков, недовольных освобождением крестьян; третьи стояли на том, что покушавшийся «из числа нигилистов».

Председателем Верховной следственной комиссии с почти неограниченными правами был назначен граф М. Н. Муравьев — тот самый, который жестоко подавил польское восстание 1863 года и самодовольно говорил о себе, что он не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают.

Только в середине апреля газеты сообщили первые сведения о террористе: «Дмитрий Владимирович Каракозов, уроженец села Жмакино Сердобского уезда Саратовской губернии, православный, русский, из дворян, вольнослушатель Московского университета».

Известие взволновало Ульянова. Он хорошо знал Каракозова. В пензенские годы Дмитрий, его двоюродный брат Николай Ишутин и сам Илья Николаевич жили вместе с Владимиром Ивановичем Захаровым в одном доме. Мучило опасение, но не за себя: даже если Каракозов и припомнит на допросах какие-нибудь подробности из разговоров, которые они вели несколько лет назад в Пензе, то к делу о покушении на царя они все же отношения не имеют. А вот Владимир Иванович может пострадать: он воспитатель Каракозова, к тому же в последние годы не раз встречался с ним.

Опасения за друга были не напрасными. В агентурных сообщениях и доносах, поступивших в Верховную следственную комиссию, имелись прямые указания на то, что истоки «преступных замыслов» Д. Каракозова и других активных членов революционной организации, руководимой Н. Ишутиным, берут свое начало в Пензе. Начальник пензенской жандармерии подтверждал: «Во время нахождения в Пензенской гимназии Каракозов был очень дружен с родственником своим Ишутиным,

учившимся вместе с ним в гимназии и квартировавшим у учителя русской словесности Владимира Ивановича Захарова, человека в высшей степени вредного направления и имевшего большое влияние на воспитанников… О Захарове отзываются в Пензе не только как о человеке вредном, но и весьма опасном, по его направлению и искусному умению расположить к себе юношество, вложить в него вредное влияние, гибельное направление и распалять в молодых людях враждебные страсти».

Словом, против Захарова набиралось немало улик. Однако Дмитрий Каракозов отрицал, что совершил покушение под его влиянием, и утверждал, что знал Владимира Ивановича только как учителя литературы.

Фамилия Ильи Николаевича также была «на виду» у следователей. Член ишутинского кружка Странден, учившийся в свое время в пензенском Дворянском институте, был привлечен по каракозовскому делу и на вопрос следователя о его знакомых в Нижнем ответил: «Кроме родственников Васильева и бывших моих учителей, Ульянова и Ауновского, знакомых я там не имел». Не ускользнул от внимания жандармов нижегородский адрес Ульянова и в бумагах ишутинца Федосеева — тоже в свое время учившегося в Пензе. На требования объяснить причины записей некоторых фамилий Федосеев ответил: «По какому случаю и для чего записаны мною адреса Ульянова, Христофорова и Умнова, я припомнить не могу».

Илья Николаевич был внесен жандармами в список лиц, с которыми Захаров поддерживал дружеские отношения. Но никаких репрессий за этим не последовало. Каракозовский выстрел не сказался на личной судьбе Ильи Николаевича. Однако отзвуки этого выстрела в общественной жизни России, повторяем, были весьма значительными, он вызвал новое наступление реакции.

Летом 1866 года обер-прокурор святейшего Синода, известный реакционер Д. А. Толстой назначается министром народного просвещения. Обстановка в учебных заведениях России становится все мрачнее. Запрещающие циркуляры следуют один за другим. Уже в июне во многих гимназиях была повышена плата за обучение, чтобы уменьшить приток детей «недостаточных» родителей. Увольняются со службы учителя, признанные полицией неблагонадежными. Со страниц «Московских ведомостей» раздаются призывы пересмотреть учебные программы, сократить часы на преподавание естественных наук. Реакционеры требуют ограничить роль педагогических советов гимназий, изъять из ученических библиотек такие работы, как «Рефлексы головного мозга»

И. М. Сеченова, «О происхождении видов» Ч. Дарвина, «Очерк происхождения и развития земного шара» Ж. Верна и другие «вредные» сочинения. О Белинском и Добролюбове и говорить нечего — и духу их не должно быть в гимназиях.

Были запрещены студенческие кружки, кассы взаимопомощи. В борьбе против «социализма и нигилизма» дошли до того, что запретили носить длинные волосы и синие очки — мужчинам, короткие волосы — женщинам. За повторное нарушение этого запрета полагалось наказание.

И в Нижнем безрадостные перемены. Уезжает в Казань старый товарищ Ауновский. Словесник Корсаков, входивший в группу передовых педагогов, предпочел сменить Нижний Новгород на Астрахань. Географ Мартынов против своей воли был переведен на должность преподавателя латыни. Некогда либеральные Овсянников и Шапошников значительно «поправели» в своих высказываниях и действиях.

Руководство Казанского учебного округа установило постоянный контроль за Нижегородской гимназией, ежегодно ревизовало ее деятельность, придирчиво исследовало все отчеты и протоколы педагогических советов.

Откровенное обсуждение вопросов обучения и воспитания теперь почти исключается. Главными становятся дебаты вокруг перечня взысканий, а также мер по усилению надзора за воспитанниками. Взыскания становятся строже — до ареста и заключения в карцер. Дело доходит до того, что учащимся даже не разрешают принимать участие в домашних любительских спектаклях. На педагогическом совете утверждается список благонадежных квартир, «желательных для учащихся, живущих вне семьи».

Наставники молодежи — тоже под пристальным наблюдением. Формы контроля — самые разнообразные. В 1867 году директор гимназии рекомендует внимательно изучать методы и приемы преподавателей. Слово «изучать» означает контролировать. Учителям предлагается письменно излагать содержание уроков, проводить «открытые уроки» с обязательным присутствием инспектора пли директора.

Эти предложения встречают сопротивление. Учителя не считают целесообразным проводить «урок ради урока», возражают против протоколирования занятий. Илья Николаевич тоже против этих нововведений. Самый приемлемый способ ознакомления с методами и приемами преподавания, считает он, — это взаимное посещение уроков. Он говорит:

— Я стою за этот способ потому, что признаю его ведущим прямо к цели.

В гимназии точные науки теперь лишь средство для «гимнастики ума», а не основа образования. Сокращаются часы на математику и физику. Илья Николаевич пытается отстоять свои позиции. В программу по физике для пятого класса он вводит значительный раздел по химии — науке, вообще не значившейся в гимназическом курсе. Подробную программу по математике и физике предлагает для седьмого класса.

Работа в классической гимназии доставляет ему все меньше и меньше удовлетворения. Слежка за учениками и учителями. Глумление над трудами Сеченова, Добролюбова, Дарвина. Сокращение программ по любимым предметам. Все это противоречит его педагогическим воззрениям, вызывает чувство горечи и возмущения.

А жизнь между тем идет своим чередом. Занятия в гимназии; поездки в уездные училища для инспекции и оказания помощи; участие в различных педагогических комиссиях. Это работа, отнимающая большую часть суток, работа нелегкая, нервная, утомляющая.

Но есть в сутках и светлые, радостные часы. Есть родной дом, где хозяйничает умница жена, есть горячо любимые дети, есть часы досуга за шахматами, выточенными собственноручно на токарном станке. Есть круг близких и сердечных людей.

Много лет спустя Анна Ильинична Ульянова напишет о жизни семьи в Нижнем Новгороде:

«Помню нашу казенную квартиру в коридоре здания гимназии из четырех в ряд идущих комнат, причем лучшей была наша детская; помню кабинет отца с физическими приборами, а также и то, что одной из любимых наших игрушек был магнит и натертая сукном палочка сургуча, на которую мы поднимали мелкие бумажки. Помню площадь перед зданием гимназии с бассейном посредине, с мелькающими над ним деревянными черпалками на длинных ручках и окружающими его бочками водовозов.

…Помню зимние вечера, игру матери на фортепиано, которую я любила слушать, сидя на полу подле ее юбки, и ее постоянное общество, ее участие в наших играх, прогулках, во всей нашей жизни. С тех пор как я начинаю себя помнить, у нас была одна прислуга, находившаяся больше на кухне, а мы бывали с матерью. Нянек у нас, двоих старших, я не помню. Особенно ясно запечатлелась ее игра с нами в нашем зальце, и одновременно столовой, на стульях, изображавших тройку и сани. Брат сидел за кучера, с увлечением помахивая кнутиком, я с мамой сзади, и она оживленно рисовала нам краткими понятными словами зимнюю дорогу, лес, дорожные встречи. Мы

оба наслаждались. Ясно вставали перед глазами описываемые ею сцены. Мое детское сердчишко было переполнено чувством благодарности к матери за такую чудную игру и восхищения перед ней. Могу с уверенностью сказать, что никакой артист в моей последующей жизни не пробудил в моей душе такого восхищения и не дал таких счастливых, поэтических минут, как эта бесхитростная игра с нами матери. Объяснялось такое впечатление, кроме присущего матери живого воображения, несомненно, еще и тем, что она искренне входила в нашу игру, в наши интересы, умела для того, чтобы доставить нам радость, увлечься и сама, а не снисходила до игры…

В Нижнем Новгороде, где родители прожили шесть лет, у них составился кружок знакомых из педагогического персонала гимназии, людей, подходящих по социальному положению и развитию, объединенных к тому же коридором гимназического здания, в котором большинство из них имело квартиры. У матери моей — от природы живого и общительного характера — были там добрые приятельницы; можно было, уложив детей, собраться, почитать, поболтать, помузицировать вместе. Получались там все новые журналы. Отец читал иногда вслух по вечерам, между прочим, печатавшуюся тогда частями „Войну и мир“ Толстого».

Из Нижнего весной 1868 года Мария Александровна с детьми совершила поездку в Астрахань к родным Ильи Николаевича. Там жили его мать, брат Василий, сестры.

Так текла жизнь до осени 1869 года, когда в судьбе Ульянова произошел крутой поворот.

Полоса террора после каракозовского выстрела в конце 60-х годов сменилась новым подъемом революционно-демократического движения. Растет возмущение репрессиями, гонениями на печать. На Россию заметное влияние оказывали события за рубежом. Демократически настроенная часть интеллигенции с воодушевлением встретила весть о поражении рабовладельцев в гражданской войне в США. Рост рабочего движения в Западной Европе влиял на борьбу с деспотизмом и в собственной стране.

В марте 1869 года начались волнения студенческой молодежи Петербурга и Москвы. И на этот раз они были подавлены, университеты закрыты, но общественное возбуждение отнюдь не замерло. Для русского интеллигента вновь злободневно зазвучал вопрос: «Что делать?»

Место запрещенного «Современника» заняли в общественной жизни страны «Отечественные записки». Журнал в начале 1868 года возглавили Н. А. Некрасов и М. Е. Салтыков-Щедрин. Каждую новую книжку «Отечественных записок» встречали с

неподдельным интересом и друзья и враги журнала.

Один из ведущих публицистов «Отечественных записок», Михайловский, опубликовал трактат «Что такое прогресс». В нем повторена выдвинутая еще Герценом концепция — русская сельская община поможет разрешить социальные противоречия. Определялась и движущая сила развития общества — «критически мыслящая личность»: она возглавляет борьбу против социальных контрастов за равноправные отношения между людьми.

Прямым призывом к интеллигенции прозвучали «Исторические письма» П. Л. Лаврова, опубликовавшего их в 1868–1869 годах в «Неделе» под псевдонимом «П. Миртов». Это произведение имело почти такой же резонанс, как самые значительные сочинения Чернышевского. Обращаясь к передовой интеллигенции, которую, как и Михайловский, Лавров считал двигателем прогресса, автор утверждал, что она нравственно обязана бороться за прогресс. Ведь образование, являющееся пока достоянием меньшинства, куплено за счет порабощения огромного большинства. Эта лавровская идея долга интеллигенции перед народом была с удовлетворением воспринята передовыми ее представителями.

Интеллигенция России была взволнована опубликованным в журнале «Дело» исследованием В. В. Берви (вышедшим под псевдонимом «Н. Флеровский») «Положение рабочего класса в России». Картина народного разорения после реформы 1861 года, которую дал автор, потрясла многих. И он с уважением отзывался о земельной общине, преклонялся перед крестьянином.

Илья Николаевич верил в великие дарования и огромный запас нравственных сил народа, сочувствовал его страданиям и лишениям. Он хотел быть полезным народу, хотел помогать обездоленным людям. Но как?

«Властители дум», выступавшие в легальной литературе, сами не имели четкой программы радикального переустройства общества. Они советовали бороться против произвола местных властей и «мироедства» кулаков, оказывать содействие крестьянам в организации потребительских лавок, касс взаимопомощи, артелей, показательных ферм, сельских больниц и фельдшерских пунктов, юридических и агрономических консультаций. И конечно, они призывали к массовому открытию народных школ.

Чувство неоплаченного долга перед народом, стремление в меру своих возможностей и способностей помочь забитому и темному крестьянству все больше и больше захватывает Ульянова. Возникает глубокая внутренняя неудовлетворенность

своей работой в качестве гимназического учителя. Уже четырнадцать лет он преподает — восемь лет в Дворянском институте, шесть — в гимназии. Учит детей дворян, чиновников, купцов. А разве не обязан он помочь в первую очередь тем, кому выпала тяжкая доля содержать государство, тем, из чьей среды он вышел, выбился «в люди»?

И в Пензе и в Нижнем Илья Николаевич постоянно интересовался, как поставлено обучение в разбросанных по бескрайним просторам сельских школах. Убеждался, что организовано оно из рук вон скверно. На селе нет толковых учителей. Школы ютятся в церковных караулках и покосившихся избенках. Попечители невежественны, крестьяне не всегда понимают, зачем их дети должны сидеть за партами.

Сознание необходимости работать для народа, который нужно было просветить и вывести из темноты, нищеты и бесправия, широко охватило передовое общество. Это было время, когда вся Россия обсуждала проблемы образования. В прессе, среди интеллигенции и даже в великосветских гостиных говорили о невежестве народа, трудностях его обучения, об отсутствии школ в деревнях, устарелых методах преподавания.

«Народное образование — возможность просвещать вчерашних рабов — это было увлекательно для многих и многих.

Илья Николаевич был из их числа… ему хотелось поля работы пошире».

«Отца мучило то, что он не служит непосредственно народу, что он считал своей главной обязанностью, своим долгом. Поэтому он и рвался из Нижнего и воспользовался первой возможностью, чтобы подойти вплотную к крестьянам, хотя бы в виде правительственного чиновника — инспектора народных училищ».

Так объяснят впоследствии в своих воспоминаниях состояние отца Анна, Мария и Дмитрий Ульяновы.

Уехать из Нижнего куда-нибудь Илья Николаевич мог еще в августе 1868 года. Тогда попечитель Казанского учебного округа предложил ему место инспектора Иркутской гимназии, пояснив при этом, что он «получит двойные по чину прогоны и не в зачет годовой оклад жалованья 900 рублей». Но Ульянов отказался от повышения в должности и связанных с нею материальных благ.

Вскоре появилась иная возможность. Летом 1869 года министерство просвещения учредило институт инспекторов народных училищ.

Это были новые должности, введенные, как позднее оценил этот шаг правительства В. И. Ленин, «в видах оттеснения земства от действительного заведования народным образованием».[4] В те

годы все большую роль в развитии и становлении начальной народной школы играли земства, сельские и городские общества, органы местного самоуправления. Они строили школьные здания, содержали на свои средства учителей. Школа все больше попадала под влияние местных властей, земцев. Правительство, естественно, не могло этого допустить. Оно решило усилить надзор за начальным образованием народа, взять его целиком под свою опеку.

С этой целью и стали назначаться губернские инспектора народных училищ. Случилось так, что одному из первых эту службу предложили Ульянову. Он согласился.

Илья Николаевич прекрасно понимал соображения министерства просвещения, которыми оно руководствовалось при учреждении новой инспекции. Его согласие занять должность инспектора народных училищ Симбирской губернии было тщательно продуманным. Он видел себя на новой работе не в качестве надзирателя и притеснителя народного образования. Его захватила открывающаяся возможность реально и ощутимо помочь начальной школе, поддержать сельских учителей, продвинуть вперед просвещение народа.

Предстоял переезд в Симбирск, к месту новой службы. В те дни, когда ожидалось окончательное решение начальства, в семье Ульяновых произошло тяжкое несчастье: 18 июля после мучительных страданий скончалась годовалая дочка Оленька, третий ребенок…

От горя Мария Александровна поседела. Но несчастье не сломило ее. Она нашла в себе силы и выдержку; поняла и разделила стремление мужа покинуть обжитое место и сменить привычную работу. Согласилась оставить удобную квартиру, расстаться с друзьями и знакомыми и уехать из большого и оживленного Нижнего Новгорода в незнакомый город.

22 сентября 1869 года директор гимназии доложил попечителю Казанского учебного округа, что «коллежский советник Илья Николаевич Ульянов отправился к месту своего нового служения в Симбирск». А через два дня Илья Николаевич, Мария Александровна, пятилетняя Аня и трехлетний Саша увидели город на высоком правом берегу Волги.

Часть III
Просветитель

Встреча с симбирском

От волжской пристани в гору вел знаменитый Петропавловский спуск, одно упоминание о котором приводило в смятение многих возчиков. Крутая извилистая дорога тянулась от реки целых четыре версты. Они были нелегки в любое время года, а сейчас, в конце сентября, тем более. С трудом взбирался тарантас на вершину горы, к Симбирску. День был пасмурный, с утра шел дождь, к вечеру даже выпал мокрый снег…

Ульяновы уже знали многое о достопримечательностях города. Симбирск был основан в 1648 году для защиты юго-восточных границ государства от кочевников. Много событий происходило под его стенами. Испытал он осаду войсками Степана Разина, натиск отрядов Емельяна Пугачева. Заслуги местного дворянства в борьбе с «бунтовщиками» были отмечены правительством. Многие получили здесь, на Средней Волге, огромные поместья.

Симбирск был не похож на другие волжские города. Современник отмечал: «Над обрывом к Волге устроен бульвар, откуда представляется прекрасная панорама на Волгу и заволжские дали. Изящная наружность зданий, окружающих Венец, прекрасные тротуары, хорошенькие садики — все это производит приятное впечатление; все это напоминает, что прежде Симбирск был дворянским гнездом, прекрасным уголком, где жилось хорошо и весело».

Однако к концу 60-х годов многие помещики уже уехали отсюда. И дворянским гнездом город называли больше по привычке: здесь проживал всякий народ, как и в других губернских городах.

Постройки в основном деревянные. Лишь церкви, а их насчитывалось около двух десятков, монастыри, административные учреждения, средние учебные заведения, дома богатых помещиков и преуспевающих купцов были кирпичными.

Центральная улица — Большая Саратовская, широкая, с бульваром посередине, застроенная лучшими в городе зданиями. Дом, в котором родился Гончаров, Гостиный двор, памятник Карамзину, мужская гимназия, Соборная площадь с великолепным кафедральным Троицким собором, здание Дворянского собрания.

Сразу за домом губернатора у изящной Никольской церкви начиналась Стрелецкая улица. Когда-то на макушке правобережья, называемой в этих краях Венцом, по-над Волгой жили стрельцы. В память о них и сохранилось название. В конце

улицы стоял новый полукаменный флигель, где и поселились Ульяновы. Квартиру в Симбирске подобрал им Владимир Александрович Ауновский, переехавший сюда еще в 1867 году. Улица упиралась в площадь с тюрьмой, выходившей фасадом на высокий берег Волги со сбегавшими вниз фруктовыми садами.

Первые впечатления не радовали. За пять лет до приезда Ульяновых в Симбирске бушевал огромный пожар. Сгорело многое, в том числе и Стрелецкая улица. О пожаре напоминали обгоревшие остатки построек, отгороженные заборами «пустопорожние места», саженцы возрождаемых садов и, наконец, новые, только что выстроенные дома. Скрипели под ногами деревянные тротуары, тускло горели вечерами керосиновые фонари. Двухэтажным домом и флигелем, где жили Ульяновы, владела Александра Семеновна Прибыловская, вдова дьякона. Место было не совсем удачно, детишек из любопытства беспрестанно тянуло к тюрьме; по праздникам допоздна на Венце пиликала гармошка, пускались в пляс подвыпившие парни, хороводились «парочки»…

На целый месяц установилась теплая, сухая осень. Новоселы знакомились с городом. Красиво лежал Симбирск на возвышенности между Волгой и Свиягой. Он делился на три части. Лучшей была, конечно, дворянская. Между Венцом и Большой Саратовской улицей располагались церкви, резиденция губернатора, две гимназии и духовная семинария, театр, типография, «места общественного гулянья». Широкие улицы, каменные здания, обилие фруктовых садов — все это делало центральную часть привлекательной.

Торговый район размещался на запад от центра, за глубоким оврагом, по которому протекала речушка Симбирка. Гостиный двор, ярмарочные ряды, постоялые дворы, трактиры, кустарные мастерские.

Мещанская часть. Окраины города. На севере — так называемые «кирпичные сараи», около двух десятков кирпичных заводиков, а вокруг них землянки, в которых ютились мастеровые с семьями. На юго-западе — Конная слобода и набережная Свияги. На юге — слобода Туть. На востоке — спускавшееся к Волге Подгорье и заволжские слободы. Здесь жили рабочие, отставные солдаты, ремесленники, крестьяне. Многие из них занимались и садоводством, и огородничеством, и хлебопашеством.

В губернском центре проживало около 27 тысяч человек.

Илья Николаевич еще до приезда основательно изучил историю города. Находившийся на перекрестке реки и тракта, связывающего центр страны с заволжскими степными районами и

Средней Азией, он долгие годы был важным торговым пунктом.

Три ярмарки в год проходили в Симбирске. Самой большой из них считалась так называемая «Сборная» — ранней весной, в первую неделю великого поста. На нее приезжали со всех концов России тысячи купцов и приказчиков, и суммарная стоимость товаров оценивалась в миллионы рублей.

Город был торговым и ремесленным. Правда, в городской думе было зарегистрировано более 800 «фабрик» и «заводов», но большинство из них представляли собой небольшие кустарные предприятия, на которых вручную трудились мастер-хозяин и несколько рабочих.

Волга имела существенное значение в жизни Симбирска. Летом на реке регулярно ходили пассажирские и грузовые пароходы. Чтобы попасть в Москву или Петербург, надо было плыть на пароходе до Нижнего Новгорода, оттуда добираться поездом. Зимой единственный транспорт — гужевой.

Илью Николаевича интересовал не только город, но и губерния. Ведь ему по ней ездить. Железных дорог в крае не было. Илье Николаевичу предстояло колесить по губернии на лошадях. Чиновники, имевшие подорожную, могли получить и индивидуальные экипажи.

Государство средств городу совершенно не выделяло. Местные налоги, арендная плата с купцов, платежи за пользование городскими землями, местами для рыбной ловли и перевозами составляли доходную часть бюджета. Значительная часть денег расходовалась на содержание тюрем, полицейских и пожарных частей, управленческого аппарата. Нужны были деньги и на уличное освещение (384 керосиновых фонаря!), устройство иллюминаций в особо торжественные праздники. Илья Николаевич лишь вздохнул тяжко, узнав, что дума на начальные школы в 1870 году ассигновала только 370 рублей.

А какова культурная жизнь города? Оказалось, что здесь живут писатели В. Н. Назарьев и Г. И. Потанин, поэт Д. И. Минаев. Существует Карамзинская общественная библиотека, в которой имеется более 13 тысяч томов! Библиотека — и это большая редкость — формально общедоступна. Но брать книги домой могут лишь те горожане, которые оставляют пятирублевый залог. Поэтому большинство читателей вынуждены читать книги и журналы в читальном зале.

Есть театр. Каждую зиму гастрольные труппы дают представления. Иногда любители устраивают литературные и музыкальные вечера.

Старейшее учебное заведение — классическая гимназия, основанная в 1809 году. Есть и другие учебные заведения —

женская гимназия, духовная семинария, уездное училище, фельдшерская школа, несколько частных училищ.

В народных школах учится всего 405 человек. Для губернского центра число, конечно, незначительное. Еще хуже обстояли дела в губернии. Но это Илье Николаевичу еще предстояло узнать.

Издается газета «Симбирские губернские ведомости», сообщившая, кстати, в одном из номеров: «Учитель Нижегородской гимназии коллежский советник Ульянов утвержден инспектором народных училищ Симбирской губернии».

Мария Александровна устраивалась на новом месте трудно. Анна Ильинична вспоминала: «Чужой, глухой, захолустный городок после оживленного Нижнего Новгорода, менее культурные жилищные и иные условия, а главное, полное одиночество — особенно при частых разъездах отца — очень тягостно ощущались матерью, и она рассказывала потом, что первые годы в Симбирске сильно тосковала… Помню, как радовалась мать приездам из деревни одной учительницы, молодой девушки из знакомой семьи».

Это была Софья Сергеевна Романовская. Женщины давно знали друг друга: Софье было шестнадцать лет, когда в 1863 году в Пензе она познакомилась с Марией Александровной. И вот они встретились снова спустя семь лет.

Мало-помалу жизнь налаживалась. Старыми знакомыми были мать и сын Ауновские. Владимир Александрович — инспектор мужской гимназии, человек любознательный, жадный до всего нового, не ограничивался службой: он руководил губернским статистическим комитетом; регулярно публиковал этнографические и исторические статьи, очерки и исследования; собирал экспонаты для краеведческого музея; редактировал «Памятные книжки», «Симбирский сборник» и другие издания; организовывал литературные вечера, которые охотно посещали интеллигенция и гимназисты.

Ауновский познакомил Ульяновых со многими симбирянами. Очень быстро они сдружились с Арсением Федоровичем Белокрысенко, управляющим губернской удельной конторой, членом училищного совета. Белокрысенко хорошо знал Поволжье, был страстным краеведом. Любил природу, тонко понимал ее. Проводившиеся под его руководством работы по искусственному разведению лесов были отмечены на Всероссийской выставке золотой медалью. Его волновало будущее России. Хорошо понимая, что благосостояние страны во многом зависит от развития промышленности, Белокрысенко доказывал

необходимость железной дороги для губернии, разработки полезных ископаемых, развития промыслов. Он выступал в местной печати, работал в статистическом комитете и комитете Карамзинской библиотеки. Но особенно сблизила его с Ильей Николаевичем общая работа. Арсений Федорович, в ведении которого в течение многих лет находилось 72 сельских училища удельного ведомства, хорошо знал школьное дело и любил его. С учреждением должности инспектора народных училищ губернии училища эти перешли в ведение Ильи Николаевича. Белокрысенко на первых порах много помогал ему.

Илья Николаевич познакомился с писателем Валериа-ном Никаноровичем Назарьевым. Дворянин по происхождению, юрист по образованию (учился в Казанском университете вместе с Л. Н. Толстым), он печатался в центральных журналах, к нему с симпатией относились Добролюбов и Некрасов. Из-за болезни и денежных затруднений Назарьев уехал из Петербурга на родину, в Поволжье.

Инспектор Ульянов с первых же дней начал изучать историю губернии, ее экономику, положение крестьян. Ведь вся эта громадная земля, раскинувшаяся на сотни верст, отныне становилась полем его деятельности.

Необъятная Симбирская губерния! На пространстве, превосходящем по площади такие государства, как Греция, Дания или Швейцария, разбросано более полутора тысяч населенных пунктов — городки, села, деревеньки, хутора. Миллион триста тысяч жителей.

Плодородные земли, выгодное географическое положение. Благословенный, по выражению Герцена, край. Здесь были крупнейшие имения царской семьи и родовитых дворянских фамилий.

Самым бесправным сословием было крестьянство. Землепашцы, обремененные непосильными поборами и повинностями, вели хозяйство дедовскими методами и орудиями. Десятки тысяч бедняков в поисках заработка уходили в другие районы страны.

Целые уезды занимались различными промыслами: где шили сапоги, где кожаные рукавицы. В Сызранском и Сенгилеевском уездах делали телеги, колеса и отправляли их в соседние губернии, Уральск, Оренбург.

Илью Николаевича в первую очередь интересовало народное образование. Он засел за изучение отчетов, статистических сборников, подшивок местной газеты. Выяснилось, что в губернии значится 462 начальных народных училища. В среднем — одна школа на три населенных пункта.

Такие сведения давала официальная отчетность. А какова истинная картина? Надо было все увидеть своими глазами, познакомиться со школами, с учителями. Но как ни хотелось побыстрее отправиться в уезды, неотложные заботы заставили Илью Николаевича первые три месяца своего инспекторства задержаться в Симбирске.

Он представился губернскому начальству, познакомился с председателями училищных советов, руководством городской управы. Принял все дела по начальным школам губернии. Осмотрел в городе приходское мужское училище и частные школы.

Конечно, определенное время ушло на устройство домашней жизни.

После рождественских каникул, 14 января 1870 года, получив в губернаторской канцелярии полагавшуюся ему по должности подорожную, Илья Николаевич отправился в свою первую ознакомительную поездку. Она продлилась более двух недель.

Поездки по губернии были в то время делом непростым и нелегким. Основной вид транспорта — возок, тарантас или сани. Лишь состоятельные люди содержали собственный выезд — имели лошадей, коляски, кареты, нанимали кучеров.

Хороших дорог почти не было. Только по Казанско-Саратовскому почтовому тракту, пересекавшему губернию с севера на юг, по Московскому да Пензенскому трактам можно было путешествовать более или менее сносно: там были врыты полосатые столбы для указания пути во время метели и в безлунные ночи, мосты были исправны, через 20–25 верст имелись почтовые станции.

В сухую погоду путешественники задыхались от пыли. После дождей тонули в грязи, колеса уходили в жижу по самые ступицы, и лошади еле двигались. Но хуже всего дороги были весною, когда образовывались зажоры — снеговая каша со льдом, а ручьи превращались в речки.

В первые же дни осмотра у Ильи Николаевича появились сомнения в объективности официальных цифр, с которыми он познакомился из канцелярской документации.

Инспектор объезжал село за селом. Постепенно предстала перед ним подлинная картина: дела обстояли почти везде плохо. В своем первом отчете, составленном в апреле 1870 года, Ульянов написал:

«По числу училищ Симбирская губерния в сравнении с другими губерниями занимала не последнее место, но… принадлежали к более или менее организованным училищам только 89, или 19 процентов из общего числа: все же прочие

школы или числились только на бумаге, а на самом деле не существовали, или если и были в действительности, то в самом жалком виде. Так, во время первого осмотра мною народных училищ в январе 1870 года женских школ в селе Мостовой Слободе и в селе Карлинском Симбирского уезда фактически не было, хотя эти школы и числились.

В селах Собачеевке, Ждамировке, в селе Порецком Алатырского уезда школы найдены в следующем состоянии. В первом из названных сел школа помещалась в церковной караулке, буквально промерзшей насквозь. Там я нашел 3-х мальчиков, которые читали по складам.

Они были одни, потому что местный священник — учитель отправился для неотложной работы в соседнюю деревню. В другом селе — Ждамировке — школа была с трудом отыскана с помощью волостного старшины. В тесной, темной, занесенной сугробами снега избе местный крестьянин-учитель обучал 24 мальчика, познания которых найдены неудовлетворительными».

Состав преподавателей внушал опасения. «Крестьянин-учитель» не был исключением. Почти в половине школ преподавали «по совместительству» священники местных приходов. Учителя в большинстве случаев но имели даже среднего образования. И жили они крайне бедно. Часто им было просто-напросто нечем платить жалованье: правительство почти не отпускало средств на народные училища, а общество тоже скупилось. Так, Симбирское уездное земское собрание в течение нескольких лет выделяло на народные училища всего 100 рублей в год, которые шли… на содержание канцелярии уездного училищного совета.

Илье Николаевичу и до поездки было известно, что главный источник средств для содержания подавляющего большинства училищ губернии — сбор с крестьян — от 10 до 20 копеек с души в год. Из этих сумм выплачивалось жалованье учителям. На эти же скудные средства строились, ремонтировались, отапливались училищные здания. Редкий счастливец получал годовое жалованье, в 90–150 рублей, а у многих, как выяснил Илья Николаевич, оно составляло гроши — 25, а то и 15 рублей в год… Немудрено, что за такое мизерное вознаграждение чтению, письму и счету учили ребят полуграмотные отставные солдаты, сельские писари, изгнанные со службы дьячки или канцеляристы.

Более тридцати училищ, включая и самые отдаленные, осмотрел Илья Николаевич. И почти всюду картина была удручающей.

С чего начать? Нужны были деньги — без них не создашь новых школ, не подготовишь толковых учителей. Надо было

всколыхнуть уездные земства, завоевать доверие крестьян, доказать им, что детей надо учить. Первая поездка показала: дел непочатый край. После объезда народных школ губернии Илья Николаевич отчетливо представил себе всю тяжесть, сложность того дела, которое отныне он взвалил на свои плечи. Стало очевидным: чтобы наладить образование народа, потребуются долгие-долгие годы.

Весна семидесятого

В разъездах, в хлопотах по дому прошли первые полгода.

Наступила весна. В марте закапало с крыш, в безветрие пригревало. Илья Николаевич старался выезжать только в ближние школы и ненадолго. Две причины побуждали его к тому.

Мария Александровна ждала ребенка. Помня тяжелое состояние жены в Нижнем Новгороде после смерти Оленьки, Илья Николаевич был преисполнен тревоги и опасений.

Близился к концу учебный год — в народных школах он начинался глубокой осенью, после уборки урожая, а заканчивался в апреле — до начала посевных работ: крестьянские дети помогали родителям в поле. В связи с завершением занятий предстояло написать отчет в учебный округ. В нем Илья Николаевич хотел представить объективные статистические данные, предложения. Составление отчета также задерживало инспектора в губернском центре.

Уже было ясно: народным образованием заниматься, по существу, некому. Да и кому заботиться о том, чтобы крестьянские дети ходили в школу? Помещику? Чиновнику? Купцу? Их детям предназначались гимназии, реальные, коммерческие училища.

Очень медленно менялось и отношение крестьян к школе. Почти в каждом селе Илья Николаевич встречался с жителями на сходах, убеждал неграмотных людей в необходимости своими силами построить или отремонтировать школьный дом, купить учебники детям, повысить жалованье учителям. Крестьяне слушали недоверчиво — они не видели от школы реальной пользы.

После отмены крепостного права разные категории крестьян (помещичьи, государственные, удельные) слились в единое крестьянское сословие. В связи с этим все начальные школы, ранее «расписанные» по ведомствам, теперь перешли в ведение министерства народного просвещения. Для общего руководства ими были созданы губернские уездные училищные советы. Членство в них не оплачивалось, многие представители дворянства, земства и духовенства относились к исполнению своих обязанностей формально. Деньги, выделяемые земством и крестьянскими обществами, зачастую расхищались сельскими старостами, писарями.

Советы лишь изредка собирались на заседания, занимаясь в основном чистой канцелярщиной. Поступало какое-либо распоряжение губернского начальства, училищный совет

накладывал резолюцию «принять к сведению и руководству», и дело считалось законченным.

Крестьяне пытались заводить школы по собственному усмотрению, никаких единых программ и требований не существовало. Практически никто не отвечал за введение передовых методов обучения и воспитания.

Илья Николаевич лишь диву давался: ходатайствует, скажем, сельское общество о выдаче свидетельства на звание учителя безграмотному солдату, и оно высылается. Священник просит разрешить ему воспользоваться жалованьем отсутствующего учителя — и пожалуйста. Такие были порядки.

Конкретные обязанности инспектора были настолько многочисленными, что только их перечень занимал несколько страниц. Он должен был осматривать десятки сельских школ в год; проверять содержание и метод преподавания четырех предметов: закона божия, чтения по книгам гражданской и церковной печати, письма, первых четырех действий арифметики. Малоопытных учителей инспектор должен был «руководить своими советами, а учителей, не соответствующих своему назначению, удалять И заменять более способными и достойными». На него же возлагались забота о снабжении школ учебниками и пособиями, наблюдение за «внешним и внутренним благоустройством их», подбор попечителей, контроль за правильным расходованием денег, сбор и обработка статистических материалов, составление отчетов для попечителя округа, ведение делопроизводства губернского училищного совета, переписка с различными ведомствами.

Некоторые обязанности так походили на функции полицейского надзора, что об этом писала даже пресса. По инструкции инспекторам народных училищ полагалось содействовать «утверждению в народе религиозных и нравственных понятий и распространению первоначальных полезных знаний». Они обязаны были также выяснять вопрос «о нравственных качествах учителя и об уважении к нему общества», то есть о его политической благонадежности.

Как только в школу прибывал новый педагог, сельская администрация считала своим долгом прежде всего убедиться: не назначили ли «вредного» человека? Такое подозрение нередко развивалось прямо пропорционально степени интеллигентности приезжего. Если учитель любит выпить, в картишки перекинуться, в писарском «остроумии» находит, удовольствие, не прочь увлечься девицей на выданье из «благонамеренного семейства» — это «свой». Но если он уклоняется от «компании», если не пьет, гуляет в одиночестве, да еще задумавшись, или если беседует с

мужиками и дает им книги, тогда он вредный, опасный. С первой же оказией из деревни следует какой-нибудь навет вроде того, что «учитель книжки читает, а кто их знает, какие это книжки; у него что-нибудь дурное на уме».

И какими бы нелепыми ни были такие доносы, положение ни в чем не повинного человека становилось шатким. И тут уж судьба учителя во многом зависела от инспектора.

К весне 1870 года Илья Николаевич имел достаточно полное представление о состоянии народного образования в губернии. За полгода работы он осмотрел немало школ, тщательно изучил отчеты и ведомости училищных советов за 1869 год. И определил для себя первоочередные проблемы. Одна из главнейших — подготовка квалифицированных учителей.

При Симбирском уездном училище еще до приезда Ульяновых, 25 августа 1869 года, открылись педагогические курсы. Они были одними из первых в России. Предполагалось готовить там учителей для начальных школ. Дело только-только начиналось.

Будущих сельских преподавателей было решено учить два года. Первый курс — общеобразовательные предметы: русский язык, арифметика, история, география, физика, педагогика, основы землемерия, переплетное дело. Посещение уроков лучших учителей города. Второй год обучения — практика, уроки в школах, анализ их.

Работу педагогических курсов постепенно удалось наладить. И в успехе этого дела немалую роль сыграл Иван Николаевич Николаев — учитель единственного в Симбирске мужского приходского училища.

Илья Николаевич при первом же знакомстве с этим внешне ничем не примечательным и уже немолодым человеком угадал его недюжинные способности. Одно то, что Николаев, имевший гимназическое образование, оставил высокодоходную работу землемера, чтобы принять плохо оплачиваемую должность учителя начальной школы, и всей душой отдался обучению детей симбирской бедноты, вызывало к нему глубокие симпатии.

Иван Николаевич создал при училище довольно большую библиотеку из новейшей педагогической литературы, собрал коллекции, гербарии, подготовил выставки по всем трем «царствам природы», по всем отраслям естественной истории и народного хозяйства. За свой счет он открыл при училище столярную мастерскую, приобретя для нее четыре верстака и необходимые инструменты.

Всем, что имел, Иван Николаевич щедро делился со своими питомцами и коллегами. О его доброте и любви к детям

складывались легенды. Аккуратность Николаева среди учителей вошла в поговорку. На его слово и обещание всегда можно было положиться. Его душевная простота доходила до наивности. Уважение к человеческой личности делало его недоступным мелким житейским дрязгам. К чужому горю, нужде и несчастью он был чуток и отзывчив.

Николаев был отличным преподавателем. Тщательно проштудировав труды крупнейших педагогов, он на практике овладел новейшими методами обучения началам чтения, письма, арифметики.

Вот такому прекрасному человеку, опытному методисту Илья Николаевич доверил самое важное в работе педагогических курсов — руководство практикой будущих народных учителей.

В свою очередь, Николаев искренне привязался к своему начальнику-инспектору и готов был помогать ему во всем. Не считаясь со временем, не щадя себя, Иван Николаевич просиживал ночи напролет за просмотром и исправлением планов и конспектов уроков практикантов, давал им образцовые уроки в своем училище, вместе с ними вновь и вновь штудировал дидактику и методику учебных предметов, помогал Илье Николаевичу в организации обучения и быта на курсах.

Подготовка учителей была для Ильи Николаевича делом новым. Но, еще работая в Нижегородской гимназии, он, не раз выезжая в начальные школы и уездные училища, внимательно присматривался к ним, задумывался над тем, каким надо быть учителю, перед которым за партами будут сидеть не шустрые гимназисты, уже поднатасканные домашними учителями и репетиторами, а крестьянские детишки, притопавшие в класс в лаптишках, живущие в избе, которая топится по-черному, и спящие нередко на холодном полу бок о бок с ягнятами… Тут и обучение и обращение — все должно быть особенным, деликатным. Знал Илья Николаевич: элементарное сложение до десяти и то порой не под силу сельскому мальчишке. Другое дело, если пояснит учитель: не просто «два плюс два», а две, скажем, овцы да еще две — сколько будет?

А сами «господа учителя»? Вот они — будущие наставники деревенской детворы — перед ним: одежонка худая, глаза несытые, знаний тоже пока небогато. Только и выручает молодость: восемнадцать, шестнадцать, а то и четырнадцать лет… И надо, чтобы они усвоили и дидактику, и методику и сердцем почувствовали: тяжкое, но великое, благородное дело ждет их в засыпанных снегом российских деревушках, в продуваемых ветром неказистых «школьных домах», в неимоверном отдалении от библиотек, театра, музыки… Пусть

здесь, на курсах, наберутся знаний, получат навыки, поспорят между собой.

Илья Николаевич при первой же возможности сам спешил к воспитанникам курсов. Первое появление его было запоминающимся. Учитель В. А. Калашников писал позднее:

«Мы… сидели в классе и слушали урок какого-то преподавателя одного из общеобразовательных предметов. Все мы были из беднейших семей, окончившие курс уездных училищ или прошедшие несколько классов духовных училищ. Урок велся учителем обычным порядком, без особенного оживления. Эти уроки были послеобеденными, при вечернем, скудном керосиновом освещении. Вдруг среди урока промелькнула перед нами по классу какая-то человеческая фигура, небольшого роста с темными баками на матовом лице, с длинными вьющимися волосами, со шляпой под мышкой — промелькнула и уселась где-то сзади нас за классный стол слушать урок. Все это произошло так неожиданно и с такой быстротой, что мы едва успели встать и приветствовать гостя поклоном. По окончании урока гость очутился перед нами и объявил, что будет давать нам уроки по физике и некоторые сведения по другим естественным наукам.

Этот гость был не кто иной, как только что назначенный на вновь открывшуюся должность инспектора народных училищ Илья Николаевич Ульянов. Его необыкновенная живость, подвижность, простота в обращении и вместе прямой и весьма энергичный подход к делу приятно нас расшевелили, возбудили… Все мы стали с нетерпением ожидать чего-то нового, живого, интересного в нашем обучении, и мы не ошиблись… Живость и ясность изложения, наглядность преподавания настолько были необычайно удачными, что его уроки нами легко усваивались прямо в классе. Он умел заинтересовать и увлечь нас своими уроками, мы ждали их как праздника. На разборах уроков Илья Николаевич старался быть незаметным, чтобы не мешать учителям свободно высказываться, авторитетное свое слово, если признавал нужным, вставлял последним. Мы чувствовали себя полными хозяевами нашего дела, стремясь к саморазвитию и самосовершенствованию. Недостатков в нашем преподавании было весьма много: мы сами, едва только грамотные, плохо владели языком, иногда не умели поддержать разумную дисциплину, не было еще в нас самообладания — нередко терялись и т. п. Илье Николаевичу много надо было иметь терпения, деликатности, снисходительности, чтобы на разборах товарищи высказали свои замечания в форме не только не оскорбительной для самолюбия каждого, но и устраняющей всякую неприязнь между нами, юношами, нередко слишком

горячими и невоздержанными. И все это ему удавалось. От него никто из нас никогда не слышал ни одного резкого слова или повышения тона, выражения раздражительности… Каждый из нас уходил с занятий под самым приятным впечатлением общей дружбы, общего стремления к самовоспитанию».

Но далеко не все проблемы инспектор народных училищ мог решить сам, своей властью. Строить новые школьные здания или ремонтировать их, увеличивать жалованье учителям, обеспечивать школы мебелью и учебными пособиями могли только земства, городские и сельские общества, ибо у них были на то средства. Поэтому приходилось просить их о содействии постоянно. Немало времени уходило на переписку. Нередко по какому-нибудь делу она продолжалась месяцами.

…Поездки по губернии… Тяжело было трястись по проселочным дорогам, ночевать в холодных или угарных избах. Илья Николаевич должен был присутствовать на уроках, просматривать ученические тетради, делать разбор занятий или экзаменовать детей, выяснять у учителей наболевшие вопросы и как-то их решать самому или с сельскими властями. Напряженная — с раннего утра и до позднего вечера — работа.

Не общих деклараций, не руководства «вообще» — конкретности, дотошности, скрупулезности требовала должность инспектора народных училищ. Тут ничего нельзя было сделать рывком. Но Илье Николаевичу, с детских лет воспитавшему в себе упорство, терпение, трудолюбие, настойчивость, такая работа представлялась по первой прикидке не тягостной и не угнетающей. И это его обнадеживало и радовало.

Конечно, на должности инспектора нужны были и новые знания, и широкое изучение школьного дела. Особое внимание пришлось уделить методике. Научить учителей вести уроки так, чтобы ученики могли получить максимум знаний за то короткое время, которое проведут они в школе. Годы работы в Симбирске — это годы серьезнейшей методической работы. Илья Николаевич использует свой опыт, опыт лучших учителей, следит за выступлениями известных русских педагогов. Как обучать родному языку, арифметике, чтению, как лучше использовать наглядные пособия, как поставить уроки пения, что петь, как наладить занятия гимнастикой — обо всем этом заботится Илья Николаевич с первых шагов инспекторской деятельности. Для него в просвещении народа, в школьном деле нет второстепенных вопросов.

В 1870 году в Петербурге открылась Всероссийская выставка. Там предполагался школьный отдел, где Илье Николаевичу очень хотелось побывать. Он обратился с прошением к попечителю

округа: «Ввиду открытия образцовых училищ в Симбирской губернии я желал бы наглядно ознакомиться с усовершенствованными учебными пособиями с целью применить их к начальным народным училищам, почему и обращаюсь к Вашему Превосходительству с покорнейшею просьбой о разрешении мне отпуска на 29 дней для поездки в Петербург на выставку и, если возможно, о пособии на путевые издержки».

Если возможно…

Ради народных школ, не считаясь с путевыми неудобствами, с денежными издержками, он готов помчаться в далекий Петербург. Его интересует военно-учебный отдел выставки, где, помимо учебных пособий, можно было ознакомиться с моделями школ, образцами школьной мебели, проектами отопления и вентиляции зданий; он надеялся встретиться в столице и с лучшими организаторами школьного дела. Ему это сейчас так необходимо!

Но побывать на выставке не удалось. В апреле поступил ответ из Казани: попечитель округа отказывал в поездке «по неимению средств».

Весна уже пришла на Среднюю Волгу. Жителям Стрелецкой была видна река, на которой началась подвижка льда. На деревьях гомонили грачи, прилетевшие скворцы деловито осматривали пустовавшие зиму жилища. Ожидание тепла, солнечного света, радостных перемен ощущалось всюду.

Был готов первый инспекторский отчет. «Симбирские губернские ведомости» печатали его в трех номерах. В субботу, И апреля, публиковалась первая часть отчета. В пятницу, 10-го, с утра Илья Николаевич отправился в типографию вычитать гранки. К обеду заспешил домой. Там его ждала светлая, облегчающая душу радость — Мария Александровна родила второго сына.

На весенней, обновляющейся, согретой солнцем земле появился еще один человек — Владимир Ильич Ульянов.

Школы для «инородцев»

В Симбирской губернии можно было услышать речь на разных языках. Здесь жили выходцы с Урала, с низовьев Волги. Мордва, чуваши и татары во многих западных и северных уездах составляли большинство. Почти треть населения Симбирской губернии так называемые «инородцы».

Их детей тоже надо учить. Но делать это было еще труднее. Ко многим общим бедам — недостаток денег, школьных зданий, учителей, учебников, пособий — добавлялись и другие.

Илья Николаевич до своего переезда в Симбирск практически не сталкивался с проблемами, как тогда говорили, «инородческого образования». А их имелось немало.

Правительство только в 1870 году разрешило при обучении чувашских, мордовских и татарских детей в начальных школах использовать родной язык, но лишь в роли вспомогательного. Многие «деятели» просвещения считали, что вообще нет смысла тратить средства на обучение тех, кто, как они утверждали, еще не вышел из полудикого состояния. Другие говорили, что единственный способ приобщения «инородцев» к грамоте — учеба в русских школах и только на русском языке. Проблемы возникали и в связи с тем, что у чувашей, скажем, алфавит был создан лишь несколько лет назад, а мордва вообще не имела своей письменности. И в этом кое-кто усматривал даже благо. Министр народного просвещения Д. А. Толстой заявлял:

— Конечной целью образования инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение их и слияние с русским народом.

Эту точку зрения разделяли многие. Руководивший чувашскими школами Казанского округа педагог Н. И. Золотницкий писал, что «отсутствие у чувашей собственной литературы поможет русско-православным деятелям скорее просветить, обучить инородцев…».

Немало «инородцев» проживало в селах, удаленных от Симбирска на сотни верст, отгороженных лесами и непролазными проселками. На русских чиновников там смотрели с недоверием, не ожидали добра от их появления. Это во многом объяснялось той политикой русификации, которую без учета национальных традиций, реального положения непреклонно проводило правительство царской России. Зачастую — и не без оснований — родители видели в школе нечто вроде принудительного и бессмысленного заведения для детей.

Илья Николаевич считал: в разноязычных селах

целесообразно открывать единые школы для всех детей. Там же, где большинство населения — националы, следует создавать школы с преподаванием на родном языке, потому что ребятишки сплошь и рядом совсем не понимали русского.

Во время разъездов он старался побывать в мордовских, чувашских, татарских селах: приглядывался к нравам, обычаям, стремился понять дух народа. Не раз убеждался в правоте Владимира Александровича Ауновского, писавшего в своих этнографических очерках о народах Поволжья:

«Мордва наделена от природы хорошими способностями, имеет острую память и довольно удачно судит даже о предметах серьезных. Но до сей поры она малограмотна и груба, хотя и заметна в ней склонность к обучению. В нравственном отношении мордва имеет много хороших качеств. Она миролюбива и склонна к труду…

Чувашенин по характеру тих, честен и потребности свои старается ограничить до крайней степени.

Татары народ умный, добрый и трудолюбивый. За умственные силы ручаются их любознательность и та энергия, с какою они заботятся об образовании. У них богат и практический смысл, что видно из сметливости их в коммерческих и торговых предприятиях. Народ гостеприимный и щедрый…»

Вначале Илья Николаевич занялся чувашскими школами. Если дети татар обучались в национальных медресе при мечетях, а мордовские ребятишки большей частью занимались вместе с русскими школьниками, то чувашам учиться было негде.

Второй год его работы — год непрерывных хлопот о чувашских школах. Самую первую из них инспектор открывал в селе Ходары.

Она находилась в глухом углу губернии, почти за четыреста верст от Симбирска. Захолустье, поголовная неграмотность, беспросветная жизнь… Не потому ли и решил Илья Николаевич во что бы то ни стало открыть школу именно здесь?

Сделать это оказалось непросто. Совершенно отсутствовали средства. Еще в феврале 1870 года он попросил попечителя учебного округа выделить хотя бы 200 рублей «на наем квартиры под училище и на первоначальное образование». Деньги выделили. Но разве могло хватить их на жалованье учителю, на приобретение мебели и учебников, на строительство школы?

Пришлось просить уездное земство о помощи. Кое-как набралась необходимая сумма. Где взять учителя? В Симбирске Ульянов находит выпускника местной духовной семинарии Александра Рождественского, который владеет чувашским языком, и уговаривает его отправиться работать за сотни верст от

губернского центра. 15 декабря 1870 года Илья Николаевич сообщил в учебный округ о начале занятий. Одновременно он посылает свои предложения об организации школ для детей других нерусских национальностей.

В Ходарах стали учиться двенадцать чувашских мальчиков и девочек. В первые недели существования школа не имела своего помещения, ютились где придется. Надо было строить специальное здание. А для этого следовало заручиться поддержкой крестьян, убедить их взять на себя хотя бы часть расходов на содержание училища.

С этой целью Илья Николаевич едет в Ходары в марте 1871 года.

В селе созвали сход. Сельский староста представил прибывшего, объяснил, зачем он пожаловал.

Илья Николаевич говорил, что детей надо обязательно учить грамоте, что следует иметь в селе настоящую школу, обещал свое содействие. Крестьяне слушали внимательно. Речь инспектора им понравилась, они согласились с доводами незнакомого им человека — душевного, приветливого. Сход решил построить в Ходарах школу. В ее строительстве должны принять участие все жители села. А пока, до возведения нового здания, учеников разместят в общественной сборной избе; в ней же отведут комнату и учителю Александру Рождественскому; отапливать будут бесплатно, за счет сельского общества.

Крестьяне попросили Илью Николаевича помочь достать строевой лес. Обрадованный таким благополучным завершением поездки, он тут же отправился в Сурское лесничество — договариваться о покупке строительного материала.

Ему очень хотелось эту школу видеть образцовой. Поэтому он сам начертил ее план, составил смету, нашел подрядчиков. Много пришлось хлопотать о деньгах, и в учебном округе, и в Курмышском уездном училищном совете. Все это заняло не один год. Лишь в мае 1873 года появилось в Ходарах просторное и удобное здание. Здесь же получил квартиру учитель. При постройке Илья Николаевич пытался предусмотреть все мелочи: форточки в окнах — проветривать классы; широкий коридор, в котором стояли бы вешалки для верхней одежды и где можно было бы ребятишкам во время переменки порезвиться, а то и гимнастикой заняться. Позаботился о том, чтобы была удобная мебель, шкафы для книг, учебные пособия. Впервые появились в глухой деревне карта России и глобус.

Илья Николаевич частенько наведывался в Ходары, интересовался успехами ребят. Был доволен: ученики бойко отвечали на русском и чувашском. Последнее обстоятельство

особенно пришлось по душе родителям. Докладывая об этом попечителю учебного округа, инспектор подчеркнул: училище приобрело такое доверие крестьян, что они присылают своих детей сюда не только из Ходар, но и окрестных деревень. И снова и снова просил увеличить средства на отопление, освещение и страхование дома, на наем сторожа, на книги и учебные пособия, а также на обучение «чувашских мальчиков некоторым ремеслам и мастерствам, необходимым в их местности».

Вслед за Ходарами были открыты чувашские школы еще в нескольких селах губернии. В том числе и в деревне Кошки, на родине поборника народного просвещения чуваша Ивана Яковлевича Яковлева.

Встреча с этим человеком была для Ильи Николаевича, весьма разборчивого в знакомствах и связях, одной из тех, что перерастают в добрые отношения на долгие годы. Он еще только начинал службу инспектора народных училищ в 1869 году, когда впервые услышал о том, что один из гимназистов Симбирска, Иван Яковлев, пригласил к себе из деревни паренька и готовит его к поступлению в уездное училище. Илья Николаевич заинтересовался этим необычным случаем. Вскоре они встретились — руководитель народного образования в губернии и двадцатилетний гимназист, одержимый идеей просветить родной народ. Слух оказался правильным — за год до приезда Ульянова в Симбирск Иван Яковлев действительно вызвал сюда из родного Буинского уезда чувашского паренька Алексея Рекеева и на свой страх и риск (и на свои деньги) учил его, оговорив при этом, что после окончания уездного училища Рекеев поедет учительствовать в село. Это был первый ученик Яковлева.

Иван Яковлевич был человеком незаурядным. «Незаконнорожденный» сын вдовы-чувашки, росший в бедности, он волей случая был зачислен в сельское удельное училище, затем в Симбирское уездное. Страстно стремясь к знаниям, сумел поступить в гимназию, где увлеченно и усердно занимался.

Явно тяготея к педагогике, Яковлев внимательно и заинтересованно следил за дискуссиями об образовании «инородцев». У него была и своя точка зрения: он полагал, что чуваши, как и другие народности, должны учиться у великого русского народа, знать язык и культуру России, приобщиться к ее духовному богатству. Иван Яковлевич считал, что единение двух народов не отрицает, а, напротив, предполагает совершенствование чувашского алфавита, национальной письменности, школ на родном языке.

Илья Николаевич стал поддерживать Яковлева, помогать его ученикам. В 1870 году юноша окончил с золотой медалью

гимназию и поступил в Казанский университет. Осенью он уехал из Симбирска. В городе остались четверо его подопечных. Теперь о них заботился Илья Николаевич. Старшего из них — Рекеева — он принял на педагогические курсы. Еще трое учились в уездном училище.

Для того чтобы ученики-чуваши могли платить за жилье, одеваться, питаться, приобретать учебные пособия, в городе был проведен сбор пожертвований. Собрали более 250 рублей. Вместе с Ульяновым в подписке приняли участие Ауновский, Белокрысенко и другие его знакомые. Буинское уездное земство также согласилось отпускать, начиная с 1871 года, по 60 рублей в год на каждого из членов «чувашской общины».

Дело, которое Иван Яковлев начинал в одиночку, с помощью Ильи Николаевича стало двигаться быстрее.

Учась в университете, Яковлев не забывал о Симбирске и своих воспитанниках, присылал им многочисленные письма и наставления, среди которых основным было: непременно советоваться обо всех делах с уважаемым инспектором. А дел этих набиралось достаточно. То забирают в армию Алексея Рекеева и надо его освобождать от солдатчины, то приходится подыскивать для учеников удобную квартиру, то организовать концерт в пользу «чувашской общины», то провести сбор средств по подписному листу.

И Илья Николаевич, и студент Яковлев писали письма в учебный округ: доказывали необходимость создания специальной чувашской школы в губернском центре. И добились своего: министерство просвещения разрешило с 1 января 1871 года ее открыть.

Но разрешение — это еще не реально существующая школа. Надо было составить смету расходов, получить деньги, подыскать учебные пособия. 15 ноября 1871 года состоялось открытие школы. И вплоть до лета 1875 года, до возвращения Яковлева из Казани после окончания университета, Илья Николаевич руководил этим учебным заведением.

Трудно переоценить роль инспектора народных училищ в становлении школы, в стенах которой не только готовились просветители и учителя чувашского народа, но возрождалась национальная культура. Школа стала для чувашей главным культурно-просветительским центром, давала своим воспитанникам разнообразные знания, приобщала к русской культуре, укрепляла дружбу народов. Уже в годы Советской власти А. В. Луначарский назовет ее «источником возрождения всей чувашской культуры».

Илья Николаевич до конца своих дней поддерживал эту

школу, помогал ей. Он заботился о средствах на ее содержание, подыскивал и арендовал помещения, хлопотал перед учебным округом об улучшении условий жизни учеников, подбирал книги для библиотеки, организовал сапожную мастерскую, добивался, чтобы воспитанников лечили врачи земской губернской управы. Илья Николаевич был советчиком, защитником, руководителем чувашской школы, помогал Яковлеву выработать правильный — в духе идей К. Д. Ушинского — подход к образованию и воспитанию детей. Благодаря этому постоянному вниманию, этим многотрудным хлопотам и заботам школа выстояла и утвердилась.

И не только она одна. В официальном отчете в 1872 году инспектор народных училищ писал: «Инородческие начальные народные училища, содержимые на средства министерства народного просвещения, представляются наиболее организованными между прочими… Преподавание в этих училищах поручено учителям, более или менее подготовленным к делу и весьма усердным в выполнении своих обязанностей. Нравственные качества преподавателей не заставляют желать лучшего».

…Подходил к концу второй год инспекторства. Открыты чувашские школы в Ходарах, Кошках и Симбирске, татарская — в Петряксах, значительно больше стало учеников из мордвы. Крестьянство увеличило свои взносы на образование с 39,7 до 46,7 тысячи рублей. Карсунское, Симбирское и Буинское земства повысили жалованье лучшим учителям со 120 до 180–240 рублей. В Сызрани был проведен первый учительский съезд. Губернское земство стало выделять на содержание своих стипендиатов — слушателей педагогических курсов более трех тысяч рублей в год.

Сил положено было немало. Но Илья Николаевич не кривил душой, когда заявил со страниц губернской газеты, что успехи в деле народного образования «еще далеко не значительны» и что «предстоит еще много труда и материальных жертв для сравнительно большого развития молодого поколения».

И по-прежнему главной оставалась проблема учителей.

В иных школах занятия не проводились иногда по нескольку дней. А ведь учебный год был так короток!

Илья Николаевич грустно констатировал: из 226 учителей только 47 окончили курс в духовных семинариях и уездных училищах, 31 — в тех же сельских школах, где теперь сами учат, 41 получил домашнее образование, а остальные — недоучки и неудачники. Но и на этих, плохих, учителей вряд ли можно рассчитывать в будущем. Дело в том, что решением министерства с 1872 года для сельских учителей вводятся экзамены за весь курс

уездного училища. Большинство наверняка их не выдержит и вынуждено будет оставить педагогическую службу.

Народному учителю нужна и общая и педагогическая подготовка, знание новейших методов обучения. Ведь практикующаяся долбежка складов ведет к тому, что крестьянские ребятишки к концу учебного года еле-еле овладевают чтением. За долгие каникулы они успевают разучиться, и со второго года начинается возобновление пройденного. Понятно, что к концу третьего — и последнего — года обучения ученики выходят без всякого интереса к чтению, а через несколько лет многие из них пополняют ряды безграмотных. Естественно, что при таких условиях доверия к учению у крестьян быть не может, и они будут смотреть на него как на тяжелую повинность.

Илья Николаевич и его сторонники, А. Ф. Белокрысенко, Н. А. Языков, В. Н. Назарьев, размышляли: где еще взять подготовленных учителей?

Самое простое — привлечь к преподаванию выпускников местной духовной семинарии. Но жизнь показала, что на них можно рассчитывать только до известной степени: при первой возможности семинаристы предпочитали получить место священника — оно несравненно выгоднее незавидной доли учителя.

Илья Николаевич знал, что в ближайшее время должна была открыться в Самаре учительская семинария. Он сделал туда телеграфный запрос о возможности помещения стипендиатов симбирского земства. Из Самары ответили, что примут не более 10 человек. Это, конечно, не решало проблемы. Надо было искать другой выход.

Инспектор уже досконально знал губернию, редкий поселок в ней не был ему теперь знаком. Определился и тот круг вопросов, которые ему приходилось решать изо дня в день. Уже существовал составленный им план строительства школ в губернии, была начата подготовка народных учителей, уже четко складывалась в его представлении система инспектирования и руководства образованием. Постепенно удалось заинтересовать и крестьян, и — что не менее важно — некоторых земских деятелей.

Илья Николаевич ясно видел к концу второго года своего инспекторства: надо поднимать женское образование в губернии. Дел тут непочатый край, картина самая неутешительная, редко-редко увидишь в классе девочку. Лучшие педагоги России справедливо утверждали: «Грамотная мать — грамотная семья». А от грамотной семьи и до грамотного народа уже не столь далеко…

Осенью 1871 года Ульяновы сменили квартиру. Второй этаж дома вдовы дьякона Прибыловской, куда семья переехала из тесного флигеля после рождения Володи, тоже оказался жильем не вполне приемлемым. И как только освободилась просторная квартира на втором этаже соседнего дома — Жарковой, Ульяновы перебрались туда. На нижнем этаже снимала квартиру добрая и приветливая женщина — акушерка Анна Дмитриевна Ильина. Невысокая, плотная, в неизменных темных платьях с ослепительно белыми воротничками, она частенько заглядывала к Марии Александровне. Полтора года назад Анна Дмитриевна принимала Володю. 4 ноября 1871 года она же первой поздравила Ульяновых с рождением дочери, которую в память о скончавшейся в 1869 году дочурке назвали Оленькой.

Семья росла.

Уроки выставки

60-е и начало 70-х годов в России… Время значительных преобразований в экономике и укладе всей жизни страны. Время развития мощного общественно-педагогического движения, время практического создания основ новой школьной системы. Системы, несомненно, буржуазной, классовой, но сравнительно с дореформенной — более доступной для широких слоев населения. В первую очередь, конечно, доступной была начальная народная школа. Именно поэтому судьба ее привлекала внимание ведущих публицистов, писателей, общественных деятелей и — что особенно важно — выдающихся педагогов-практиков, настойчиво претворяющих в жизнь передовые педагогические идеи.

Животрепещущей проблемой наряду с перестройкой школы стала разработка теоретических основ отечественной педагогической науки. Личностью, сумевшей объединить в своей деятельности решение этих двух задач, оказался выпускник Московского университета, профессор ярославского Демидовского юридического лицея, позднее преподаватель Гатчинского сиротского института и Смольного института в Петербурге, человек недюжинного, яркого ума, педагог энциклопедического склада, первый русский педагог-теоретик, педагог-публицист Константин Дмитриевич Ушинский. Как Ломоносову в науке, ему выпало на долю стать реформатором русской школы, основоположником русской педагогики.

Вероятно, любой незаурядной личности трудно избежать конфликтов и столкновений с устоявшимися привычками, взглядами. Попытки Ушинского на практике совершенствовать преподавание привели к изгнанию его из учебных заведений, где довелось ему работать, к отстранению от педагогической деятельности.

Но призвание не позволило ему ни отступить, ни смириться с существующим положением. Ясно видя ущербность, несостоятельность официальной педагогики, ощущая насущную необходимость выработать подлинно научную теорию воспитания человека, понимая разобщенность и противоречивость многих педагогических идей и просветительских начинаний в России, Константин Дмитриевич в течение ряда лет работает над капитальным трудом «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии». Это сочинение, можно сказать, главный труд его жизни. В нем раскрыты основные закономерности науки о воспитании, показана взаимосвязь

педагогики с другими областями знания о человеке, заложен, по существу, фундамент русской педагогики.

Еще в начале 50-х годов Ушинский выступает с педагогическими статьями в журналах «Современник» и «Библиотека для чтения». В 1860 году он становится редактором «Журнала министерства народного просвещения» и буквально возрождает его. Читатель сразу же почувствовал страстность и эрудицию редактора, его нетерпимость к застою и рутине, его стремление поддержать и утвердить принципы научной, демократической, прогрессивной педагогики. Журнал делается весьма популярным среди учительства, его публикации вызывают большой интерес, их живо обсуждают. Такими же популярными становятся вскоре и книги Ушинского — «Детский мир» и «Родное слово». Научность сочетается в них с доступностью и ясностью изложения, в них немало упражнений для развития логики, наблюдательности детей.

Круг педагогических исканий Ушинского поистине безграничен. Он разрабатывает стройную дидактическую систему, утверждает принципы воспитывающего обучения, отстаивает идею всеобщего образования, по существу, создает народную школу, считая это центральной задачей 60-х годов, продумывает курс первоначального обучения как основы общего образования. Стержень первоначального обучения он видит в изучении родного языка. С именем Ушинского связано начало педагогического, профессионально-технического и женского образования в России.

В 1862 году Ушинский едет в пятилетнюю командировку за границу для изучения постановки женского образования в Европе. В последние годы своей жизни — Ушинский умирает в декабре 1870 года — ученый работает над третьим томом «Педагогической антропологии». Его известность, авторитет в России велики, заслуги перед отечественной педагогикой несомненны. У него немало сторонников и последователей.

Настойчиво претворял идеи Ушинского в жизнь замечательный воронежский педагог Николай Федорович Бунаков. Он был убежден, что именно начальная школа должна приохотить детей к учению, постепенно развить их умственные, нравственные и физические силы. В 1867 году он открывает школу для подготовки в средние учебные заведения. Дети бедняков учатся в ней бесплатно.

Воронежский коллега Ульянова считает, что массовая безграмотность, невежество наносят существенный вред благу и отдельной личности, и всего государства. Он настаивает на введении всеобщего обязательного обучения, призывает общественность, земство принять широкое участие в школьных

делах. Руководство начальным образованием он предлагает передать в руки самого народа, имея в виду опять же земство, представителей крестьянских и городских обществ, независимых деятелей просвещения. Воспитание у детей любви к родине, к народу Бунаков считает одной из важнейших задач школы. В своих выступлениях на учительских съездах и курсах он пропагандирует и отстаивает педагогические принципы Коменского, Руссо, Песталоцци, Ушинского… С большим интересом знакомится учительство и с его конкретной методикой обучения русскому языку и объяснительному чтению.

Среди учителей и деятелей народного образования широко известны в те годы и имена Василия Ивановича Водовозова, Николая Александровича Корфа. Эти педагоги играют заметную роль в утверждении народной школы, они показывают образец служения ей.

Водовозов — один из талантливых учеников и последователей Ушинского. Работал вместе с великим педагогом в Смольном институте. Организовал одну из первых воскресных школ в Петербурге. Публиковал статьи, в которых тщательно анализировал существующую учебную литературу; рекомендовал свой круг чтения для народной школы. По предложению Водовозова при петербургском Педагогическом обществе создается постоянная комиссия, разрабатывающая способы и средства наглядного обучения. В конце 60-х — начале 70-х годов Василий Иванович выпускает ряд пособий по литературе и грамматике русского языка.

Авторитет и известность Водовозова были велики. Однако его демократизм, гуманизм пришлись не по душе министерству просвещения. Его отстраняют от официальной педагогической службы. Но созданные им учебники и методические руководства, его статьи и выступления долго будут помогать учителям России.

Неменьшую популярность приобретает учебно-педагогическая деятельность Николая Александровича Корфа. Выпускник Александровского лицея после недолгой службы в министерстве юстиции переезжает в село Нескучное Екатеринославской губернии, где весьма энергично начинает заниматься народной школой. Гласный уездного и губернского земских собраний, член училищного совета Александровского уезда, он считает, что именно органы местного самоуправления должны сыграть решающую роль в ликвидации неграмотности среди крестьян. Земство может и должно взять на себя главную тяжесть расходов по устройству и содержанию школ.

Деятельность Корфа была многогранной и последовательной. Он ревизует школы, ставит перед земством конкретные задачи,

помогающие улучшить учебное дело, предлагает привлечь к выполнению их людей, озабоченных судьбами народной школы. В отличие от довольно распространенного мнения он полагает, что крестьяне отнюдь не противники обучения детей — они просто разуверились в плохих училищах и плохих учителях. Дайте хорошую школу — и крестьянство всегда ее поддержит, утверждал Корф.

Он блестяще доказывает это на деле. За пять лет по его инициативе только в одном уезде открывается около ста начальных земских школ. Он организует мастерскую по изготовлению наглядных пособий, находит среди учеников таких, кто хочет стать учителем, и сам готовит их к будущей профессии. Дважды в год Корф объезжает школы уезда. Анализирует работу учителей, дает советы, сам проводит наглядные уроки.

Корф одним из первых в стране начал собирать учительские съезды, считая их необходимым и важным средством приобретения сельскими учителями знаний, опыта, навыков. Энтузиаст — практик, увлеченный человек, он счастливо сочетал в себе дар педагога и организатора. За выдающиеся заслуги в развитии народного образования он в 1870 году был избран почетным членом петербургского педагогического общества, затем — почетным членом Московского университета.

Но и в судьбе этого человека играет роковую роль упорное и целенаправленное нежелание правительства открыть доступ к образованию широким слоям населения. В либеральной, не несущей ничего противозаконного деятельности барона Корфа, идеализировавшего крестьянскую реформу 1861 года, власти все-таки усматривают некую опасность, всячески пытаются ограничить деятельность слишком активного земского гласного.

Многие мысли и идеи Корфа основывались на педагогических воззрениях Ушинского. Главной целью школы он считал подготовку человека, развитого духовно и физически. Нравственное воспитание ученика должно осуществляться на любом уровне. Учитель — живой пример для подражания; он эталон личности для обучаемых. И не только для них. Он обязан нести культуру и знания и в среду местного населения, отчитываться перед ним о своей работе.

Во многих статьях, публиковавшихся в Москве и Петербурге, Корф рассказывал о собственном опыте, высказывал суждения по конкретным проблемам школьного дела, давая рекомендации. Работа, опыт «земского педагога» были весьма интересными и ценными для учительства.

В разных учебных заведениях, в разных городах успешно работали и продвигали вперед школьное дело такие известные

педагоги России, как А. Острогорский, Д. Тихомиров, Д. Семенов, В. Стоюнин. Все они были последователями и сторонниками К. Д. Ушинского, искренними и увлеченными защитниками демократической, массовой народной школы.

Деятельностью крупнейших педагогов России, их успехами постоянно интересовался Илья Николаевич. А вскоре появилась возможность и встретиться с некоторыми из них.

В 1872 году в Москве открывалась Всероссийская политехническая выставка. Она стала главным событием года. Мысль о необходимости ее высказали ученые — члены «Общества любителей естествознания, антропологии, этнографии» при Московском университете. Посвящена была она двухсотлетию со дня рождения Петра Великого.

Известие о предстоящей выставке взволновало всю Россию. Время было особое: после отмены крепостного права молодой русский капитализм быстро рос. Выставка позволяла продемонстрировать достижения промышленности в разных сферах человеческой деятельности, поучиться у предпринимателей Западной Европы, которые в те годы открывали немало заводов и фабрик в Российской империи, познакомиться с успехами конструкторов, инженеров, строителей.

Участие в выставке принимали многие ведомства и министерства, в том числе и просвещения. Был здесь и специальный отдел — педагогический. В нем были представлены учебники, программы, учебные пособия, макеты классных комнат и школьного оборудования, модель образцовой школы. Организаторы выставки — сторонники народного образования — понимали, что технический и промышленный прогресс страны невозможен без массового начального образования. Тем и объяснялось создание обширной и интересной экспозиции, посвященной школам. Познакомиться с ней, конечно, было бы весьма любопытно деятелям народного просвещения. Кроме того, предполагалось, что на выставке будут организованы педагогические чтения, которые проведут известные методисты и педагоги. Вот почему было решено пригласить в Москву инспекторов народных училищ и лучших школьных учителей — чтобы посмотрели, послушали, кое-что намотали, как говорится, на ус.

Известие об этом, полученное Ильей Николаевичем из учебного округа, чрезвычайно его обрадовало. Он прекрасно понимал, какую большую пользу для практического преподавания принесут четыре командировочные недели. И конечно же, сразу загорелся мыслью не только самому побывать в Москве, но и

непременно послать туда хотя бы нескольких народных учителей. А поскольку министерство просвещения денег для них не выделяло, то Илья Николаевич отправился уламывать земских деятелей, доказывать, что расходы на учительские командировки непременно окупятся улучшением преподавания. И доказал, добился: четыре учителя тоже поехали в Москву. Среди них — руководитель практики на педагогических курсах И. Николаев и учитель А. Рождественский — из той самой чувашской школы, которую Илья Николаевич открыл в Ходарах. То, что удалось добиться командировок для учителей, было, пожалуй, самым приятным: ведь какая нежданная радость, какой подарок судьбы для того, кто, выучившись на медные гроши, изо дня в день среди невежества, жестокости, тупости и самодовольства учил детей бедноты, тянул их к свету, а сам не бывал порой дальше губернского центра!

Илья Николаевич, взволнованный, даже стал спешить, суетиться, что с ним никогда почти не случалось. 1 февраля отправил в Москву сведения об «инородческих» училищах губернии, образцы учебников. В апреле губернские «Ведомости» печатали сообщения комитета выставки — он читал и перечитывал их. Привлекало его внимание намерение провести во время работы выставки съезд преподавателей.

В мае от попечителя округа из Казани пришло сообщение, что инспектору И. Н. Ульянову выделяется 250 рублей на проезд и проживание в Москве. Поездка предполагалась с 3 по 31 июля.

Итак, с командировкой было решено. До отъезда требовалось еще завершить кое-какие дела. В понедельник, 5 июня, Илья Николаевич отправился в Буинский уезд. Пробыл там почти две недели. Возвратившись в Симбирск, он подвел итоги учебного года в школах, 21 июня экзаменовал воспитанников чувашской школы. В этот же день от попечителя округа поступило разрешение на выезд в Казань — получить командировочные деньги и документы. Поездка была весьма кстати: заодно можно отвезти Марию Александровну с детьми отдохнуть в Кокушкино.

Илья Николаевич поплыл в Казань пароходом. Получив в канцелярии учебного округа проездные документы, поднялся по Волге до Нижнего Новгорода. В то время только оттуда шла железная дорога на Москву. Ульянов очутился в железнодорожном вагоне впервые в жизни…

И вот она, выставка, разместившая свои павильоны в Кремле, на набережной Москвы-реки, в кремлевских садах и Манеже! В сорока павильонах тысячи экспонатов, разнообразные отделы — архитектурный, морской, почтовый, горнозаводской, железнодорожный, сельскохозяйственный и многие другие,

включая даже отдел промысловых животных. Демонстрация продукции различных компаний и предприятий. Последние новинки техники. Образцы ткачества. Лесоводство. Достижения зарубежных фирм. Физические приборы. Постановка школьного дела в Швеции. Вот и образцовая сельская школа, представленная министерством просвещения. Добротная и удобная классная мебель, на стендах изящные учебные пособия, интересные коллекции, гербарии. Дорогие картины. Музыкальные инструменты. Но чернильницу на парту забыли поставить. В сенях нет ни вешалки, ни кадки с водой для питья, ни умывальника. И не показана типичная сельская школа, в которой бы и мебель, и наглядные пособия были самодельные или доступные по цене. А шведы демонстрируют отличные учебники, удобную складную школьную мебель — можно убрать ее и превратить класс в гимнастический зал. В партах даже гнездышки для чернильниц, грифеля, карандашей предусмотрены. И доски классные — разлинованные для чистописания, для черчения, для рисования контурных карт — на все случаи жизни. И какое сочетание эстетики и целесообразности! Но для российской сельской школы все это еще недоступная роскошь.

Четыре недели — срок небольшой. Илье Николаевичу, впервые попавшему в Москву, не хотелось терять зря ни минуты. И как ни велик был соблазн побродить по Белокаменной, полюбоваться ее красотами, все же большую часть суток проводил он на выставке, то и дело помечая в своей записной книжке: не забыть, обратить внимание, обязательно применить у себя… И настолько самозабвенным было это ненасытное его собирательство идей, соображений, наблюдений, что бросалось в глаза, замечалось окружающими. Оказавшийся вместе с Ильей Николаевичем на выставке симбирский преподаватель А. Покровский напишет потом: «Двух-трех случайно брошенных слов в обращении к нему достаточно было, чтобы видеть, что это деятель по народному образованию, которое тогда вызывало всеобщее живое участие. Деятель — не педант, трактующий себя полным знатоком этого сколько важного, столько же сложного дела, хотя уже и в то время он немало над ним потрудился, а деятель, собирающий материал, необходимый для сообщения устойчивости этой деятельности, ищущий где только можно полезных уроков, которые бы сообщили его деятельности настоящую силу и практическую применимость. Сколько раз ни случалось мне бывать на выставке, всякий раз я его встречал. И всякий раз он спешил поделиться с такой неподдельной задушевностью и простотой об усмотренном им каком-нибудь новом пособии, полезной книжке, о выслушанном им от других

лиц, заинтересовавшихся этим делом, совете, сообщений о ходе народно-учебного дела. Так вот и напрашивается он на сравнение с трудолюбивой пчелой, которая с таким тщанием собирает вещество, которым воспользуется не столько сама она, сколько другие, но для которой тем не менее вся цель жизни заключается в том, чтобы собирать это вещество…»

Было, было на что посмотреть Илье Николаевичу, взять на заметку, сравнить с уже ставшими близкими его сердцу школами Среднего Поволжья. И не только посмотреть. Много нового, полезного для себя извлек он из лекций известных педагогов И. Ф. Бунакова и В. А. Евтушевского, посвященных теории и практике наглядного обучения. Многие вопросы, ему самому еще неясные до конца, становились понятнее после обсуждения их на специальных заседаниях инспекторов народных училищ. Речь на этих совещаниях шла о том, надо ли — и как — обучать в народных школах ремеслам; рассматривались программы для двухклассных и одноклассных сельских училищ; сравнивались разные способы подачи материала на уроках. Выступать самому на этих совещаниях Илье Николаевичу не довелось, да он об этом и не помышлял, считая, что дело, за которое он взялся, еще только-только начинает разворачиваться. И говорить о каких-то успехах и достижениях рано. Не будучи от природы ни фантазером, ни беспочвенным мечтателем, инспектор Ульянов лучше других знал, что того часа, когда русский мужик «Белинского и Гоголя с базара понесет», еще ждать и ждать. На выставке он отчетливо осознал, как долог, как невообразимо тяжел путь ко всеобщему, хотя бы и начальному, образованию народа. Но с детства знавший лишь один способ достижения цели — поистине муравьиное, неустанное упорство и каждодневная работа, — не впадал ни в черный пессимизм, ни в мелодраматическое отчаяние. Знал: дорогу осилит идущий. И с этим настроением стал готовиться к отъезду из Москвы: накупил книг и пособий, прихватил кое-какие приборы, подарки. В те дни ему исполнился сорок один год. Решив сделать приятное домашним, сфотографировался у столичного фотографа и поспешил к себе, на Волгу. И пока ехал, та досада, та глубоко запрятанная зависть, которую почувствовал, сравнивая шведскую школу и российские училища, потихоньку исчезала, уступая место уже рождавшимся новым мыслям, соображениям, планам.

Он спешит в Кокушкино и, побыв там несколько дней с семьей, отправляет Марию Александровну с детьми домой, а сам едет в Курмыш, чтобы провести первый съезд учителей народных школ уезда.

Две недели — со 2 по 16 сентября — инспектор с помощью учителя Рождественского, тоже только что вернувшегося из Москвы, знакомит учителей с тем, что увидел и узнал на выставке, проводит для них показательные уроки. С самого начала учебного года он берется за дела, намеченные еще в Москве: закупает учебные пособия и книги для школ, организует библиотеки. Приступает и к реализации своей давней мысли: надо при школах создавать комнаты для ночлега приходящих учеников. Об этом он пишет специальное письмо в губернскую земскую управу. В размышлениях о народной школе и в разговорах со своими единомышленниками виделось Илье Николаевичу еще одно совершенно необходимое дело: создание специального учебного заведения для подготовки учителей. Проблема казалась неразрешимой: где взять помещение, деньги?

Помог случай. Министерство просвещения решило открыть в Саратовской губернии учительскую семинарию. Но саратовцы никак не могли подобрать для нее подходящее помещение. И вот знавший об этом Белокрысенко, горячо одобрявший Ульянова, сообщил как-то Илье Николаевичу, что в большом селе Порецком, в двухстах верстах от губернского центра, у него пустует одно из зданий удельного ведомства, которое он мог бы передать под учительскую семинарию.

Здание в Порецком прекрасное — трехэтажное, представительное, удобное, с внушительным фасадом. А какие вокруг Порецкого места — пойма Суры, заливные луга, леса и озера!

Конечно, лучше бы открыть семинарию в своем городе, но что же делать…

Встал вопрос о директоре. Очень хотелось бы видеть руководителем семинарии Владимира Александровича Ауновского. Лучшего директора не найдешь: разносторонне образован, увлечен школой, опытен в преподавании, справедлив и рассудителен. Но согласится ли он оставить гимназию, где работает инспектором, уехать из губернского города, сменить налаженную привычную жизнь? Да к тому же он и прибаливает…

Ауновский согласился. И 18 ноября 1872 года Порецкая учительская семинария была открыта. С приветственным словом к гостям и слушателям обратился Владимир Александрович. В его речи были такие примечательные слова:

— Торжество открытия семинарии есть вместе с тем торжество народной школы, народного образования, на котором зиждется сила и могущество государства. Семинария должна готовить таких учителей, чтобы школа могла давать крестьянам положительные знания, научила их пользоваться дарами

окружающей природы и развила бы в крестьянах обязанности человека и гражданина.

С открытием этого учебного заведения симбирские учительские курсы были упразднены. Отныне Порецкая семинария будет готовить учителей для губернии.

Будни, хлопоты

Быстро идет время. Уже три года Володе. Не за горами день, когда начнут учиться Аня и Саша.

Ульяновы стоят за раннее обучение. Мария Александровна полностью согласна с мнением Ушинского — первой учительницей детей должна быть мать.

Для нее, педагога не только по свидетельству, полученному после экзаменов на звание домашней учительницы в Самаре в 1863 году, но и по призванию, нет заботы важнее. Она занимается с детьми музыкой и пением, учит читать, писать, рисовать. Книжка, карандаш и бумага знакомы им с раннего возраста. В пять лет Аня уже вполне сносно читает, возле нее незаметно освоил азбуку и Саша.

Дети знакомятся с началами арифметики, географии. Однако для поступления в гимназию этого мало — ведь требуется сдать вступительные экзамены по обширной и довольно сложной программе, которую обычно проходят в приготовительном классе. В гимназию принимают практически грамотных детей, умеющих читать, писать, считать, решать простейшие задачи, вызубривших определенный минимум молитв. Встают вопросы: как лучше подготовить Аню и Сашу? Учить самим? Пригласить домашнего учителя? Готовить в приготовительном классе?

Учить старших Марии Александровне самой не хватает времени. Заботы по дому. Вторая пара — Володя и Оля — требуют внимания. В семье еще одно несчастье: родился и умер через несколько дней шестой ребенок — Коля.

Илья Николаевич просит подучить Аню и Сашу недавнего выпускника педагогических курсов Василия Андреевича Калашникова. Он знал его чуть ли не с первых дней своей жизни в Симбирске как одного из лучших воспитанников педагогических курсов. Ему нравился трудолюбивый, скромный и любознательный юноша, которого он оставил после выпуска в городе.

Молодой учитель еще неопытен, да и робеет в семье своего начальника. Приходит он на час, занимается с детьми, задает им урок к следующему дню. Словом, помогает усваивать программу, знание которой будет проверяться на вступительных экзаменах. Решено, что Александр поступит в приготовительный класс классической гимназии, обучение в которой для детей Ильи Николаевича было бесплатным, что немаловажно. А Анне придется учиться в женской «мариинской». В гимназиях такого типа даже дети чиновников министерства народного

просвещения не освобождались от платы за обучение. Поэтому родители предпочли готовить ребенка за младшие классы дома. Аня сразу поступила в пятый класс (в «мариинских» гимназиях начальным был седьмой класс).

Дел у Ильи Николаевича по-прежнему непочатый край. И главное — подготовка знающих учителей.

Порецкая семинария выпускает в год только около десяти квалифицированных преподавателей. Ясно, что во всех школах губернии они появятся лишь через многие десятилетия. Поэтому Илья Николаевич стремится знакомить учителей с новейшими методами обучения и воспитания, с наглядными пособиями и педагогической литературой. С этой целью он собирает их на съезды.

Дело это было новым. Известный деятель просвещения Корф провел первый такой съезд в Александровском уезде Екатеринославской губернии в 1869 году. А в июле — августе 1870 года под руководством Ульянова состоялся съезд учителей Сызранского уезда. И с тех пор проводились они уже ежегодно.

Съезды, созываемые обычно после окончания учебного года или перед его началом, ожидались учительством с большим нетерпением. Как не ждать! Когда еще удастся сидящему в глухом селе учителю встретиться с коллегами, обменяться мыслями, поспорить о том, как лучше учить детей, познакомиться с новейшими наглядными пособиями.

В сентябре 1873 года Илья Николаевич проводил съезд учителей Симбирского уезда — первый в губернском центре. На нем обещало быть губернское начальство. Должны были показать свое мастерство публично, для всеобщего обозрения уже работавшие в школах недавние выпускники педагогических курсов. Среди педагогов известие о съезде вызвало большое оживление. Два последних года — 1872-й и 1873-й — были по-настоящему «весенними» для народной школы. Так удачно двигалось дело, так увлеченно работали в школах молодые учителя, так много писалось и говорилось тогда о народном образовании, такое всеобщее внимание не отдельных сельских обществ, а самых широких слоев русской интеллигенции было обращено на него, что казалось, лед тронулся и теперь уж непременно должно все государство взяться за обучение и просвещение народа.

…В начале сентября к Симбирску потянулись тележки и брички с учителями и учительницами, стремившимися на съезд. Зал мирового суда, где происходили первые заседания, преобразился до неузнаваемости: на стенах развешаны картины, в

углах размещены деревья разных пород, образцы хлебных злаков, на особом возвышении собраны учебные пособия. Первые ряды стульев заняты учениками народных школ, с которыми учителя и учительницы проведут испытательные уроки. За ними представители «высшего» общества, далее священники, учителя.

Съезд открылся уроками священников. Они явно стеснялись публики. Потом дошла очередь и до сельских учителей. Каждый из них поднимался на возвышение; присутствовавшие в зале внимательно следили за ходом урока. После окончания завязывались споры. Кто-либо из наиболее опытных учителей формулировал общее мнение.

Илья Николаевич советовал учителям изучать труды Ушинского, Корфа, Водовозова, творчески применять их рекомендации в школах. Он будил мысль, призывал к самостоятельности, творчеству.

Обсуждая вопрос о мерах взыскания в сельских школах, единодушно решили: классную дисциплину должно поддерживать, не прибегая к физическим наказаниям. На съезде не случайно шла речь об этом. Этот «воспитательный» прием кое-где еще встречался. Илья Николаевич призывал учителей как можно внимательнее и хладнокровнее разбирать проступки учащихся; доказывал, что ставить на колени в угол, давать щелчки и затрещины не только не нужно, но и вредно.

— Я желал бы, — заявил он, — чтобы телесные наказания были совсем выведены с той целью, чтобы дети боялись наказания, а не привыкали к нему. Для этого употреблять такой прием, который я высказал вчера, то есть разбирать проступок ученика.

На съезде один из учителей чувашской школы поднял весьма важный вопрос: на каком языке преподавать в нерусских классах закон божий? Он привел курьезный пример:

— Заставляя изучать слово божие на русском языке, я могу только бесполезно насиловать память мальчиков и отниму у них всякую охоту к сему священному предмету. До чего доходит такое преподавание, укажу на случай в Буинском уезде. Является русский учитель в школу и говорит: «Скажи за мной звук „а“». Мальчик повторяет: «Скажи за мной звук „а“». Учитель говорит: «Не повторяй за мной!» Мальчик отвечает: «Не повторяй за мной!» Рассерженный учитель плюнул и сказал: «Тьфу, бестолковый!» Мальчик послушал, тоже плюнул и ответил: «Тьфу, бестолковый!» Подобное происходит с каждым русским учителем в инородческой школе. Выход из этого — введение чувашской грамоты, иначе рискуем еще годы оставить детей инородцев без света истины. Не скрою, что многие протестуют против

чувашского языка в школе и говорят, что правительство заботится об обрусении чувашей; но, по-моему, чувашская грамота тут ни при чем, ведь не мешает русскому языку изучение немецкого или французского.

Учителя дружно поддержали мысль: надо хотя бы в первых классах нерусских школ обучать детишек на родном языке, и не только закону божию. Так и было рекомендовано собравшимся.

В последний день съезда учителя вместе с инспектором пошли на телеграфную станцию. Здесь Ульянов познакомил их с аппаратурой, а после обеда показал физический кабинет военной гимназии.

Съезд закончил работу. Но оказалось, что многим педагогам, получившим по пять рублей на две недели, не на что добираться до своих селений. Пришлось обратиться к частной благотворительности, обойти именитых гостей с подписным листом в руках. И все же, несмотря на такой оборот дела, Илья Николаевич был доволен съездом. Учителя разъехались, преисполненные энергии и стремления принести как можно более пользы своим ученикам.

…И снова потянулись школьные будни.

Забот хватало: то надо было уговаривать местное начальство срочно отремонтировать училищный дом, то добиваться регулярной выплаты учительского жалованья, то пресекать придирки волостного старшины или священника к «строптивому» учителю, доказывать беспочвенность обвинений его в безбожии, вольнодумстве, даже в попытке вести «пропаганду» среди крестьян. Наконец, нередко приходилось убеждать отчаявшихся найти в себе силы и волю для работы в глухомани.

Инспектор любил бывать на уроках и экзаменах, обсуждал с учителями программы, объяснял преимущества того или иного учебника, показывал, как надо на практике применять тот или иной метод или прием. И вот так — терпеливо, кропотливо, с большим тактом, искусством он, выражаясь словами одного из его помощников, «создавал самих учителей». И воспитал таких, которые стали известны как «ульяновцы». Их отличали преданность нелегкой работе, любовь к детям, высокое чувство гражданского долга. Под влиянием своего руководителя молодые учителя осознавали гуманную суть и высокую значимость избранной ими профессии. Они понимали, что ставят, на ноги новую школу, в которой учить детей следует не «молотом и голодом», а любовью, лаской, убеждением.

«Это были первые учителя нового типа, люди еще молодые, вполне порядочные, сложившиеся под влиянием инспектора (И. Н. Ульянова. — *Авт.)* и бравшиеся за дело не как

ремесленники, а как люди, понимавшие святость своего признания и искренно увлеченные своей обязанностью», — писал о них земский деятель и писатель В. Н. Назарьев в очерке о сельской школе.

Однако новички приживались на местах не так-то легко. Кое-где помещики, увлекшись модой, выпрашивали в свое село учительницу, а потом нередко оставляли ее заниматься и жить в убогой и холодной школе. Волостное начальство и духовенство, привыкшие видеть в сельском учителе своего подчиненного, строили им всяческие козни.

«Предоставляя людям односторонним, людям известных тенденций и всяким фарисеям упирать на слабые стороны новой школы и ее руководителей, мы остаемся верными чувству глубокого уважения к нашим немногим хорошим учителям народных школ, представляющим совершенно новый и в высокой степени симпатичный тип людей толковых, честных, деятельных, скромных, чуждых — по крайней мере в нашей местности — всяких вредных направлений и в то же время обреченных на какое-то мученичество; на лишение всякого необходимого комфорта, свойственного цивилизованным людям, на постоянное самоотвержение, на голод, холод, безвыходное уединение, а главным образом на вечное одиночество, так как при настоящем содержании положение семейного учителя уже выходит из границ обычной нужды и неминуемо должно перейти в какое-то нищенство», — писал Назарьев.

С глубокой душевной болью, с чувством горечи покидал частенько Илья Николаевич очередную сельскую школу. Неказистое помещение, убогая мебель, полуголодные ребятишки в лаптях — все это не радовало. Невеселые размышления вызывала и судьба сельского учителя. Сидящий в глуши, получающий мизерное жалованье, ничем не обеспеченный в старости человек пробуждал острое желание помочь, поддержать, ободрить. Но чем помочь, как поддержать? Государство выдает на просвещение более чем скромные средства, не слишком раскошеливаются и земства. Так, в 1872 году земства Симбирской губернии ассигновали на народное образование немногим более 15 тысяч рублей; а Вятская губерния, скажем, выделяла на эти цели около двухсот тысяч! На содержание учительских курсов симбирские земцы ассигновали всего-навсего 5320 целковых; те же вятичи — 25 тысяч.

Илья Николаевич всеми способами добивался увеличения средств на народное образование. Но земство скупилось. По расходам на школу губерния значительно отставала от соседей — Казанской и Самарской губерний. Вечно не хватало денег на

учебники, на школьную мебель, на книги для библиотек. Отнюдь не с энтузиазмом было встречено земцами и предложение устраивать при некоторых школах общежития для учеников из окрестных сел. Постройку нового здания земцы вообще считали чуть ли не роскошью.

Все это постоянно мучило Илью Николаевича. Но что он мог сделать? Только просить и доказывать. Просить у крестьян пли земства, доказывать тем же земцам или учебному округу.

Из года в год, из месяца в месяц бился Ульянов за то, чтобы облегчить жизнь учителю, избавить его от нищеты. И конкретно того или иного и всех вообще. Обычными были заботы: выпросить у земства единовременное пособие для престарелого преподавателя; похлопотать о жилье для учителя; помочь больному коллеге. Вновь и вновь возвращался Илья Николаевич к одной и той же просьбе, стучался во все двери, доказывал где мог: чтобы утвердить начальную народную школу, надо позаботиться и об учителе. Он писал докладные в учебный округ о необходимости доплаты к жалованью учителей за выслугу лет; хлопотал перед губернской земской управой, чтобы учителям разрешили лечиться в земских лечебных учреждениях бесплатно. Кое-что удавалось сделать, многое — нет. Но он не опускал рук.

Деятельность Ильи Николаевича встречала благожелательное отношение В. Н. Назарьева, А. Ф. Белокрысенко, Н. А. Языкова, Ф. М. Дмитриева, многих прогрессивных деятелей симбирского земства. Успех большинства его начинаний объяснялся поддержкой, которую оказывали ему все те, кого воодушевляли идеи просвещения народа. «Участвуя, на основании „Положения о земских учреждениях“, в попечении о народном образовании, — указывалось в представлении, направленном Симбирской губернской управой 12 апреля 1887 года попечителю Казанского учебного округа, — Симбирское земство имело полную возможность оценить ту пользу, какую приносит делу народного образования в губернии ревностная деятельность г. инспектора народных училищ Симбирской губернии Ильи Николаевича Ульянова. Из его отчетов, из сообщений уездных училищных советов, из этой готовности и преданности делу, с какими является г. Ульянов, как в губернском, так и в уездных земских собраниях, с своими советами, указаниями и предложениями, наконец, из наблюдения очевидцев практических результатов его деятельности земство не может не убедиться, что труды его заслуживают полного сочувствия и признательности со стороны местного населения. В сознании этого, Симбирское земское собрание сочло своею обязанностью выразить г. Ульянову свое сочувствие и признательность, определив, по постановлению на 9

декабря 1873 года, войти от имени собрания с ходатайством о награждении г. Ульянова за его полезную деятельность».

Конец «весны»

В 70-х годах началось знаменитое «хождение в народ» представителей революционной разночинной интеллигенции. Потеряв веру в возможность поднять русский народ на революцию, разочарованные результатами буржуазных западноевропейских революций, народники стали искать особых путей социального переустройства России. Идея перехода к социализму через сохранение и преобразование русской сельской общины, высказанная в конце 40-х — начале 50-х годов А. И. Герценом, затем и Н. Г. Чернышевским, становилась все более популярной среди передовой интеллигенции. Молодежь шла в деревни работать учителями, фельдшерами, писарями, чтобы пропагандировать среди крестьян народнические идеи. *«Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни;* отсюда — *вера в возможность крестьянской социалистической революции,* — вот что одушевляло их, поднимало десятки и сотни людей на геройскую борьбу с правительством»[5] — так определил В. И. Ленин порыв и устремления этих людей. В начальной школе видели они широкие возможности для пропаганды своих идей.

Эта попытка использовать сельскую школу в пропагандистских целях была замечена правительством.

Летом 1873 года жандармы выяснили, что и среди учителей Симбирской губернии оказалось несколько народников. 3 июня 1873 года в Симбирске побывал министр внутренних дел Тимашев. Он принял волостных старшин. Среди прочих наставлений министр дал совет как можно строже относиться к подбору учителей в школе, следя, чтобы они отличались самой «безукоризненной нравственностью».

Илья Николаевич прочел изложение этой речи министра в «Симбирских губернских ведомостях». Итак, не только полицейские чины, но и полуграмотные волостные старшины и писари должны отныне следить за «благонамеренностью» учителя.

Правительственное давление на школу к середине 70-х годов стало ощутимее. Начиналась полоса контрреформ.

В 1862 году в проекте общего устройства народных школ, составленном межведомственным комитетом, а в него входили представители министерств просвещения, внутренних дел, финансов и святейшего Синода, говорилось, что начальное образование — это забота городских и сельских обществ, а не правительства. Из этого следовало, что правительство в значительной мере устранялось от участия в развитии народной

школы, отказывалось ее финансировать, отдавая ее почти целиком под опеку земства и местных обществ, сохранив за собой лишь полицейский и религиозный контроль.

Земство и крестьянство выкраивали кое-какие средства на строительство школ, на жалованье учителям, на приобретение книг, наглядных пособий. И сила общественной инициативы оказалась столь значительной, что и впрямь наступила «весна» народной школы. В 1870 году Ушинский отмечал: «Народная школа… начинается у нас, и начинается самым естественным образом из прямых своих источников: из понимания народом необходимости образования…»

Однако вскоре правительство меняет отношение к народной школе. В декабре 1873 года Александр II, опасаясь, что народная школа при недостатке «попечительного наблюдения» может быть обращена «в орудие нравственного растления народа», то есть станет рассадником революционных идей, призвал дворянство помочь «правительству бдительным наблюдением на месте к ограждению оной от тлетворных и пагубных влияний». Существующая практика управления народными училищами признавалась «несоответствующей».

Симбирское дворянство направило царю адрес, в котором горячо благодарило за доверие. Оно обещало укрепить в народных школах начала христианской веры и «чувства гражданского долга». Дворяне заверили царя, что школы станут «самым лучшим оплотом против тлетворных И пагубных влияний».

Летом 1874 года вышло новое «Положение о начальных народных училищах». Выборных председателей уездных и губернских училищных советов теперь повсюду заменяли предводители дворянства. Именно на них, на дворян, на чиновников министерства народного просвещения, на духовенство правительство возлагало «заботу» о народной школе.

Если десять лет назад уездные училищные советы получили право наблюдать за преподаванием, рассматривать и утверждать программы, нанимать учителей, открывать новые школы, то теперь об этом не было и речи. Председателей советов теперь не выбирали, а назначали, их заместителями становились чиновники министерства народного просвещения. Право делать распоряжения по учебной части имели отныне лишь они, то есть инспектора училищ, а «общее наблюдение за ходом и направлением первоначального обучения в губернии» поручалось губернатору. За земством и училищными советами оставались лишь вопросы хозяйственные и административные.

После царского рескрипта стал меняться состав многих

уездных училищных советов. В Симбирском уезде преданный делу председатель Языков уступил свое место предводителю дворянства, считавшему школы игрушкой, в которую пора уже перестать играть. Один из лучших попечителей, Знаменский, отказался от двусмысленной роли, предоставленной новым «Положением» тем, кого приглашали лишь для механического голосования.

В училищных советах начался разлад. Одни смотрели на школьное дело как на пустяки, которыми можно заниматься между прочим. Другие не могли примириться с официальным равнодушием к школьным делам. Движение передовой интеллигенции за народное образование нельзя было сразу остановить никакими распоряжениями, столь велика была сила этого движения.

Летом 1874 года последовало распоряжение, запрещавшее, по сути дела, учительские съезды. Однако, несмотря на сложную обстановку, Илье Николаевичу все же удалось провести съезд народных учителей Симбирского и Сенгилеевского уездов.

Этот съезд отличался от предыдущих существенной особенностью: под руководством Ульянова наиболее подготовленные учителя заранее написали обстоятельные рефераты по важнейшим проблемам жизни народной школы. С ними они и выступили на съезде.

Некоторые из этих рефератов Илья Николаевич отредактировал и опубликовал в книге, освещавшей работу съезда. Очень интересным и содержательным был, например, реферат молодого учителя П. П. Малеева «О ведении объяснительного чтения», во многом отражавший взгляды на задачи народной школы и самого Ильи Николаевича. Суть их сводилась к следующему: дать учащимся «нравственное побуждение к борьбе с невыгодными жизненными условиями и дать умение, чтобы это побуждение не оставалось одним невыполненным порывом, прибавляющим ко всей жизненной грязи еще сознание невозможности перемены к лучшему. Другими словами: на школу возлагается обязанность по возможности развить все духовные стороны ученика, чтоб приготовить человека сильного духом и научить его известным знаниям, чтоб приготовить человека сильного умом».

Почти все учителя целиком разделяли эту точку зрения. Горячие споры велись о путях и способах воплощения в жизнь учебных и воспитательных задач народной школы.

Этот съезд наглядно показал, каких учителей сумел воспитать инспектор народных училищ за пять лет. Но «… министерство народного просвещения стало косо поглядывать на

эти съезды, живой общественный характер их был правительству не по душе и „вследствие ограничительных распоряжений с его стороны дело это стало падать“. Оно было отнято у земства, и даже инспектора народных училищ были устранены от непосредственного руководства съездами. Живая душа была вынута из этого дела, оно было оказенено и потеряло свое прежнее назначение. Так преследовалось в те времена всякое живое общественное дело, хотя бы в нем не было ничего антиправительственного». Это свидетельство Марин Ильиничны Ульяновой.

Правительство все более и более ограничивало деятельность земства в сфере народного образования, усиливало здесь свое влияние. Чтобы окончательно подчинить школу правительству, взамен института инспекторов был введен новый — дирекции народных училищ губернии.

В Симбирске дирекцию возглавил Илья Николаевич. Ему предстояло подобрать себе помощников — знающих, любящих дело людей. Илья Николаевич понимал, что в новых условиях далеко не безразлично, кто будет осуществлять официальное руководство школой, человек с какими взглядами, с каким мировоззрением. Официальный представитель министерства народного просвещения мог вершить и добро и зло. И тут уж многое определялось не должностью, а характером личности.

Именно поэтому он попросил попечителя учебного округа назначить одним из инспекторов своего бывшего товарища по физико-математическому факультету университета Владимира Михайловича Стржалковского, который около двадцати лет преподавал в уездных училищах Нижегородской и Казанской губерний. Илья Николаевич полагал, что досконально знающий свое дело, трудолюбивый и даже несколько педантичный Стржалковский смог бы на новом месте с большой пользой применить свой богатый педагогический опыт. Округ с этим предложением согласился.

Владимир Михайлович стал для Ильи Николаевича первым советником и помощником. Не было мелочи, в которую не вникал бы Стржалковский; не проходило дня, чтобы он не побывал в той или иной школе. Немногословный и мешковатый с виду, Владимир Михайлович буквально жил школой, забывая подчас про семью и свои житейские заботы. Илья Николаевич верил ему как самому себе.

В должности уездного инспектора появился и Василий Григорьевич Зимницкий. Его Илья Николаевич тоже знал еще по Пензе.

С приездом инспекторов нужно было распределить школы

губернии по зонам. Под свою личную опеку Илья Николаевич взял школы губернского центра и, кроме того, решил ежегодно осматривать по 40–50 школ в уездах. Расчет был такой: за шесть-семь лет лично осмотреть все школы губернии, проанализировать их работу, сравнить методы преподавания и выработать определенные рекомендации применительно к конкретным обстоятельствам.

Оба инспектора взялись за дело горячо и почти весь учебный год знакомились со школами. Отчеты, которые они представили, свидетельствовали об их добросовестной работе. Директор вздохнул свободнее: в школах теперь чаще будут появляться опытные специалисты, лучше станет надзор и помощь.

Илья Николаевич, и раньше прекрасно осознававши двойственность своего положения в роли правительственного чиновника, теперь еще отчетливее видел это. Ноша его была нелегкой. С одной стороны, он нес ответственность за претворение в жизнь всех официальных установок, указаний и распоряжений, иной раз мешающих просвещению. И в то же время именно от него во многом зависело, как будет складываться практически народное образование, какой дух оно обретет, чему и как в конкретных классах будут учить детей те пли иные учителя, Можно открыть десяток новых школ за год, но можно удовлетвориться и существующими: никто за это не спросит. Можно хлопотать о повышении жалованья учителям, но можно и палец о палец ради этого не ударить. Можно доказывать крестьянам необходимость постройки нового школьного здания, но можно обойтись и крестьянской избой, снятой под класс… От того, какую линию поведения она изберет, сколько старания приложит, как сумеет обойти всякого рода запретительные распоряжения, каких учителей подберет, зависело: расти, развиваться, крепнуть народной школе или перебиваться кое-как, влачить жалкое существование.

Илья Николаевич был настоящим просветнтелем-шестидесятником. Самой сильной, определяющей чертой его натуры было чувство нравственного долга перед народом. Он страстно желал одного — сделать все возможное, чтобы дети крестьян, дети городской бедноты могли учиться: народ выстрадал, заслужил право на просвещение.

Несмотря на удручающие перемены, он был настроен оптимистично. Он верил, что и в более трудных условиях можно будет развивать народную школу. Во всяком случае, симбирская дирекция, как и раньше, делала для этого все.

Надзор за народными учителями усиливался. Штатных и добровольных «охранителей порядка» интересовало все: круг

знакомств учителей, их беседы с крестьянами, причины, по которым они отлучались из села, и, конечно, распространяемые ими книги. Большая часть доносов о «политической неблагонадежности» учителей не подтверждалась. Но несколько преподавателей начальных школ действительно были замечены в чтении запрещенной литературы, а двоих даже арестовали за попытки революционной пропаганды.

Работать становилось все труднее. В 1874 году министерство просвещения разрешило, хотя и с оговорками, организовать краткосрочные педагогические курсы для учителей начальных народных училищ. Илья Николаевич сразу же воспользовался этой возможностью и составил подробный «Проект правил» для таких курсов при Порецкой учительской семинарии, отправил его в Петербург, но никакого ответа не получил.

И вот в такой обстановке в сентябрьском номере «Отечественных записок» появляется статья Льва Толстого «О народном образовании». Она была с большим вниманием прочитана русским учительством и вызвала весьма противоречивую реакцию общественности.

Великий писатель затрагивал обширный круг проблем. Он подвергал резкой критике и общее состояние школьного дела, и педагогику как науку. Последнюю он обвинял в оторванности от нужд реальной школы, в схоластичности и шаблонности теоретических воззрений. Отвлеченные постулаты, а не живой опыт обучения составляют суть педагогической науки, и потому она должна быть отвергнута, полагал Лев Николаевич. Науку об обучении и воспитании надо освободить от политики и идеологии; она должна основываться лишь на конкретном опыте живого школьного дела.

Два главных недостатка школьного дела в России видел Л. Толстой: мизерное количество школ и их неправильное устройство, имея в виду муштру, зубрежку, палочную дисциплину. Он обвинял школу в том, что она мешает проявиться природным способностям детей, их естественным дарованиям.

В статье резко критиковалось увлечение так называемой «немецкой» системой обучения и воспитания, с характерной для нее мелочной регламентацией и начетничеством; были суждения о необходимости гуманного отношения к учащимся, призыв к развитию творческих начал в ребенке, к сближению обучения с потребностями крестьян. Писатель говорил о необходимости регулярно проводить учительские съезды, в которых он видел своеобразную школу для учителей; он призывал создавать увлекательные и доступные учебники и книги для чтения.

Все эти суждения были близки Илье Николаевичу. Но что

провозглашает великий писатель дальше?! Призывает создавать начальные школы даже в курных избах и церковных сторожках; в роли преподавателей он видит дьячков и других местных «грамотеев»! Да еще советует земству: «Церковнослужители суть самые дешевые учителя, так как имеют оседлость и большею частью могут учить в своем доме с помощью жены, дочерей — и они-то, как нарочно, все обойдены, как будто они самые вредные люди». Толстой утверждает, что всякие «естественные истории, географии и истории (кроме священной), всякое наглядное обучение народ везде и всегда считает бесполезными пустяками». Поэтому вполне достаточно, если в начальной школе дети ограничатся усвоением русской славянской грамоты и элементарного счета. И эту куцую школьную программу, из которой исключены какие-либо сведения из природоведения, истории и географии, Лев Николаевич считает образцовой!

Выходит, в статье отрицалось многое из того, что так настойчиво и горячо утверждал Илья Николаевич на практике в течение многих лет. Было отчего расстраиваться и огорчаться. Дело не только в том, что заблуждается великий человек — ведь какое оружие он вложил, сам того не желая, в руки невежд, тупых чиновников, противников развития народной школы! Сколько будет вылито грязи на лучших педагогов России, на энтузиастов просвещения, как тяжело будет народным учителям!

Статья взбудоражила Россию. Ее ошибочные положения тут же были подхвачены реакцией. В те дни один из известных русских педагогов Н. Ф. Бунаков, тот самый, лекции которого Илья Николаевич слушал в Москве, на Политехнической выставке, писал: «Как орла, говорят, всегда сопровождает разная пернатая сволочь, — так и следом за статьей гениального Толстого последовали бранные статьишки разных мелких писак вроде фельетониста Буренина, глумившихся над русской земской народной школой, над новым, якобы немецким обучением, над звуковым способом, наглядными беседами, арифметическим ящиком и т. п.».

В тяжелом положении оказались последователи К. Д. Ушинского, сторонники развития современных школ для народа. Илья Николаевич понимал, что Л. Толстой, публикуя свою статью, не мог предвидеть, какую волну разнузданной клеветы и мракобесия она вызовет. И раньше многие самодуры разных мастей желали упразднения народного образования как занятия не столько полезного, сколько опасного для государства. Теперь, после царского «Положения о начальных народных училищах», противостоять им стало труднее. А тут еще статья Л. Толстого. Уверенность в том, что начальную школу можно

будет развивать и дальше, у многих была основательно поколеблена.

Но Илья Николаевич остался верен своим взглядам. Работал много и сосредоточенно. По-прежнему был убежден, что не в темных и сырых крестьянских избушках, а в светлых и просторных школах, у знающих свое дело учителей должны учиться дети бедняков. И соответственно вел свое дело: просил средства на обучение крестьянских ребят, хлопотал об открытии новых «инородческих» училищ, закупал книги для школьных библиотек, подбирал толковых учителей, строил новые училища. Была в его действиях та глубокая убежденность, которая не подвержена ни моде, ни конъюнктуре, ни соображениям личного успеха. Взгляды и педагогические принципы у него были неизменны: надо во что бы то ни стало просвещать народ.

«Обучение чтению, — говорилось в очередном отчете о состоянии начальных народных училищ за 1874 год, — преимущественно идет по звуковому способу. Деятельные преподаватели научают детей всем звукам и слиянию их в слова в три, два и даже один месяц. Затем ученики приступают к книге… Само собой разумеется, что чтение на первых порах бывает не быстрое, но важно то, что дети с самого начала приучаются к осмысленному чтению».

Илья Николаевич отмечает далее увеличение в школах учителей, окончивших педагогические курсы, пишет о повышении им жалованья, о постройке 15 новых удобных школьных зданий и — как это ни странно — о том, что все больше и больше людей сочувствуют народному образованию «даже и в крестьянском сословии». Он считает, что «дело народного образования значительно продвигается в Симбирской губернии во всех отношениях, то есть как в учебно-воспитательном отношении, так и в материальном».

Конечно, этим продвижением оно было обязано прежде всего ему самому. Но во многих уездах были люди, заинтересованные в развитии образования, понимающие всю важность его для России. Именно они становились помощниками и сторонниками Ульянова. И личное обаяние симбирского инспектора, его трудолюбие и энтузиазм способствовала появлению у него все новых сторонников.

Поездка в Ново-Никулино

Летом 1875 года Ульяновых пригласил отдыхать к себе Валериан Никанорович Назарьев.

Жил он на хуторе возле села Ново-Никулина на берегу небольшой речушки. Рядом с домом рос большой фруктовый сад, склонялись над прудом тенистые ветлы.

Илья Николаевич бывал здесь не раз. Его интересовала школа, построенная на средства Назарьева. Она была двухэтажная, на 60 учеников. В классах стояла удобная мебель, имелось много наглядных пособий. Училище было образцовым, оно не уступало даже прославленным школам барона Корфа в Екатеринославской губернии.

Назарьев помогал Ульянову, поддерживал его с первых дней работы в Симбирске. Он искренне радовался появлению в губернии такого человека, изумлялся старательности и деловитости инспектора народных училищ, приметил его глубокую интеллигентность и бескорыстие, был очарован обаянием и добротой. И Назарьев пришелся по душе Илье Николаевичу своим неподдельным интересом к школьным делам. В нем не было того чванства и зазнайства, которые столь часто встречались в представителях дворянства.

Назарьев не чурался общественной деятельности: состоял членом Симбирского уездного училищного совета, был мировым судьей и гласным Симбирского земства. К его слову прислушивались. Его увлеченность народной школой была искренней. Он верил, что крестьянин, получивший хотя бы начальное образование, сможет более разумно хозяйствовать на земле, приобретет благоразумные привычки в быту.

Встретили Ульяновых в деревне радушно. В имении была неплохая библиотека. Александр и Анна сразу взялись за книги; пятилетний Владимир и четырехлетняя Ольга пропадали в саду, каждый день ожидали их новые открытия, свойственные их возрасту. Аня несколько скучала по родному Кокушкину, где жилось вольготно и весело, куда съезжались двоюродные братишки и сестренки. Там, конечно, было жить приятнее: все-таки у себя дома, а здесь, что ни говори, в гостях. Все чинно, заведен строгий порядок: на обед опаздывать не положено, входить в комнату надо обязательно через дверь, а не лазить в окно, как водилось в Кокушкине…

Валериан Никанорович писал для «Вестника Европы» очерки о сельской школе, в которых излагал свои взгляды, рассказывал о развитии народного образования в губернии за последние годы,

начиная с дореформенных лет.

В этих очерках Илья Николаевич узнавал и конкретные школы, и свои впечатления, которыми он зачастую делился с автором. Чувствовалось, что очерки написаны зорким и внимательным человеком.

…Дореформенное время. Только в некоторых помещичьих семействах «барыня» или ее дочери учили своих любимых дворовых — с тем, например, чтобы подготовить из крепостного преданного конторщика. В удельных селениях, являвшихся собственностью царской фамилии, школы готовили писарей, счетчиков и таксаторов. Порядки и уклад в этих школах были бесчеловечными. Учеников секли и за невыученный урок, и просто по прихоти пьяного учителя, и чтобы заставить родителей подносить учителю более дорогие подарки. Старшие, обычно великовозрастные ученики, издевались над младшими.

А что изменилось после упразднения крепостного права? «Образованное общество» умилялось, фразерствовало. Илья Николаевич знал: Назарьев одним из первых перешел от слов к делу. Открыл школу в селе и даже сам в ней учил. Однако это поначалу возбудило только недоумение и недоброжелательность соседей-помещиков.

И вот наступили иные времена. Назарьев избирается членом Симбирского уездного училищного совета — органа, который осуществлял общее руководство народным образованием в уезде. Он много ездил по селам. От крепостного права осталось незавидное наследство. Назарьев писал в своих очерках о принудительной вербовке учеников, об изъеденных мышами учебниках, о протекающих крышах, о бездеятельности членов училищных советов и «липовых» отчетах в успехах. Он рисовал картины живые, взятые с натуры.

…Большое село. Белая каменная церковь и новенький дом священника. Хозяин, еще молодой и не утративший семинарского вида, ухмыляясь, пригласил гостя в церковную сторожку, где помещалась школа. В покрытой густым слоем копоти и сажи комнате, около крошечного обледеневшего окна сгрудилась молчаливая группа учеников. В углу восседал сурового вида сторож с начатым лаптем в руках. На запыленной полочке, составлявшей «единственное украшение» школы, валялись черствый ломоть хлеба и две-три изорванные книжонки.

Еще одно селение. Тесная комнатка с группкой ребят и учителем — выпускником духовной семинарии. На школу он смотрел как на временное занятие до получения прихода, ничего не делал, да и не знал, как взяться за преподавание.

Впрочем, были и приятные неожиданности. Встретился

однажды молодой поп, хорошо знавший новейшие методы обучения и безвозмездно учивший ребят в темной и холодной церковной сторожке.

В одном из очерков публицист рассказывал о земских деятелях Симбирской губернии — своих ноздревых, заглушающих криком всякие возражения; собакевичах — относящихся к делу с «ожесточенным недоброжелательством»; маниловых — безвредных, но и бесполезных людей; Плюшкиных — приходящих в бешенство при одном намеке об увеличении сборов на школьное дело хотя бы на копейку. Были среди земцев и такие, которые охотно брались за всякую должность, но тотчас же забывали об этом, не упуская случая поглумиться над энтузиастами. Крестьяне же в роли земских гласных конфузились незнанием дела, в полудреме выслушивали доклады и голосовали по условленному знаку какого-нибудь запевалы.

Илью Николаевича очень интересовала точка зрения «со стороны». Ощутимы ли те усилия, которые вот уже пять лет прилагает симбирская инспекция народных училищ? Видна ли практическая польза стараний?

Оказывается, да. Вот побывал автор очерков в одной из чувашских школ. Занятия ведет здесь выпускник педагогических курсов. «Мальчики и девочки на испытании хорошо читали, считали, писали под диктовку». Впечатление самое отрадное.

Все чаще можно встретить, писал публицист, и умелого преподавателя, и знающих учеников. Уже во многих школах трудились теперь, в 1875 году, ульяновские воспитанники, выпускники учительских курсов и Порецкой семинарии.

Искреннее сочувствие автора к работникам просвещения, его широкий, здравый взгляд на проблему, его страстность — все это чувствовалось в очерках. Читая их, Илья Николаевич вспоминал недавние события, людей. Высвеченные пером талантливого публициста, повседневные хлопоты и самому Илье Николаевичу казались весомее, значительнее.

Валериан Никанорович хотел закончить очерки размышлениями о судьбах народной школы. Отчего она так медленно встает на ноги? Что ей мешает более всего? Какие возможности еще не использованы для расширения народного образования? Смогут ли сельские выпускники поступать в гимназии? Он писал с горечью: «Наша школа страдает более всего от того, что подвержена всяким случайностям, я бы сказал — капризам моды. Что ни год, то и проявление самых разнообразных воззрений и направлений. Сначала хотели передать все народные школы святейшему Синоду с тем, чтобы господство над умственными силами народа исключительно

предоставлено было священникам, всячески уклонявшимся от преподавания в школах и в большинстве случаев смотревших на свое законоучительское жалованье как на добавление к получаемому окладу. Затем передали школы министерству просвещения — и тут запахло казенным сургучом, посыпались отношения, предписания, циркуляры, рапорты. Того не смей, этого нельзя. Преподаватель чуть ли не по рукам связан, его самобытность уничтожена, движение мысли но приветствуется».

Илья Николаевич во многом соглашался с рассуждениями Назарьева. Да, о народной школе нет единого мнения, царит хаос разнообразных суждений и мнений. И лучшие люди мечтают о том, когда наконец народному образованию будет оказана существенная и искренняя поддержка.

…Очерки появились в мартовском и майском номерах «Вестника Европы» за 1876 год. В них встречались недомолвки, обусловленные боязнью цензурных преследований, неточности в освещении тех или иных сторон школьного дела. И все-таки это было честное и страстное слово в защиту сельской школы, многое объяснявшее, правдиво повествующее о ее бедах и успехах.

Назарьев писал и об Илье Николаевиче:

«Единственным двигателем земства, единственным просветителем одной из богатейших приволжских губерний являлся инспектор народных училищ. Это был один из неизвестных тружеников, никогда не идущих далее скромного места и ничтожного, едва хватающего на пропитание, жалованья.

В одно и то же время инспектор был просветителем края, строителем училищ, архитектором; вечным просителем, назойливо, но в большинстве случаев тщетно вымаливавшим у земства лишний грош на школы; руководителем основанных земством при городском приходском (уездном. — *Авт.)* училище курсов; добрым гением учителей и учительниц, не раз спасавшим их от крайней нужды и безвыходного положения, но чаще всего поставленным в полнейшую невозможность оказать какую-либо помощь своим бедствующим и зачастую голодавшим подчиненным, и в то же время только что не почтальоном, так как на долю его выпадала обязанность вечно скакать на перекладных по нашим проселкам, замерзать во время зимних морозов и метелей, утопать в весенних зажорах, голодать и угорать на так называемых въезжих и т. п. Он… при всей окружавшей его неурядице, при всем физическом и моральном утомлении, умудрился не только сохранить врученный ему светильник — не дать ему окончательно потухнуть, но даже при самых ничтожных средствах подготовить и сформировать первых учителей и учительниц народных школ, более или менее удовлетворявших

современным требованиям…

Бывало, сидишь в теплой, покойной комнате, прислушиваясь к нестерпимому завыванию метели, гулявшей по степному раздолью, ставни скрипят, а стекла мечет крупными хлопьями снег. В комнате стемнело, читать нельзя… Но вот под самым окном прозвенел колокольчик, я уже в прихожей, рад гостю, а предо мною, весь занесенный снегом, с обледеневшими бакенами и посиневшим от холода лицом, стоит инспектор. Начинаются заботы о том, чтобы скорее обогреть путника, но тот, как ни в чем не бывало, быстро ходит по комнате, расправляя свои окоченевшие члены, а сам уже заводит разговор о школьном деле, о своих наблюдениях, надеждах и продолжает свой рассказ во время чая, обеда, вечера. Казалось, ничто не могло волновать и омрачать этого человека, он не замечал ни своего одиночества среди общего такого равнодушия, ни своего крайнего бессилия, ясно бросавшегося в глаза каждому постороннему наблюдателю. Он никогда не роптал, не озлоблялся и не впадал в уныние, а такую выносливость и силу может дать только одна безграничная, доходящая до самозабвения преданность делу».

После выхода номеров журнала Назарьев сброшюровал семь очерков-глав и подарил Ульянову с такой надписью: «Многоуважаемому И. Н. Ульянову, в память общих трудов, забот, горестей и радостей по устройству сельских школ Симбирского уезда. *В. Назарьев.*

1876, октябрь 24. С. Ново-Никулино».

Эта книжечка стала семейной реликвией Ульяновых. Ныне она хранится в библиотеке кремлевской квартиры-музея В. И. Ленина в Москве.

Планы и надежды

Государственные средства на народное образование отпускались мизерные. А между тем все большее число людей понимало, что пора приступать к массовому просвещению народа. Где же брать деньги на это?

В свое время Н. Г. Чернышевский, выступая за всеобщее бесплатное обучение, называл источник финансирования: обложение населения подоходным налогом на нужды народной школы.

Земства некоторых губерний тоже поднимали этот вопрос. В 1867 году правительство пообещало, что оно займется этой проблемой. Пока власть «думала», передовая общественность использовала каждую возможность для обсуждения и популяризации идеи. На съезде «Общества сельских хозяев» в 1870 году Д. И. Менделеев доказывал, что массовое начальное образование поможет России стать промышленной державой. Знаменитый химик, как и Чернышевский, предлагал учредить специальный наляг для этой цели, который бы платили представители «высших или более образованных классов…».

Мысль, как говорится, носилась в воздухе. Но только 4 сентября 1876 года министр народного просвещения Д. А. Толстой специальным циркуляром предписал директорам народных училищ губерний высказать свое суждение о введении обязательного начального обучения. Предстояло ответить на 34 вопроса. Поступил этот вопросник и в Симбирскую дирекцию народных училищ. Следовало показать картину начального образования в Симбирской губернии, высказать свои соображения о путях его развития.

Директор училищ не стал скрывать истинного положения дел, приукрашивать действительность. Написал, что в губернии лишь 29 из ста мальчиков умеют читать и писать, а среди девочек положение и того хуже: лишь трое из ста знакомы с основами грамотности. Пояснил: «Числа эти выведены не теоретически, а получены в 1876 году из каждой населенной местности». Картина была безотрадной, хотя и не более мрачной, чем в соседних поволжских губерниях.

Министра интересовало, насколько можно увеличить число учащихся в уже существующих классах. Ответ был прямым и честным: «…рассчитывая по два квадратных аршина на каждого ученика, более числа учащихся нельзя поместить». Илья Николаевич охарактеризовал сельские школы: в каждой третьей требовались значительные исправления и приспособления; сорок

две находились в наемных крестьянских избах, а восемьдесят все еще помещались в церковных караулках.

На вопрос, можно ли организовать двухсменное обучение, Ульянов ответил, что в Сызранском уезде оно практикуется, но в этом случае приходится иметь помощников учителей, а средств не хватает. Кроме того, в течение двух месяцев — с 20 ноября по 20 января — короткий зимний день не позволяет заниматься в две смены.

Для Ильи Николаевича принципиально важным был вопрос о минимуме знаний, получаемых ребенком за годы учения. Его коллеги — директора народных училищ Самарской и Казанской губерний — полагали, что в основе начального обучения должно быть лишь обучение закону божию, чтению, письму и арифметике. А он считал, что надо знакомить учеников с главными событиями отечественной истории, с географией России; девочек следует обучать рукоделию.

Запрос министерства позволил высказаться еще по одной, давно тревожившей его проблеме. Речь шла об использовании детского труда на фабриках и промыслах. Да, многие дети лишены возможности учиться. Единственный из директоров народных училищ России, он привел конкретные данные о применении детского труда на 15 суконных фабриках Симбирской губернии. Илья Николаевич писал: во многих селах дети работают на фабриках начиная с семи лет круглый год, получая за это от рубля до трех в месяц. Эти примеры были, по существу, обвинительным актом предпринимателям. Он заявил, что необходимо обязать владельцев фабрик иметь для работающих детей школы и содержать их за свой счет.

Как разъяснить народу пользу обязательного обучения? — интересовался министр. Кое-кто полагал, что такую пропаганду следует возложить на духовенство. Иные считали, что достаточно одного царского слова, и свершится то, «что его воля желает». Илья Николаевич полагал, что нет нужды доказывать необходимость и пользу обязательного обучения. Он подчеркнул, что в «настоящее время в Симбирской губернии большая часть крестьянских обществ сознает необходимость грамотности». И добавил: «Так как в Симбирской губернии главный источник содержания на школы заключается в сборе с сельских обществ… то при более значительных пособиях со стороны правительства и земства не встретится препятствий обязательному обучению».

Это было очень существенное замечание — о потребности увеличить правительственные средства на народное образование. Кто-кто, а он-то знал, как тяжело дается крестьянину каждый рубль и как медленно будут расти школы в деревнях России, если

уповать только на крестьянские гроши. Необходимость увеличения государственных затрат была ему очевидна.

Не все думали так. Директор народных училищ Самарской губернии предлагал следующее решение проблемы: в устав о воинской повинности ввести «дополнение, что неграмотные, при каких бы то ни было условиях, не могут пользоваться никакими льготами при исполнении воинской повинности и должны, кроме того, нести на себе исполнение этой повинности взамен тех грамотных, на которых пал очередной жребий (идти в рекруты. — *Авт.)…».* И тогда, мол, крестьянские общества тут же начнут создавать школы, причем «без обременения казны». Без лишних хлопот правительства открылись бы и новые учительские семинарии. Не придется создавать комитеты грамотности, ибо воинские присутствия сами сумеют проверять новобранцев: «… неграмотные, поступившие в военную службу, по истечении незначительного времени делались бы грамотными, поучившись в школах, заведенных при полках». Самарский «просветитель» забывал об одной существенной детали: неграмотных хватало отнюдь не потому, что народ ленился учиться или не понимал необходимости образования. Ведь сплошь и рядом учиться было и негде, и не на что. Да и учить-то подчас было некому.

Илья Николаевич был уверен, что постепенное, по крайней мере в течение четырех пятилетий, введение обязательного обучения возможно только в том случае, если будут увеличены затраты правительства и земства на сельские училища. Он предлагал реальные шаги: централизовать сбор от сельских обществ, все суммы сосредоточить в уездных училищных советах; расходы земства на просвещение сделать из необязательных обязательными. Он мечтал о создании таких начальных училищ, выпускники которых могли бы идти в гимназии, а после и в университеты. Таким образом, полагал он, это способствовало бы росту интеллигенции из низов.

Успех дела Ульянов связывал с улучшением оплаты труда народных учителей: через каждые пять лет надо им прибавлять жалованье — «подобно тому, как это существует для межевых и лесных нижних чинов»; назначить пенсию за 25-летнюю службу. Все эти меры, уверен он, обязательно помогут сдвинуть всеобщее начальное образование с мертвой точки.

Илья Николаевич в отличие от тех, кто надеялся лишь на местные возможности и средства, на самодеятельность уездов и земств, на то, что вопрос как-нибудь со временем сам решится, смотрел в корень, видел реальные возможности, предлагал осуществимые планы. Он был убежден, что нет неодолимых препятствий для того, чтобы уже в ближайшие годы миллионы

детей смогли прийти в школы, сесть за парты, познакомиться хотя бы с основами грамотности.

К сожалению, его надеждам не суждено было сбыться в силу многих условий того времени. К тому же вскоре произошли события, резко изменившие привычную жизнь: в 1877 году началась русско-турецкая война.

Она ежедневно напоминала о себе в Симбирске. На Покровскую улицу, недалеко от дома, где жили Ульяновы, в двухэтажное каменное здание губернской земской управы шли с заявлениями о помощи женщины, оставшиеся без кормильцев. В расположенный неподалеку приемный пункт горожане несли для отправки в армию белье, бинты, мыло, табак, свечи, холст, иконки. Многие участвовали в сборе средств для Общества Красного Креста, помогали родственникам мобилизованных солдат. Доктор Иван Сидорович Покровский, например, бесплатно консультировал раненых.

Илья Николаевич возглавил сбор пожертвований среди учителей и учащихся. В иные дни сразу несколько десятков школ вносили деньги в фонд Красного Креста, отправляли подарки солдатам.

Война оказалась тяжелой. Жить стало труднее. Появились новые налоги, выросли цены на продукты. Как на беду, следовали один за другим неурожаи. В Симбирском уезде более двух тысяч человек, в основном семьи мобилизованных солдат, оказались на грани нищеты. Крестьяне ели хлеб с мякиной, целые семьи уходили просить милостыню. И в то же время находились дельцы, наживавшие состояние на поставках армии.

Военное положение сказалось и на народном образовании. Учащихся стало меньше, пять школ в губернии было закрыто.

Накануне нового, 1878 года стало известно, что русские войска вступили в Софию при общем ликовании болгар.

Радостно и торжественно отмечали симбиряне подписание условий о перемирии с представителями Османской империи. Наконец был заключен мир в Сан-Стефано.

Стали возвращаться фронтовики. 19 июля прибыл пароходом первый эшелон расквартированного в Симбирске пехотного полка. Ульяновы радовались, что славяне с помощью русских войск сбросили наконец-то чужеземное иго; гордились тем, что Илья Николаевич участвовал во всенародном движении в поддержку славянских братьев, помогал семьям фронтовиков и был награжден почетным знаком Красного Креста.

…В страну вернулся мир. Снова можно было сосредоточиться на народной школе.

Илья Николаевич не ограничивал свою деятельность только вопросами педагогического процесса. Он понимал обязанности инспекции, а затем дирекции народных училищ значительно шире. Предметом его постоянных забот были школьные библиотеки и книжные склады, литературные вечера, концерты, спектакли, которые готовились в начальных училищах.

В первые же годы инспекторства были обследованы фонды школьных библиотек. Проверка дала весьма неутешительные результаты: на первый взгляд книг было достаточно, но большая их часть оказалась неинтересной для детей. Да и далеко не все учителя осознавали важность библиотечной работы, умели вести каталоги, знали технику выдачи книг. На все это обратил их внимание инспектор. В его ежегодных отчетах всегда большое место было отведено состоянию училищных библиотек, о них шла речь на съездах учителей.

К школьным библиотекам, книжным складам Ульянов старался — и небезуспешно — привлечь внимание земств. С помощью инспектора был открыт склад книг и учебных пособий при Алатырской уездной земской управе. Затем такие склады открылись еще в нескольких уездах. Через склады можно было своевременно и без лишних затрат снабжать училища необходимыми книгами.

Илья Николаевич считал, что библиотеками при училищах должны пользоваться и взрослые. Ведь училище — единственный, как бы мы сказали сейчас, очаг культуры, очаг просвещения в деревне или в небольшом уездном городе. Значит, его библиотека должна быть доступна всем. Исходя из этого, он и рекомендовал книги в школьные библиотеки. Это русская и зарубежная классика, книги научно-популярные, по сельскому хозяйству, естествознанию, гигиене.

К концу 70-х годов при содействии Ульянова уже было открыто около 400 школьных библиотек.

Чтобы ознакомить будущих учителей с библиотечной работой, при Симбирских педагогических курсах Илья Николаевич создал «Педагогическую библиотеку». Он составил список книг и учебных пособий для нее. Там были книги по истории педагогики, работы Ушинского, Корфа, Водовозова, Семенова, разного рода справочники. Для библиотеки выписывались лучшие научные, педагогические, детские журналы.

Очень важно было с работой учителей, умело распространяющих книги среди крестьян, ознакомить широкие слои населения. И Илья Николаевич использовал для этого местные газеты. Он помог учителю Калашникову подготовить

статью для «Симбирской земской газеты» «О препятствиях и средствах школьного влияния на народ», в которой учитель на основании личного опыта рассказывал, как привлечь крестьян в библиотеку, как помочь им выписывать книги из магазинов и книжных складов, как организовать воскресные и праздничные чтения.

Для того чтобы крестьяне имели возможность приобретать книги, Илья Николаевич рекомендует создавать при библиотеках школ и училищ запасные книжные склады. Постоянно в поле зрения Ульянова были и публичные библиотеки и читальни, принадлежавшие земству, городским и сельским обществам. При его содействии начала работать бесплатная библиотека в Курмыше, его советами пользовалась сызранская библиотека, открытая в 1878 году по инициативе местной интеллигенции.

Гражданскими настроениями, идеями революционных демократов и передовых русских педагогов была пронизана вся деятельность Ильи Николаевича Ульянова. И далеко не всегда эта деятельность встречала одобрение губернского и ведомственного начальства. Порой она вызывала и явное неудовольствие. Попечитель Казанского учебного округа и симбирский губернатор требовали более внимательно просматривать списки книг для библиотек. Министерство сочло необходимым заменить рекомендуемую Ульяновым книгу Корфа «Наш друг» «какою-либо другою, более полезной и занятной для детей».

Годами приходилось биться над решением некоторых проблем. По-прежнему не двигалось дело с пенсионным обеспечением учителей, их бесплатным лечением. Как и раньше, школа не давала права поступления в гимназию.

Впрочем, правительство разрешило преобразовать некоторые уездные училища в так называемые городские, выпускники которых могли идти в гимназии. Однако денег выделялось мало, городские общества с трудом содержали за свой счет даже обычные начальные школы. Где уж тут создавать более совершенные — значит, и более дорогостоящие! Подчас вроде бы можно было все-таки изыскать деньги, но другая беда: наиболее влиятельные гласные из купцов и дворян, чьи дети имели возможность учиться в гимназиях, выступали против.А иные и просто боялись роста «умственного пролетариата».

Летом 1878 года удалось-таки в Симбирской губернии преобразовать Курмышское уездное училище в двухклассное городское, выпускник которого отныне мог стать гимназистом.

Торжественно открывали новое учебное заведение 7 августа. Илья Николаевич выступил с большой речью. Он сообщил, что вновь открывающееся училище будет давать «больше реальных

знаний, а именно: геометрия будет проходиться применительно к жизни, дети будут ознакомлены с природою и ее явлениями; исторические и географические сведения будут сообщены ученикам обширнее, полнее и основательнее… Сверх упомянутых предметов, — говорил он, — по желанию городского общества и на его счет, ученики могут быть в неклассное время обучаемы ремеслам, а для взрослых можно устраивать воскресные и вечерние курсы, в которых преподают учителя этих училищ за особое вознаграждение». Оратор с удовлетворением отметил, что ученики, успешно завершившие курс первых четырех лет (окончившие первый класс. — *Авт.)* городского училища, могут поступать без экзаменов в первый класс гимназий и реальных училищ. Без экзаменов! Это означало — детям курмышской бедноты путь к среднему и высшему образованию открыт.

Илья Николаевич назвал открытие училища важным событием, «первым актом реформы, полное осуществление которой принадлежит ближайшему будущему». Через два года открылись еще три подобных учебных заведения — Симбирское, Сызранское и Алатырское. Каждое из них было дорого директору, о каждом он неустанно заботился. Но особенно близким было для него Симбирское. Оно считалось лучшим в губернии. Илья Николаевич частенько посещал занятия, знал почти каждого воспитанника, присутствовал на приемных, годовых и выпускных экзаменах, поощрял отличившихся, освобождал бедных от платы за учение. Канцелярия дирекции народных училищ помещалась в одной из комнат училища.

…В январе 1877 года количество инспекторов дирекции было увеличено до трех. Третьим стал Иван Владимирович Ишерский. До переезда в Симбирск он преподавал в Вятской духовной семинарии.

К тому времени уже не работал в дирекции училищ инспектор Зимницкий. Его место занял Владимир Игнатьевич Фармаковский — он был переведен в Поволжье тоже из Вятки.

В августе 1878 года из Казанского учебного округа прислали четвертого инспектора — Алексея Алексеевича Красева. Он был самым молодым из помощников Ильи Николаевича.

С начала 1879 года в штат дирекции ввели пятого инспектора, Сергея Яковлевича Предтеченского. То ли по флегматичности характера, то ли по нездоровью он не проявлял особой энергии и инициативы на новом поприще. И уже в конце 1879/80 учебного года «по прошению» вышел на пенсию.

Вместо него в августе 1880 года был назначен, на этот раз по просьбе самого Ильи Николаевича, Константин Михайлович Аммосов. Он с успехом преподавал в Вятской духовной

семинарии. И мог бы сделать там себе карьеру. Однако Аммосов не захотел оставаться в Вятке, где похоронил грудного сына и молодую жену, которую сгубила скоротечная чахотка. Деликатный, мягкий характером, Константин Михайлович прибыл в Симбирск еще не оправившимся от большого горя.

Таким сложился штат Симбирской дирекции народных училищ к началу 80-х годов — самых сложных и трудных в жизни Ульяновых.

Родной дом

В августе 1878 года в жизни семьи произошло важное событие — Ульяновы переехали в собственный дом.

Почти девять лет они жили по частным квартирам. Меняли жилье шесть раз. Казенной квартиры директору народных училищ не полагалось. Ульяновы давно хотели обзавестись своим домом, но не было средств. Семья росла, вместе с ней росли и расходы, а жили на одно лишь жалованье Ильи Николаевича. Только благодаря бережливости, аккуратности, хозяйственности Марии Александровны нужды Ульяновы не знали.

Долгие годы откладывали деньги. И вот присмотрели дом на Московской. Улица считалась благоустроенной, с деревянными тротуарами, была вымощена, освещена керосиновыми фонарями.

Улица спускалась к Свияге, за мостом через которую начинался Московский тракт.

Дом был деревянный, одноэтажный с фасада и с антресолями со стороны двора. Двор большой, поросший травой. Вдоль заборов росли деревья, кусты бузины, три вяза высились в дальнем углу. Стояли хозяйственные постройки: дровяник, сарай, конюшня, два погреба. Над сараем и конюшней — сеновал.

Был еще во дворе бревенчатый флигель в три комнатки. Возле мазанка, там размещалась летняя кухня, и колодец с деревянной помпой и желобом, по которому вода стекала в деревянный чан.

Ко двору примыкал большой фруктовый сад. Он был молодым, восьмилетним, яблони еще только-только начинали плодоносить. Крыжовник, вишня, малина, сирень. А в конце тенистой аллеи, тянувшейся посредине сада, выросла одинокая осинка. Был в саду и цветник. Неподалеку от него уютно примостилась тесовая беседка с железной крышей. Четыре узенькие аллеи обрамляли сад вдоль заборов, обсаженных кустами акации.

К тому времени семья Ульяновых насчитывала уже восемь человек.

Четыре года исполнилось в те дни младшему из сыновей, Мите, родившемуся в августе 1874-го. А за полгода до переезда, в феврале 1878-го, родилась последняя дочь — Маняша.

С 1870 года жила с Ульяновыми няня, Варвара Григорьевна Сарбатова. До этого всегда приходилось тесниться. Теперь свои комнатки получили старшие, няня, малыши — детскую. И всем вместе есть где собраться: в доме гостиная и столовая. Комнаты Мария Александровна распределила так: мужу — рядом с

гостиной и столовой; детям — наверху, в мезонине, куда вели две деревянные лестницы; няне — внизу. Себе она выбрала самую неудобную, проходную — рядом с кабинетом Ильи Николаевича.

Радовал родителей большой зеленый двор и, конечно, сад. Будет где резвиться малышам, есть чем заняться в саду и огороде старшим. Да и сама Мария Александровна увлекалась садоводством, привыкла еще с кокушкинских времен ухаживать за деревьями, грядками и цветами.

…И вот наступил наконец долгожданный и радостный день переезда. На подводах перевозили мебель: мелкие вещи, одежду, утварь переносили на руках, ведь сад нового дома выходил на Покровскую, где была старая квартира. Взад-вперед носились взволнованные дети, то и дело роняя свои игрушки и книжки. Это был незабываемый день.

Теперь Мария Александровна почувствовала себя настоящей хозяйкой.

Заходили друзья, поздравляли с покупкой. Мало кого знали Ульяновы девять лет назад, когда только-только прибыли в Симбирск. А сейчас сколько славных людей полюбили их! Своим человеком в доме стал Арсений Федорович Белокрысенко — крестный отец Володи и Маняши. Человек редкой доброты и такта, близкий друг Ильи Николаевича; они жили душа в душу. Даже обычай завелся: каждую субботу встречаться за шахматами. Оба очень увлекались ими, играли на равных и, когда сходились, забывали порой об ужине.

По-прежнему дружил с Ульяновыми Валериан Никанорович Назарьев. Приезжая в Симбирск из своей Назарьевки, заглядывал к старым знакомым. Илья Николаевич чувствовал, что его сторонник и помощник потихоньку начинает остывать к народной школе. Но в вину ему это не ставил, своих взглядов и убеждений давнему знакомому не навязывал. У каждого свой путь, свои заботы. Спасибо и за то, что не забывает, готов помочь.

Частенько навещал Ульяновых доктор Иван Сидорович Покровский. Он стал добрым приятелем. Характер у него был открытый, полный дружелюбия и расположения. Искренне сочувствовал он Илье Николаевичу в многотрудных хлопотах и заботах. Илья Николаевич любил вспоминать с доктором Казань, университет — оба учились там на разных факультетах. Иван Сидорович, «незаконнорожденный» сын известного музыковеда Улыбышева и крепостной крестьянки, приехав одновременно с Ульяновым в Симбирск, быстро приобрел репутацию лучшего детского врача, бесплатно лечил учащихся, близко сошелся с интеллигенцией города. По рукам ходили написанные им эпиграммы, памфлеты и статьи, в которых обличал он

неблаговидные деяния «отцов города», за что и бывал иногда без службы. Свои жизненные принципы, которых рекомендовал придерживаться каждому, Покровский формулировал достаточно четко: «Не воруй, не блуди, не пьянствуй, не мошенничай, не лги, не ленись и делай дело по мере сил — при отсутствии этих пороков будешь человек первого сорта».

Приятно было видеть в новом доме и веселую говорунью Анну Дмитриевну Ильину, которую весь город звал «старшей повивальной бабкой». Она принимала всех новорожденных в семье Ульяновых, была в доверительных отношениях с Марией Александровной.

В числе тех, с кем Ульяновы поддерживали знакомство и дружбу, были люди, связанные с Ильей Николаевичем общей работой. Все они были достаточно близки Ульяновым, но особенно сердечные отношения складывались с Владимиром Михайловичем Стржалковским и Владимиром Игнатьевичем Фармаковским.

Человеком энергичным, увлекающимся, принципиальным и смелым был Фармаковский. Он приехал в Симбирск всего полтора года назад, в начале 1877 года. Прежде преподавал в Вятке историю и русскую словесность, служил там мировым судьей. Как-то в Вятке дело дошло до того, что он, будучи мировым судьей, два раза вызывал к себе в присутствие не кого-нибудь, а самого вице-губернатора, управляющего в то время губернией, — настоял на том, чтобы он как свидетель давал показания стоя. Вятские управители стали преследовать Фармаковского, обвинили в принадлежности к некоему противозаконному кружку, девизом которого якобы была заповедь: «Все, что от правительства или от дворянства, осуждать». В конце концов Фармаковскому пришлось уехать. Он с удовольствием стал работать под началом Ильи Николаевича, ценил отношения, сложившиеся в дирекции училищ. Ему нравились простота и дружелюбие начальника, его интеллигентность и увлеченность делом. И тот высоко ценил Фармаковского как знающего специалиста, автора интересных трудов: «Школьная диэтика», «Управление детьми» и других. Владимир Игнатьевич бывал иногда порывист, горяч — его охлаждала основательность и неспешность Ульянова, к которому он вскоре искренне привязался.

Очень симпатичной оказалась и его супруга Клавдия Арсеньевна. Их дети — Борис, Мстислав, Маргарита — были ровесниками Владимира, Дмитрия и Ольги Ульяновых, с которыми быстро подружились.

С каждым годом крепла дружба Ильи Николаевича с Иваном

Яковлевичем Яковлевым. После окончания университета, с 1875 года, тот работал окружным инспектором чувашских школ. Деятельный, энергичный, настойчивый, инспектор не раз обращался за поддержкой и помощью к очень уважаемому им директору народных училищ, советовался с ним по самым разным вопросам и всегда находил взаимопонимание и искреннее участие в делах. Взаимная симпатия связывала и семьи Ульяновых и Яковлевых.

Не было, пожалуй, дня, когда не заглядывали в дом на Московской улице народные учителя и учительницы. Кроме Василия Андреевича Калашникова, уже несколько лет работавшего учителем приходской школы, за советом и помощью, а то и просто так, на огонек, заходили многие другие преподаватели. Они неизменно встречали здесь радушный прием. Илья Николаевич, простой и открытый в общении, мог часами обсуждать со своими подчиненными разнообразные школьные проблемы. Эти домашние встречи и беседы многое давали народным учителям.

Особенно сдружилась с семьей директора училищ молодая преподавательница Вера Васильевна Кашкадамова. После окончания Высших женских курсов ей предложили место преподавателя математики в гимназии. Но она приняла приглашение Ильи Николаевича, пошла работать в женское начальное училище и оказалась весьма умелым преподавателем. Илья Николаевич, всегда питавший к толковым и усердным работникам особое пристрастие, частенько навещал училище, помогал ей, поддерживал, наставлял.

…Налаживался быт семьи. Есть свой дом, есть собственный сад. Но главное, конечно, не в этом, главное, что спустя пятнадцать лет после замужества пришло к Марии Александровне ощущение устроенности, надежности существования. Она чувствовала это острее и полнее мужа. Сказывались не только житейская опытность и практический склад ума, не только постоянное живущее в ней стремление к ясности, определенности — говорил инстинкт женщины, матери, призванной самой природой свить надежное и уютное гнездо.

Мария Александровна была счастлива.

Благодаря стараниям матери Владимир и Ольга к пяти годам уже умели читать. Очень любили детские книги и журналы, заучивали наизусть стихи, увлекались рассказами из русской истории. Мать учила их немецкому и французскому, игре на рояле, пению. Аккуратность, умение чередовать труд с отдыхом, сдержанность и одновременно жизнелюбие — эти черты ее

характера невольно перенимались детьми.

Старался побольше времени проводить с малышами и отец. Он умел веселиться, играть с ними, умел вести и серьезные беседы. Ребята любили слушать его рассказы о временах года, грозах и дождях, странах и морях, он знакомил их с мерами веса, единицами измерения времени и пространства, с географическими картами.

Володя к семи-восьми годам уже немало знал, по для поступления в гимназию необходима была специальная подготовка. Старший брат надолго запомнил, каким мучением были для него казарменные нравы в приготовительном классе. Поэтому решительно заявил, что Володю следует готовить в гимназию дома. Родители прислушались к мнению старшего сына, и Володя две зимы занимался с домашними учителями.

Снова был приглашен Василий Андреевич Калашников. Но он давал уроки недолго: в последнее время Калашников болел. А жил он далеко, в Подгорье, почти у самой волжской пристани, и взбираться на крутую гору было ему трудновато. Его заменила в семье Ульяновых учительница Вера Павловна Ушакова. Она работала в женском приходском училище на Панской улице.

Владимир бегал на занятия к ней домой, благо она жила неподалеку, во флигеле при училище. Веселая, улыбчивая, с ласковыми глазами, в строгом платье, с аккуратно уложенной на голове длиннющей косой, она всегда была приветлива. Ее доброта и обаяние, умение пошутить и быть строгой в час занятий привлекали детей.

Учительствовать Вера Павловна стала после гимназии, которую окончила с золотой медалью, и была прекрасным педагогом. Преподавала немецкий и французский, музыку, пение. Очень любила театр, ставила ученические спектакли.

Занятия с Володей доставляли учительнице истинное удовольствие: ему все давалось легко. К лету 1879 года будущий первоклассник был готов к вступительным экзаменам: знал важнейшие события «священной истории Ветхого и Нового завета», умел читать по-церковнославянски. Не страшил Володю экзамен по русскому языку, включавший в себя диктант, анализ простого предложения, чтение наизусть басен и стихов. Не вызывала опасения и арифметика, где требовались умение считать, знание четырех действий, решение задач в уме.

В начале августа Илья Николаевич представил директору гимназии официальное прошение — заявление с просьбой допустить сына к испытаниям. 11 августа 1879 года Володя Ульянов успешно сдал экзамены и решением педагогического совета был принят в первый класс.

Сложные и противоречивые чувства испытывали родители, проводив сына в это учебное заведение. Слишком уж живой, непосредственный характер был у него, чересчур обостренное чувство честности и справедливости. Сумеет ли он сохранить самобытность своей натуры в полуказарменной обстановке гимназии?

Нравы в гимназии не отличались мягкостью и деликатностью, дисциплина была строжайшей. Даже самовольные посещения театра и вечерние прогулки в городском саду расценивались как серьезные проступки. Уезжая на каникулы, воспитанники получали в канцелярии гимназии отпускной билет. Возвращаясь, они сдавали этот документ с отметкой полиции о поведении и справку священника о выполнении религиозных обрядов.

«Для Саши гимназия была бурсой, — вспоминала Анна Ильинична, — с грустью и возмущением рассказывал он мне о некоторых грубых проделках товарищей, о солдатском грубом и часто несправедливом отношении учителей». За все «время прохождения курса он не видел в гимназии ничего положительного, а смотрел на нее только как на необходимый мост в университет».

Гимназия считалась одной из худших в Поволжье. Преподаватели древних языков не были в достаточной степени квалифицированными. Словесность также преподавалась кое-как. Начало ученья Володи совпало с назначением в Симбирскую гимназию нового директора — Керенского, сменившего ханжу и казнокрада Вишневского. Новый директор взялся за дело круто, он решил во что бы то ни стало «подтянуть» учебное заведение. Было приглашено несколько новых преподавателей — выпускников Казанского университета. Но почти все педагоги, как старые, так и новые, по сути были чиновниками, они дорожили службой и старательно выполняли официальные циркуляры и требования в надежде на чины, ордена, звания. Напичкать учеников разными сведениями — вот чего почти все они за редким исключением добивались главным образом. И уж меньше всего их интересовали внутренний мир воспитанников, их надежды и чаяния. «Оригинальность мальчика, — вспоминал один из выпускников, — считалась чем-то предосудительным, сильная любознательность — неуважением к старшему. Учителя, сами люди бесправные, были орудием проведения в школе принципа, что высшая добродетель — послушание».

Добиваясь внешнего благонравия и дисциплинированности, Федор Михайлович Керенский пунктуально внедрял в жизнь все официальные требования и установления. И во многом его вина в

том, что атмосфера в гимназии была скучной и мертвящей. Вся система обучения и воспитания была направлена на то, чтобы не развивать, а подавлять личность, не научить думать, анализировать, размышлять, а развить способности к запоминанию.

Гимназисты не любили свое учебное заведение. Многие из них после выпуска вспоминали о нем далеко не благодарно:

В угрюмом застенке «классической» школы
Я помню вас всех, как сейчас,
Бездушных, как все вы, наук протоколы
Насильно внедрявшие в нас…
От ваших уроков, от вашей системы
Тупели и гасли умы…
О, как глубоко ненавидели все мы,
О, как презирали вас мы…

Эти строки принадлежат поэту Аполлону Коринфскому, сидевшему в младших классах за одной партой с Владимиром Ульяновым.

В первом же классе осталось на второй год семеро соучеников Володи. А он не только сразу втянулся в занятия, но при переводе во второй класс получил первую награду — похвальный лист и книгу. Этот успех очень обрадовал родителей.

Илья Николаевич, несмотря на частые отлучки из дома, на загруженность делами, постоянно интересовался ученьем детей, помогал им, объяснял непонятное, советовал, что читать, показывал разные приборы и модели, водил на экскурсии в физические кабинеты учебных заведений Симбирска. И дома он был внимательным, доброжелательным, но требовательным педагогом. Не любивший поучений, назидательных бесед, он не жалел времени на объяснения. Анне растолковывал трудно написанный учебник грамматики и терпеливо просматривал в планах или готовом виде все ее сочинения. Вместе с Александром он начал изучать основы греческого языка, который в его время еще не преподавался в гимназиях. Владимир тоже с первых дней учения почувствовал помощь и поддержку отца; привык ежедневно сообщать родителям о своих школьных делах.

«Возвращаясь из гимназии, Володя рассказывал отцу о том, что было на уроках и как он отвечал. Так как обычно повторялось одно и то же — удачные ответы, хорошие отметки, то иногда Володя просто, быстро шагая мимо кабинета отца по проходной комнате, через которую шла его дорога к себе, наверх, скороговоркой на ходу рапортовал: „Из греческого — пять, из

немецкого — пять“.

Так ясна у меня перед глазами эта сцена: я сижу в кабинете отца и ловлю довольную улыбку, которой обмениваются отец с матерью, следя за коренастой фигуркой в гимназической шинели, с торчащими из-под форменной фуражки волосами, проворно мелькающей мимо двери», — вспоминала Анна Ильинична.

Илья Николаевич был для детей образцом. «И все в нем: его речь, сама его личность, проникнутая верой в силу знания и добра в людях, действовала, несомненно, развивающим и гуманизирующим образом и на детские души, и мы рано научились признавать необходимость и важность знания». Это тоже свидетельство Анны Ильиничны.

Ребята тянулись к знаниям. И не потому, что их принуждали учиться или запугивали неприглядным будущим, если они не получат гимназических аттестатов. Каждодневный пример родителей, верящих в силу знания, — вот что влекло их к книге, к географическим картам, к словарям. Они учились в гимназиях, но главную школу проходили дома.

Илья Николаевич досконально знал дурные стороны гимназической жизни. И осторожно, ненавязчиво пытался помочь детям противостоять ее отрицательному влиянию. Он понимал, что воспитывают не нравоучения и не страх наказания, а прежде всего личный пример наставника, образ его жизни. Чтение, шахматы, музыка — вот чем заполнялся досуг отца в те дни, когда он не бывал в разъездах. Дети, слушая его частые рассказы о том, что он видел в поездках, невольно воспринимали его суждения о жизни. Увлеченность отца своим делом, глубокая внутренняя ответственность за него заставляли детей так же добросовестно относиться к учению, к домашним обязанностям.

Университетом нравственного воспитания, становления личности для детей была в первую очередь семья.

Здесь жили разумно, возвышенно, ясно, а главное — так искренне, что эта жизнь старших без всяких понуканий и упреков становилась для младших единственно возможной и единственно желанной. Отец предан делу, работа для него — высший долг, который он исполняет без жалоб и стенаний. Мать абсолютно равнодушна к тому, что называлось тогда светской жизнью. Друзей немного, но это друзья настоящие. В доме ценится умная книга, привечается шутка, остроумный экспромт. Здесь умеют работать, умеют и отдыхать, веселиться. Дети не слышат жалоб взрослых на собственные неудачи, зато родители озабочены неустроенностью других и всегда готовы прийти на помощь каждому, кто в этом нуждается. Влечение к чинам, к накопительству, к роскоши всем чуждо. Высшим достоинством

почитаются трудолюбие, ум, порядочность; награды, будь то медали детей за успехи в ученье или ордена отца, воспринимаются только как традиционное поощрение стараний.

В 1880 году, когда Анне не было еще шестнадцати лет, она, единственная из выпуска женской гимназии, получила Большую серебряную медаль. А ведь старшая дочь занималась в этом своеобразном и сравнительно редком учебном заведении, «состоявшем в ведомстве императрицы Марии», всего лишь пять лет.

Аня по примеру отца хотела стать народной учительницей. Но юный возраст был тому помехой. И лишь через год после окончания гимназии она получила место помощницы учительницы в одной из начальных школ Симбирска.

Казалось, жизнь Ульяновых ничем не отличалась от жизни других. Хлопотала по хозяйству мать. Бегали в гимназию дети. Звучал рояль. И детский плач раздавался иногда. И требовательный мамин голос.

Обычная на первый взгляд жизнь.

Но было и нечто иное. В этом доме взволнованно говорили о судьбах народа. Тут звучали стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова и Плещеева. Читали Белинского, Добролюбова, Писарева.

Стенам этого дома не приходилось слышать оскорблений или крика, обид. В семье не знали ссор. Здесь спорили, возражали, не соглашались, отстаивали свою точку зрения, но не скандалили, не обижали друг друга, не унижали, не насмехались. Характер взаимоотношений, стиль жизни были удивительно добрыми, сердечными.

Вот как вспоминала народная учительница Вера Васильевна Кашкадамова о вечерах, проведенных в доме Ульяновых:

«Бывало, приду к Илье Николаевичу по делу, сидим в кабинете, обсуждаем достоинства и недостатки учебников… Дверь кабинета тихо отворяется, и Мария Александровна с улыбкой спрашивает: „Илья Николаевич, скоро вы кончите, у нас самовар уже готов“. Илья Николаевич встает, потирает руки: „Сейчас, сейчас! Идемте чай пить“, — говорит он мне. Деловые разговоры кончаются, они не выходят за порог директорского кабинета, и мы, весело разговаривая, идем в столовую, а там уже собралась вся семья.

Илья Николаевич шутит, говорит о школе часто в ироническом тоне, рассказывает школьные анекдоты, а у него их было много, — все смеются, всем весело.

Тепло и уютно чувствуешь себя в этой дружной семье. Дети болтают, рассказывают события из своей жизни…

Но вот разговор между взрослыми касается какого-нибудь серьезного вопроса, и выражение лица сидящего против меня Володи резко меняется: он даже как-то крепче и плотнее усаживается на стул и, ссутулясь несколько, поглядывая на говоривших как-то исподлобья, причем упрямый завиток падал ему спереди на лоб, весь превращался в слух и внимание. По выражению его лица можно было прочесть его отношение к затронутому вопросу: оно было то одобрительное, то недоумевающее; порой брови его сдвигались. Время от времени слышались его короткие замечания: „Гм. Ну да!“, „Нет“, „Почему?“ Видно было, что он близко принимал к сердцу то, о чем говорили старшие. Когда речь заходила о какой-нибудь несправедливости, то не только лицо, а вся фигура его выражала негодование.

Илья Николаевич иногда просто усмехался, продолжая разговор, иногда приостанавливался, возражая Володе; но тот не всегда соглашался, а вступал порою в спор с отцом, доказывая горячо свое мнение. Тогда Илья Николаевич тоже серьезно объяснял Володе не понятое им. Вообще в семье Ульяновых дети всегда свободно и просто обращались к родителям и вступали в общий разговор — от них никогда не отмахивались, им давали всегда ответ или объяснение».

Искренним и радушным был и для детей и для взрослых дом на Московской улице, в которой жила одна из самых уважаемых в Симбирске семей.

Итоги десятилетия

Обычно в конце года Илья Николаевич составлял отчеты о народном образовании в губернии. Этого требовал учебный округ. Сам он считал, что о состоянии такого важного дела, о направлении его развития, об удачах и неудачах, о трудностях и проблемах должно знать как можно больше людей. Поэтому отчеты — с подробными статистическими выкладками, с характеристикой школ и учителей, со сведениями об ассигнованиях — он печатал в местной газете, издавал отдельными книжками в Симбирске и Казани. Отчеты были немногословны, логичны. Обзор школ давался сжато, предложения были реалистичны и обоснованны. Директор училищ скрупулезно отмечал, что из намеченного выполнено, что нет, по какой причине.

К отчету в конце 1879 года Ульянов приступал с волнением. Это было нетрадиционное обозрение школьного дела за минувший год. Исполнилось десять лет его работы инспектором и директором народных училищ. Хотелось дать полный анализ минувшего десятилетия.

Кажется, еще совсем недавно разглядывали они с Марией Александровной незнакомый город на высоком правобережье Волги, где предстояло жить и работать. А вот уже пролетело целых десять лет. Сколько изъезжено верст, сколько увидено, сколько новых знакомых они обрели здесь, в Симбирске. Повзрослели Аня и Саша, десятый год идет Володе, восемь исполнилось Оле, подрастают младшие — Маняша и Митя. Идет время, меняя людей, торопя события, ставя новые проблемы.

Илье Николаевичу не надо было рыться в справочниках, чтобы вспомнить, как обстояло дело с народными школами десять лет назад. Он помнил все: и первые поездки десятилетней давности, и безрадостные цифры в отчетности тех лет, и удручающий уровень большинства учителей. И с тем большим удовлетворением отмечал, чего удалось добиться за десять лет.

Число начальных школ — вот парадокс! — уменьшилось с 462 до 425. Но если раньше добрая часть их значилась лишь на бумаге, то теперь каждая существовала реально. А численность учащихся увеличилась с 10 564 до 15 561, то есть почти наполовину! Вознаграждение учительского труда утроилось. Построено полтораста новых школ. Школьный бюджет вырос почти в три с половиной раза! С каждым годом становится все больше педагогов, получивших специальную подготовку. А одно из самых существенных изменений то, что программы стали

содержательнее, объем учебного материала увеличился. Выпускники народной школы получают больше знаний, они стали образованнее, чем раньше.

Илья Николаевич знал положение в соседних губерниях Поволжья — там народное образование развивалось медленнее. И хотя были основания почувствовать удовлетворение, он все же не обольщался достигнутым и в отчете за десятилетие обратил внимание и на нерешенные проблемы. А их хватало.

Сельских школ пока все еще мало — всего лишь четыре на семнадцать населенных пунктов, расположенных в среднем на пространстве в 78 квадратных верст! Из каждых сорока трех представителей мужского населения учился только один, а число учащихся девочек просто ничтожно: одна из 313 жительниц губернии. Из 424 учителей (не считая законоучителей) всего 44 окончили учительские семинарии. Только чуть более половины школ размещено в подходящих помещениях. Многие школы переполнены учениками. Десятки тысяч детей не учатся только потому, что в деревнях, где они живут, нет школ. А в некоторых уездах другая беда: есть школы, но из-за мизерности учительского жалованья подходящих людей трудно найти. Илья Николаевич с болью писал о том, что по-прежнему «положение народного учителя ничем не обеспечено в будущем: не щадя сил, ни здоровья при исполнении своих нелегких обязанностей, он к концу своей нередко тридцатилетней службы остается без всяких средств».

Вывод напрашивался сам собой: рано успокаиваться, начальное образование народа еще надо развивать и развивать.

А где взять деньги? Автор воздержался от прямых рекомендаций, но привел красноречивые цифры: субсидия земства составляла четвертую часть ассигнований на народное образование, а казна финансировала всего-навсего пять процентов. Остальные средства — деньги сельских и городских обществ, частные пожертвования. Вывод сделать было нетрудно: не слишком озабочено государство ужасающей безграмотностью своих граждан.

За десять лет работы Ульянов убедился: будущее народной школы в первую очередь связано с ростом доверия к ней широких слоев населения. Конечно, и государственная копейка должна идти на образование, и пожертвования частных лиц не во вред, и земство может и должно побольше раскошелиться на школы. Но коренником в «школьной упряжке» пока является сам народ. Это заключение было основным.

Отчет был напечатан в майском номере «Журнала министерства народного просвещения» за 1880 год. Картина,

нарисованная в нем, была объективной — читателю было над чем поразмышлять.

11 ноября 1880 года исполнилось двадцать пять лет службы Ульянова в ведомстве народного просвещения. Учителя народных школ преподнесли своему директору приветственный адрес, подарили письменный прибор. В этот же день Илья Николаевич написал, как того требовали служебные правила, прошение попечителю Казанского округа, выразив желание остаться на службе еще на пять лет.

В этой просьбе не было ничего необычного. И после узаконенного срока службы многие занимали свои посты еще не один год. Директор Симбирской гимназии Вишневский прослужил сорок лет. Иные работали еще дольше. Илья Николаевич не собирался идти на пенсию. Не представлял себя без службы, хотел еще многое сделать.

Попечитель учебного округа Шестаков, зная безупречную службу директора народных училищ, попросил министра народного просвещения удовлетворить просьбу Ильи Николаевича. Казалось, не было никаких оснований для отказа.

И тут прозвучал первый тревожный сигнал. Министр просвещения Сабуров отклонил представление попечителя учебного округа. Он сообщал, что согласен оставить Ульянова на службе только на один год. Шестаков написал в Симбирск официальное, с оттенком извинения письмо: «Милостивый государь Илья Николаевич. Вследствие представления моего об оставлении Вашего превосходительства на службе на пять лет по выслуге 25-летнего срока, г. управляющий Министерства народного просвещения предложением от 11 сего декабря за № 14 055 уведомил меня, что Его превосходительство согласен на оставление Вас на службе только на один год, со дня выслуги 25-летнего срока, с 11 ноября 1880 г., о чем будет внесено в приказ по Министерству народного просвещения…»

Грустным оказался конец декабря 1880 года для Ильи Николаевича. Десять с лишним лет он трудился в Симбирске увлеченно, с полной отдачей всех своих сил и способностей. Ему нет и пятидесяти. Что ж, уходить в отставку? Шестеро детей. Старшей недавно исполнилось только шестнадцать, младшей не было еще и трех лет… На сторублевую месячную пенсию даже такой экономной хозяйке, как Мария Александровна, при постоянно растущей дороговизне вряд ли удастся свести концы с концами.

…Тягостно на душе, но надо работать. В январские дни 1881 года Илья Николаевич составил годовой отчет. Затем отправился

в очередную поездку по народным школам. Возвратившись, изложил свои наблюдения и выводы, подготовил для «Симбирских губернских ведомостей» публикацию о состоянии народного образования.

В субботу, 14 февраля, скончался Николай Александрович Языков. Он оставил пост председателя Симбирского училищного совета еще в 1874 году, но всегда помогал Илье Николаевичу и защищал его как только мог. И вот одного из друзей не стало… 1 марта 1881 года в «Симбирской земской газете» появилась большая статья В. Н. Назарьева о Николае Александровиче; писатель прочувствованно рассказывал о незаурядном человеке.

В этот же воскресный весенний день в Петербурге произошло событие, затмившее все другое: от взрыва бомбы скончался Александр II.

Уже несколько лет за полной драматизма героической схваткой народовольцев с правительством напряженно следили во всех уголках России.

Симбиряне буквально «до дыр» зачитывали газеты с правительственными сообщениями о покушении на петербургского градоначальника Трепова, об убийстве Степняком-Кравчинским шефа жандармов Мезенцева, о выстреле Соловьева в Александра II, о взрыве, осуществленном Степаном Халтуриным в Зимнем дворце.

Но был еще один источник информации — рукописные, гектографированные и печатные прокламации, распространявшиеся подпольщиками. Однажды на фонарном столбе недалеко от здания классической гимназии кто-то приклеил «возмутительный» листок. Прокламация призывала на развалинах буржуазного строя создать «новый мир — мир труда». Она вызвала много толков в Симбирске.

Илья Николаевич, как и другие директора народных училищ и средних учебных заведений, время от времени получал от попечителя учебного округа секретные документы с изложением взглядов революционных кружков, со списками неблагонадежных учителей, которых запрещалось допускать к преподаванию в народных школах. Довелось ему читать и подлинные нелегальные издания. Как-то смотрителю сызранских училищ прислали по почте прокламацию Исполнительного комитета «Народной воли», в которой рассказывалось о нашумевшей попытке революционеров 19 ноября 1879 года взорвать царский поезд на Московско-Курской железной дороге. Смотритель поспешил отослать ее в Симбирск Ульянову, которому был подчинен по службе. Местные жандармы с опозданием узнали об этом, за что получили нагоняй от начальника губернского жандармского

управления. «Вы имели полное право, — выговаривал генерал фон Брадке своему помощнику в Сызрани, — потребовать, чтобы он (смотритель училищ. — *Авт.)* вам представил прокламацию… Подобные возмутительные воззвания не должны быть известны никому, кроме как жандармскому ведомству». О прокламации генерал тотчас же доложил в Петербург и затребовал ее у Ильи Николаевича для снятия копии, попросив директора в будущем не подшивать в свой архив подобные документы, а сразу же передавать ему.

…Правительственное сообщение о покушении на Александра II поступило в Симбирск по телеграфу. Известие взбудоражило тысячи людей. Пошли различные толки, все хотели знать, как идет расследование в Петербурге, какие меры приняты.

4 марта в Троицком соборе состоялась панихида по покойному императору. Илья Николаевич был на этой службе, вернулся из собора очень взволнованный. Для него, чья молодость прошла при деспотизме Николая I, царствование Александра II, особенно его начало, было светлой полосой, да и по своим убеждениям он был против террора и насилия.

Анна Ильинична хотела поподробнее поговорить с отцом, но он уклонился от этого. Саша предпочел тоже отмолчаться. «Ильичу было тогда только одиннадцать лет, — писала Н. К. Крупская, — но такие события, как убийство Александра II, о котором все кругом говорили, которое все обсуждали, не могло не волновать и подростков. Ильич, по его словам, стал после этого внимательно вслушиваться во все политические разговоры».

3 апреля 1881 года участники покушения были казнены.

Кое-кто в Симбирске думал, что руководит народовольцами лицо, имеющее громадные денежные средства. Многие крестьяне считали, что царя убили помещики за то, что он якобы хотел дать мужикам настоящую волю. Были и другие суждения. Хватало клятв в преданности трону. Метались громы и молнии в адрес революционеров.

Всех интересовало: какой курс изберет новый царь? Александр III в своем манифесте 29 апреля заявил, что будет охранять самодержавную власть «для блага народного от всяких на нее поползновений».

События 1 марта вызвали жесточайшую реакцию. В правительстве произошли перемены. Ушел в отставку министр народного просвещения Сабуров. Его преемником стал бывший попечитель Кавказского учебного округа Николаи.

Учитывая смену начальства, Илья Николаевич 1 ноября 1881 года снова отправил попечителю Казанского учебного округа прошение. «Ввиду приближения 11 ноября — срока оставления

меня на службе, — писал он, — по выслуге 25-ти лет, на один год, имею честь покорнейше просить ходатайства Вашего превосходительства об оставлении меня на службе на 5 лет».

Попечитель округа — как и в первый раз — сразу же по получении прошения уважаемого им симбирского директора обратился с представлением к новому министру. «Принимая во внимание, что директор народных училищ Ульянов, — говорилось в нем, — постоянно отличается примерным усердием к службе и пользуется вполне заслуженным доверием местного общества, он заслуживает оставления на службе в занимаемой должности еще на четыре года с 11 сего ноября».

Полтора месяца не было никаких известий. 19 декабря Илья Николаевич попросил попечителя округа выдать удостоверение о праве на получение пенсии, полагающейся за 25-летнюю выслугу. Наконец 30 декабря пришло сообщение о продлении его службы еще на четыре года.

Лето в Кокушкине

Лета ждали в семье с нетерпением и дети и взрослые. Сколько радости оно несло с собой! Распростились до осени с гимназией старшие, резвятся в зеленом дворике и в саду малыши. И Мария Александровна там же: она могла возиться в саду часами. Глубокая привязанность к земле жила в ней с детских лет. Мария Александровна всегда остро ощущала вечную связь человека и земли. Хотела, чтоб и дети не росли равнодушными к природе, чтоб и они любили и ценили труд на земле.

Красота окрестностей Симбирска редко кого не волновала. С высокого берега глазу открывались громадные просторы: широкая пойма реки с ее лесами, заливными лугами и старицами, с живописными заволжскими селами. Илья Николаевич, сам выросший на Волге, любил прокатиться на пароходе, отправиться на лодке на острова, порыбачить, посидеть у костра. Глубоко западали в душу детей эти вечера, надолго запоминались песни рыбаков, их откровенные разговоры с отцом… Не здесь ли, на Волге, которую исстари называли главной улицей России, приходило к ним чувство сопричастности с великой землей, с ее талантливым народом!

Мать остерегалась пускать детей на Волгу одних — река быстрая, с водоворотами, омутами и большим движением судов. А вот на тихой Свияге, которая протекала ближе к дому, старшие — Аня, Саша, Володя и Оля — бывали частенько. Летнее утро для них — по заведенному обычаю — с купанья и начиналось. Ульяновы арендовали у чиновника Рузского на два часа купальню. Туда отец шел с мальчиками в первую «смену», мать с девочками — во вторую. И почти каждый раз, спускаясь к реке, они встречали учителя немецкого языка Штейнгауэра, который направлялся в другую частную купальню — немца Коха. Илья Николаевич шутил:

— Русский идет к Рузскому, а немец — к немцу!

Много радости приносил сад. Разрастались яблони, плодоносили вишня, крыжовник, малина. Хозяйкой здесь была, конечно, Мария Александровна, все домашние ей помогали. Мать завела строгий порядок: с какого дерева есть раньше яблоки, какие собирать для варенья, какие назиму. Указывала и грядки клубники, кусты малинника, крыжовника, где могли «пастись» дети. А три вишневых деревца возле беседки стояли необобранными до 20 июля — дня именин Ильи Николаевича — в подарок отцу…

Сад, купание на Свияге, поездки по Волге — все это

приносили детям летние каникулы. Но было еще одно, главное событие, которого ожидали с нетерпением. К нему уже с зимы начинали готовиться, заранее назначали день, мечтали о нем. Это была поездка в Кокушкино, в ту самую деревеньку, где жила некогда Мария Александровна. Туда почти каждый год съезжались все четыре ее сестры со своими домочадцами. Специально для гостей Александр Дмитриевич Бланк выстроил рядом с двуэтажным домом флигель, где они и размещались. Но для любимой дочери Марии обычно отводили комнату в мезонине старого дома.

К приезду Ульяновых приурочивала свои поездки в Кокушкино и семья Веретенниковых, с сыном которых Колей был очень дружен Володя.

Из Симбирска в Казань плыли пароходом. Здесь гостили у Веретенниковых, а затем на лошадях выезжали в Кокушкино. Непоседливый, бойкий Владимир забирался обычно на козлы к ямщику со своей неизменной шуткой:

— А что, дядя Ефим, был бы кнут, а лошади пойдут, да?

Живописными были места вокруг Кокушкина. Старый парк шумел на берегу небольшой речки Ушни, перегороженной плотиной. Недалеко зеленели леса. И здесь, как и в Симбирске, были сад, огород, цветники. На реке стояла старая купальня, которая медленно погружалась в воду, как только в нее вваливалась многочисленная детвора.

Постепенно из-за неимения средств хозяйство в Ко-кушкине ветшало. Печи были испорчены — не топились, крыша протекала, лодка — и та была дырявой. Но для детей тут открывался особый мир — мир простой деревенской жизни, заполненной каждодневным трудом. Они дружили с крестьянскими сверстниками, видели жизнь простого народа, начинали понимать, чем живут, о чем думают люди земли. Ребята гоняли в ночное лошадей, работали в саду и огороде, помогали взрослым в домашних делах. Непритязательный деревенский быт приучал их уметь довольствоваться в жизни самым необходимым.

Среди крестьян были добрые знакомые. Частенько заглядывал к Ульяновым охотник и рыбак Карпей. Илья Николаевич называл его поэтом и философом — Карпей любил потолковать о серьезных жизненных проблемах, рассказывал много интересного.

Дети внимательно вслушивались в разговоры отца с жителями села, своими глазами видели неизбывную нужду и бедность в избах с соломенными крышами. Живой, реальной иллюстрацией к горьким некрасовским стихам о трудной судьбе народа была жизнь окрестных деревень.

Никакой отчужденности между приезжими и местными жителями не существовало. Марию Александровну, дольше всех дочерей Бланка жившую в Кокушкине, помнили и любили здесь многие. Приходили к ней за помощью и советом, в том числе и медицинским. Она всегда привозила с собой лекарства и раздавала их крестьянам.

От матери и отца узнавали младшие Ульяновы названия трав и цветов, учились наблюдать за жизнью природы. Александр, уже вступивший в пору отрочества, увлекался охотой, собиранием гербария. Став студентом, он там же, в Кокушкине, проводил разные биологические опыты, препарировал лягушек и даже увез с собой в университет образцы кокушкинской почвы для исследования и анализа.

Поездки в Кокушкино были почти ежегодными. Только Илье Николаевичу не всегда удавалось выехать с родными — ведь он не имел официального отпуска и каждый раз был вынужден просить об этом свое окружное начальство. Иногда ему давали всего несколько дней отдыха, в другой раз удавалось приехать недели на две. И как только он появлялся, в Кокушкине наступал праздник. Отменялись для детей занятия иностранными языками, подготовка гимназических заданий по другим предметам и вообще вся серьезная учеба. И оттащить детей от него было уже трудно.

…14 июня 1881 года Илья Николаевич провел очередной публичный выпускной акт воспитанников городских народных училищ. Проходил он торжественно, в доме городского общества. Присутствовали почетные гости, члены училищного совета, попечители школ. После краткого отчета, с которым выступил член уездного училищного совета Алатырцев, были выданы свидетельства об окончании курса ученикам и вручены похвальные листы и награды лучшим из них. Детей угощали печеньем, конфетами, пряниками. Взрослые осмотрели выставку письменных работ, детских рисунков, шитья и вязанья. А вечером в городском саду, украшенном флажками, все веселились. Илья Николаевич радовался удачному завершению учебного года и с легким сердцем отправился отдыхать.

В Кокушкине, как всегда, было чудесно. Стояли ясные летние дни.

Каждый день начинался с купанья. Илья Николаевич вставал рано, успевал поплавать на реке, когда в купальне появлялась ребятня. Погружался в воду под тяжестью ватаги дощатый помост, всплывали на волне детские рубашки, башмаки, полотенца… Он спасался бегством, а вслед летела сочиненная Аней шутка: «Отец, отец, возьми калоши, в купальне их не

оставляй!» Хохоту, веселья хватало надолго. И звонче всех смеялся Илья Николаевич.

Взрослые почти ежедневно водили детей в лес по грибы и ягоды. «Нужно ягод насбирать и детей не растерять», — шутил отец. Бор, прозванный детьми «шляпой» за свою форму, находился в двух верстах. Дорогой все пели хором песни — и про Стеньку Разина, и про Волгу. И — что особенно нравилось молодежи — запрещенные и студенческие, которых отец знал немало. Благо некому было подслушивать волнующие некрасовские слова:

Жизни вольным впечатленьям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремленьям
В ней проснуться не мешай.

С ними ты рожден природою —
Возлелей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они.

Возлюби их! На служение
Им отдайся до конца!
Нет прекрасней назначенья,
Лучезарней нет венца…

Набрав грибов, ягод, усаживались на опушке леса, читали стихи. А то и чаевничали на любимой полянке, для чего прихватывали иногда из дому самовар. На поляне росли две дикие яблони: нередко в костре вместе с картошкой ребята запекали и кислые яблочки.

Весело отпраздновали в то лето пятидесятилетие Ильи Николаевича. Как всегда, пекли пироги, писали шутливые поздравления, дарили недорогие, но милые подарки. И — по старой семейной традиции — был испечен специально для именинника огромный крендель.

Вечерами, после захода солнца, все обитатели Кокушкина собирались на балконе или на скамейках в цветнике. Вытаскивали из дома стулья и табуретки для старших; ребята усаживались обычно на ступеньках балкона. Начинались так называемые «сидячие игры».

Дети, как всегда, окружали Илью Николаевича. Кто-то предлагал играть в «синонимы», кто-то в «пословицы», в шарады. Это были своего рода лексические упражнения, своеобразная

тренировка памяти. Илья Николаевич не без педагогического умысла охотно играл с детьми. Вот как вспоминал об этом Николай Веретенников.

«Останавливаемся на слове „поля“: ни разу не загадывали.

— Первое: поля, по которым гуляют, — засеянные злаками.

— Второе: поля, под которыми гуляют, — поля шляпы.

— Есть и третье, — замечает Володя.

— Что же? Не приходит в голову.

— А поля, по которым гуляет перо учителя, исправляющего работу ученика, — разъясняет Володя.

Приходит Оля и быстро разгадывает слово по данным тетей Машей трем определениям его: первое — побитые градом, второе — поломанные и третье — залитые чернилами.

…У крутой тропинки, сбегающей к пруду, растут старые липы, посаженные в кружок, и образуют беседку. Сюда удаляется тот, кто должен отгадывать.

Уходит Шура Ульянов. Со всех сторон сыплются предложения.

— „Вот парадный подъезд…“ — кричат ребята.

— „В тот год осенняя погода…“ — из „Евгения Онегина“ предлагает моя сестра Маша.

Наконец останавливаемся на шуточных стихах Саши Веретенникова:

Во тьме ночной
Пропал пирог мясной,
Пропал бесследно, безвозвратно,
Куда и как девался — непонятно.

— Хорошо, пусть наш Саша отгадывает то, что выдумал ваш Саша, — шутит Илья Николаевич, обращаясь к маме.

— Володе дадим слово „тьма“, — в этом падеже его не так легко вставить.

Но Володя с честью выходит из трудного положения. На вопрос Шуры, почему он за коленку держится, Володя, не моргнув глазом, отвечает:

— Вчера вечером ушиб ногу: без света, во тьме кромешной, спать ложился и наскочил на табуретку.

Нужное слово „тьма“ было вставлено так естественно, что отгадать его было трудно. Однако на слове Ильи Николаевича Шура, к удовольствию ребят, отгадал стихи, и пришлось удаляться Илье Николаевичу, так как строгое правило — уходить тому, на чьем слове отгадано, — было непреложно.

Впрочем, старшие, например Анечка, отгадав ранее, нарочно

доводила разгадку до того, кого она хотела отправить в „уезд“ (это выражение взято в соответствии с поездками Ильи Николаевича по службе)».

Аня отправляла отца «в уезд» во время игры. А между тем ему и в самом деле пора было отправляться к делам службы. С большой неохотой уезжал он из полюбившегося ему за многие годы уголка, где так покойно и радостно жилось и отдыхалось. И вот уже опять пылит за тарантасом дорога, опять позвякивает колокольчик, и другие думы уносят от милого Кокушкина, от беспечных вечеров под деревенским небом, от задумчивой речки с поросшими камышом берегами…

Впереди — дела.

Нападки на дирекцию

Илья Николаевич был человеком мягким, добрым. Не мог в резкой, обидной форме сделать выговор или замечание своим подчиненным. Но когда речь шла о вещах принципиальных, он излагал свои взгляды смело, убежденно. Так он поступал всегда.

Как-то еще в 1870 году попечитель учебного округа известил его, что в Царскосельском уезде по разрешению самого государя организован кружечный сбор на нужды начальных школ. В связи с этим начальство интересовалось мнением сведущих лиц. Многие чиновники министерства просвещения тогда без всяких оговорок приветствовали «высочайше» разрешенный сбор. А Ульянов написал: «Несмотря на то, что я убедился в необходимости увеличить средства для поддержания сельских училищ, нуждающихся в хорошо подготовленных учителях, в самых необходимых учебных пособиях и даже в удобном помещении школы, я полагаю, что кружечный сбор на этот предмет будет весьма незначителен: во-первых, потому что крестьяне еще мало сознают пользу образования, во-вторых, потому что они уже делают посильный взнос на содержание школ, и нельзя ожидать с их стороны новых пожертвований на этот же предмет. По моему мнению, скорее можно предположить, что крестьяне увеличат взнос на содержание училищ, но только тогда, когда на деле увидят более успешный ход обучения своих детей. Вследствие сего я нахожу почти бесполезным в настоящее время заведение кружечного сбора в пользу народных училищ». Илью Николаевича не заботило, как воспримут его ответ; его интересовала суть дела, а не тонкие «дипломатические» соображения.

На втором году работы Ульянова в Симбирске министерство просвещения решило обсудить проект инструкции для инспекторов народных училищ. Многие инспектора представили лишь по нескольку замечаний. А дополнения и предложения Ульянова касались существенных сторон народного образования. Он настаивал на централизации снабжения училищ учебными пособиями и книгами, рекомендовал выделять землю под школы не из крестьянских, а из помещичьих наделов; стоял за более широкое привлечение женщин к преподаванию; предлагал выдавать вознаграждение кандидатам или помощникам учителей; ввести совместное обучение мальчиков и девочек. Но самым болезненным, самым острым оказалось его предложение о регламентации взаимоотношений между инспекцией и духовенством. Илья Николаевич посчитал необходимым указать в инструкции, что инспектор имеет право увольнять из школы

нерадивых законоучителей. Это было принципиальное замечание. Все знали, что роль «двигателя» просвещения возложена на православное духовенство. Однако батюшки нередко относились к своим обязанностям весьма несерьезно. И сам он не раз указывал многим священникам, состоявшим на службе по учебному ведомству, на недобросовестное исполнение своих обязанностей, а подчас и на жестокое обращение с детьми. Но освободить от попов школы своей властью не мог, а лишь сообщал об этом в духовную консисторию. Та обычно ограничивалась внушениями и только в самых крайних случаях переводила провинившегося в другой приход. Если бы его предложение было принято, го можно было бы решительнее избавляться от недобросовестных и недостойных «пастырей». Но министерство просвещения посчитало, что предоставление инспекторам права увольнять законоучителей приведет к столкновению с духовным ведомством, и предписало лишь сообщать о нерадивых законоучителях-священниках епархиальному начальству.

Еще одно предложение касалось духовного ведомства. Выпускники духовных семинарий, поступавшие до посвящения в сан и получения прихода учителями в народные школы, получали денежное пособие в дополнение к обычному учительскому жалованью. Илья Николаевич полагал, как и некоторые иные его коллеги, что надо лишить их особой доплаты, но министерство опять-таки не пожелало конфликтовать с церковными властями.

Тогда-то, верно, и завязался первый узелок спора между дирекцией народных училищ и симбирским духовенством. А потом с каждым годом отношения эти становились все более напряженными. Ульянов, отвечая за народное образование в губернии, не мог и не хотел закрывать глаза на недобросовестность некоторых преподавателей-священников, их непристойное подчас поведение, пресекал их попытки вмешиваться в дела школы. А такие случаи были. «Священник Яхонтов из Гладчишинского сельского училища Сенгилеевского уезда, — докладывал ему инспектор Стржалковский, — не только не заботится об устройстве училища, а, напротив, старается вредить ему. В обществе говорит: много платите учителю жалованья, довольно и пяти рублей в месяц, не следует доставлять дров, пусть отопляет училище учитель из получаемого им содержания; должно быть (в обучении) не более 9 учеников, как положено по штату, а иначе выйдет много бумаги, перьев и карандашей; ученикам же объявил, что они не должны слушаться учителя, а только одного его, священника… В результате количество обучающихся сократилось с 20 до 12 учеников…»

Нередко законоучители, не сумев подчинить учителя, злобно мстили ему, детям. Именно так вел себя законоучитель Городищенского училища. Еще в 1870 году инспектор заметил при осмотре, что этот священник бьет учащихся. При вторичном посещении училища Ульянов попросил его не подвергать учеников телесным наказаниям. Тот обещал, но слова не сдержал. Узнав об этом, Илья Николаевич написал епископу Симбирскому и Сызранскому Феоктисту: «Учитель Городищенского сельского училища довел до моего сведения, что законоучитель о. Богоявленский постоянно притесняет и оскорбляет его, считая себя главным начальником школы, приказывает ученикам идти из школы в то время, когда учитель не кончил своих занятий…» Илья Николаевич просил епископа поручить преподавание закона божия другому священнику. Одновременно он проинформировал о всей этой истории попечителя Казанского учебного округа. Только после этого поп был удален из школы.

Епархиальное ведомство с сильной неприязнью воспринимало эти столкновения. Раздраженно воспринимали руководители духовенства и такие выводы дирекции народных училищ, которые появлялись в публикуемых отчетах: «Если преподавание закона Божия почти во всех школах идет неудовлетворительно, тем более неудовлетворительным оказывается преподавание священниками остальных предметов».

Конфликт дирекции с местным духовенством зрел год от года. Стычки, столкновения постепенно нарастали.

Но год 1882-й начался для Ильи Николаевича с приятного известия: «за отличную усердную службу» его наградили орденом святого Владимира 3-й степени. Для большинства чиновников, мечтавших о карьере, получение «Владимира» этой степени было верхом стремления, ибо кавалеры ордена приобретали права на потомственное дворянство. А для Ульянова орден был свидетельством того, что его работу, его любимое дело, во имя которого он трудился не за страх, а за совесть, не щадя своих сил, видят, ценят, отличают. Награждение давало и надежду, что теперь-то уж его не попросят в отставку, он сможет продолжать службу.

А служить становилось все труднее. Кто-то поддерживал его, а кто-то и считал нежелательным.

Реакция в стране усиливалась. Илья Николаевич чувствовал, что надвигаются и для народного образования черные дни — правительство начинало новое наступление на школу.

Обрадовали «просветителей» реакционного толка «Заметки о сельских школах» бывшего профессора Московского университета Рачинского, появившиеся на страницах газеты «Русь». В свое

время покинув университет в знак протеста против грубого нарушения университетской автономии и поселившись в своем имении на Смоленщине, он занялся сельской школой, стал учителем. На собственный опыт он в основном и опирался.

В рассуждениях Рачинского было много любопытного. Отметив, что все сельские школы находятся под «четвертным контролем» — дирекции училищ, духовного ведомства, училищных советов и местной полиции, автор давал краткую оценку деятельности членов этого «квартета».

«Участие училищных советов в школьном деле, — писал он, — в громадном большинстве случаев ограничивается ходатайством перед земством об отпуске денежных сумм, огульным распределением их по назначенным школам и назначением членов присутствия на экзаменах.

Благочинные и специальные надзиратели за преподаванием закона Божия посещают школы нехотя и только для исполнения формальности.

Полицейские чины, по свойственному русскому человеку здравому смыслу, вовсе не вмешиваются в школьное дело, в коем они ничего не смыслят».

Все это соответствовало действительности. Но были в рассуждениях и существенные недомолвки. Автор словно забывал о том, что училищные советы возглавляются предводителями дворянства, что духовенство, жандармы и полиция зорко следят за народными учителями.

Рачинский критиковал институт дирекции народных училищ. Он писал о сотрудниках этих учреждений: «Нет сомнения, что в этих должностях человек неблагонадежный может принести много вреда. Но принести пользу человек благонамеренный положительно не может. Все зимнее время этих почтенных чиновников поглощено составлением многочисленных отчетов (за гражданский год), а летом, как известно, все школы закрыты». Получалось, что усилия инспекторов и дирекции либо бесполезны, либо вредны.

Досталось и министерству народного просвещения. Одноклассные и двухклассные школы не соответствуют своему назначению, и нельзя их считать образцовыми; они лишь образец того, «как не следует устраивать сельскую школу». Учителя — выпускники учительских семинарий, по мнению Рачинского, приобретают с «множеством поверхностных знаний лишь некоторый внешний лоск и совершенно отпадают от крестьянской среды, думая, как бы примкнуть к господам и избавиться от неприглядной доли деревенского учителя». А главное, подчеркивал автор, министерство недостаточно заботится об

усилении религиозности в народных школах. В подтверждение этого приводился такой факт: в изданном в 1875 году «Каталоге книг для употребления в школах» «не значится ни „Часослов“, ни „Псалтырь“, ни „Ветхий завет“! „Новый завет“ „одобрен“, но не рекомендован…»

Илья Николаевич хорошо понимал, что Рачинский передернул факты. Ведь любой священник, сам ли он преподавал закон божий в школе, или контролировал эти уроки, находил возможность познакомить учеников с литературой, распространяемой святейшим Синодом.

Автор «Заметок» доказывал, что министерство не понимает «истинных потребностей народа». В единении народа на основе церкви и сельской школы Рачинский видел единственный способ выхода из «тысячи противоречий», в которых погрязла Россия. И этому единению должны способствовать «дружные усилия людей верующих».

Лучшими учителями Рачинский считал выпускников духовных семинарий. А вообще он стоял за то, чтобы главным преподавателем почти всех предметов стал священник. Такое нововведение благотворно скажется как на крестьянских ребятах, так и на жизни самих церковнослужителей, утверждал Рачинский.

Да, были в статье Рачинского некоторые верные наблюдения; правильно были отмечены недееспособность многих училищных советов, формализм указаний и циркуляров министерства просвещения. Но что он предлагал?! Сделать сельскую школу чем-то вроде филиала церкви; обязать «батюшек» вести народное образование; с помощью школы «вытянуть» их из «пустой жизни…». Рачинский был искренне заинтересован в просвещении крестьян, не жалел на это ни сил, ни времени, ни денег, содержал на свои средства несколько школ. Но он не понимал, что его выступление объективно было на руку реакции. А случилось именно так.

Симбирское духовенство тут же ринулось на дирекцию народных училищ. В «Симбирской земской газете» 28 марта 1882 года появилась статья члена Буинского уездного училищного совета влиятельного протоиерея Баратынского, в которой он обвинял дирекцию училищ в пристрастии к «отвлеченным педагогическим приемам», осуждал за насаждение на уроках «слишком формального» изучения закона божия. Он обращал внимание властей на то, что прошедший в Симбирске съезд инспекторов значительно сократил число часов по закону божию и «без всяких мотивов, и в таком урезанном виде рекомендовал программу эту законоучителям к руководству».

Баратынский был не единственным противником народной школы. И их появилось еще больше, когда министром народного просвещения стал И. Д. Делянов — один из ярых противников широкого народного образования.

Трудно было всем сотрудникам дирекции, но наибольшие неприятности выпадали, конечно, на долю Ульянова; ведь ему как руководителю предстояло давать объяснения властям, отбивать раздраженные наскоки. В борьбе за дело своей жизни приходилось быть и бойцом и дипломатом.

Еще в 1881 году всесильный обер-прокурор святейшего Синода Победоносцев получил донесение симбирского епископа о том, что все существовавшие в губернии церковноприходские школы «дирекцией народных школ, без сношения с епархиальным начальством, перечислены в ведение земства или сельских обществ». Обер-прокурор потребовал подробных объяснений. Симбирская духовная консистория обратилась с запросом к директору народных училищ.

Илья Николаевич пояснил, что «церковноприходскими школами называются такие школы, которые учреждены духовным ведомством и содержатся на его счет или на счет церквей, и таковых школ в Симбирской губернии нет. Если и есть в губернии школы, учрежденные по инициативе священников, то из этого еще не следует, чтоб такие школы были церковноприходскими». Что же касается закрытия тех из них, которые раньше имелись в губернии, то их перевод в ведение дирекции народных училищ произведен на основании циркуляра попечителя Казанского учебного округа, предписавшего в 1870 году «отбросить всякое деление начальных училищ по ведомствам».

Симбирский епископ, понимая, что допустил оплошность, старался выправить положение. Священники усиленно уговаривали крестьян составлять «приговоры» — решения сходов — о своем желании иметь церковноприходские школы. Наиболее воинственные представители земства и духовенства устно и печатно сетовали, что за последнее время из народных училищ «как метлой вымело все часословы и псалтыри», что церковноприходские школы не поддерживаются дирекцией народных училищ губернии.

Эти голоса были услышаны. Губернская земская управа на одной из своих сессий 1882 года заявила: «Пора увлечений миновала, и есть основание полагать, что преподавание в школах будет поставлено в более правильное отношение к потребностям русского народа».

Консерваторы считали время становления народной школы всего-навсего «порой увлечений». Местное духовенство не хотело

признать прав инспекторов народных училищ, утверждало, что они препятствуют преподаванию закона божия и «священной истории» в школах. «И вообще набрасывают на нас такие тени, от которых может не поздоровиться всем нам в настоящее время», — сообщал один из инспекторов в частном письме.

Отношения Ильи Николаевича со сторонниками курса «народного затемнения» становились все напряженнее. В городе даже начали поговаривать о скором его удалении со службы.

Не оставлял своих нападок протоиерей Баратынский. Редактору «Московских ведомостей» Каткову он послал статью, в которой рассказывал о «печальной истории несостоявшегося открытия церковноприходской школы» в одной из деревень из-за «антагонизма симбирского училищного совета».

Илья Николаевич чувствовал, что мнение некоторых влиятельных лиц о нем меняется. Для них он становился нежелательным работником.

«Об Илье Николаевиче, — писал из Симбирска инспектор народных училищ Аммосов в апреле 1882 года своему другу Фармаковскому, — не знаю, что сказать. Циркуляр Сабуровский совершенно презирается им, что выходит иногда дико». Инспектор имел в виду то, что Илья Николаевич игнорировал требование министра — не допускать никого к учительству «без предварительного сношения с местными губернаторами», то есть без подтверждения политической благонадежности будущих педагогов. Это означало: директор народных училищ не считается с властями, самоуправничает.

Да, он, случалось, сквозь пальцы смотрел на конфиденциальные циркуляры. В 1882 году он хотел выдать учительское свидетельство бывшему воспитаннику Порецкой семинарии Алексею Кульчихину, который был исключен из нее по политическим мотивам. Кульчихин сдал необходимые экзамены экстерном. Но вмешался губернатор. «Я знаю, — писал он директору народных училищ в особом отношении, — что с Кульчихина теперь снято обвинение в политической неблагонадежности, но он ведь и учился неудовлетворительно в семинарии». Однако Ульянов ответил губернатору, что Кульчихин после исключения из Порецкой семинарии основательно подготовился и успешно сдал установленные экзамены. Губернатор воздержался от прямого запрета допустить Кульчихина к педагогической деятельности, но не забыл в следующем письме к директору народных училищ выразить сомнение, что «хоть в какой-нибудь степени полезны для начальных школ подобные учителя». Он требовал, чтобы при подборе учителей Ульянов учитывал отзывы полицейских

чиновников о бывших поднадзорных.

Начиная с 1882 года стычки Ильи Николаевича с духовенством, губернскими властями и консервативной частью земства становятся чаще и острее. И как могло быть иначе? Ведь это было, по выражению В. И. Ленина, время «разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции». В области просвещения наступление реакции началось с известным упреждением. Причем правительство еще побаивалось урезать университетскую автономию или вводить сословные ограничения в гимназиях — эти меры затронули бы в первую очередь интересы привилегированных слоев общества. Вот почему Александр III нанес удар прежде всего по начальному образованию.

Борьба за семинарию

Губернское начальство старалось указать Ульянову на малейшее упущение в работе — в том числе и мнимое. Объектом неприязни становилась Порецкая семинария.

Началось с того, что некоторых ее воспитанников и преподавателей уличили в атеизме, политической неблагонадежности и попытках вести революционную пропаганду среди крестьян. Обвинения были серьезными. Начальник симбирского жандармского управления генерал фон Брадке доносил: «Преподаватель Порецкой семинарии В. Муратов вселял воспитанникам вредные идеи…» В богохульстве и вольнодумстве обвинялись также другие педагоги и воспитанники.

Невзлюбил семинарию протоиерей Баратынский. В статье, опубликованной в «Симбирской земской газете» еще в августе 1879 года, он сетовал, что несколько лет назад привлекались «к учительству» студенты духовной семинарии, и это было хорошо, а ныне предпочтение отдается выпускникам Порецкой семинарии, и это плохо. Священник писал, что поэтому и религиозности в начальных училищах становится меньше и меньше.

Учителя-ульяновцы в обиду себя не дали. В той же газете преподаватель А. И. Анастасиев убедительно доказывал: Баратынский отстаивает лишь свои сословные интересы. Анастасиев критиковал выпускников духовных семинарий за то, что они смотрят на службу в сельских школах как на занятие временное, «часто пользуются учебным временем для посторонних делу личных целей, например, на разъезды по окрестным местам, смотренье невест и обычные при этом попойки». Он заявил, что выпад протоиерея против учителей при «нынешнем возбужденном умонастроении» имеет «в общественном мнении значение доноса».

Баратынский был неодинок. В декабре 1879 года земская газета опубликовала анонимную статью, автор которой упрекал народные школы губернии в том, что там совсем мало говорится о «великих реформах Александра II». Другой аноним писал, что до недавнего времени обучение в школах «шло рука об руку с религией», а теперь «благодаря людям, посвятившим себя народному образованию», союз этот ослаб. Он призвал принять меры, чтобы сельская школа «не отвлекала воспитывающееся поколение от отцовских и дедовских занятий». «Из Порецкой семинарии, — доносил попечителю Казанского учебного округа алатырский предводитель дворянства, — выходят нигилисты, атеисты и вообще неблагонадежные в политическом отношении».

И заявлял, что он как председатель уездного училищного совета и на порог школы не допустит таких учителей.

Порецкая семинария в числе других была официально проверена Казанским учебным округом. Проводил проверку тот самый А. В. Тимофеев — учитель Ульянова в Астраханской гимназии, затем его начальник по службе в Пензе и Нижнем Новгороде. Он пришел к выводу, что учебно-воспитательный процесс в семинарии не лишен недостатков.

Некоторые гласные губернского земского собрания заявили, будто бы затраты на содержание учительской семинарии чрезмерно велики, а отдача, напротив, мала, а посему, мол, нужно ликвидировать стипендии в ней.

Таким образом, на семинарию нападали сразу с трех сторон. Духовенство обвиняло ее выпускников в безбожии, губернская администрация видела в ней рассадник «возмутительства», а земская управа считала, что много тратит денег на семинаристов.

Было над чем призадуматься.

Илью Николаевича больше всего тревожила позиция земства. Оно субсидирует семинарию; если гласные сочтут, что этого делать не следует, то учебное заведение окажется под угрозой закрытия. Тем более кое-кто из гласных пытался доказать, что учителя из Порецкого и по уровню профессиональной подготовки слабы.

Илья Николаевич знал, в чей огород летят эти камешки. Он все время добивался, чтобы народные учителя преподавали по усовершенствованным руководствам Ушинского, Корфа, Водовозова, всемерно расширяли кругозор детей. Нетрудно было понять, что недовольство семинаристами было в то же время и осуждением взглядов директора народных училищ на методы обучения и воспитания.

К счастью, в губернии имелись сторонники и защитники новой земской школы. Гласный от крестьян Сборщиков, выступая на сессии губернского земского собрания 1882 года, заявил, что крестьяне хотят, чтобы их дети получили в школе разнообразные знания и смогли продолжать образование в средних и высших учебных заведениях.

В поддержку Порецкой учительской семинарии выступали земские деятели — Белокрысенко, Анненков, Знаменский и другие сторонники Ульянова. Так, гласный Федоров решительно возразил против предложения о прекращении субсидий Порецкой семинарии, заявив, что ее выпускники «более приготовлены к учительской деятельности, чем остальные учителя».

Ликвидировать земские стипендии будущим учителям или сохранить? Этот вопрос обсуждался во всех восьми уездных

училищных советах. Мнения разделились поровну. Дело кончилось тем, что стипендии временно оставили.

Доказывая, агитируя, убеждая, Илья Николаевич всеми силами отстаивал семинарию. И наконец решил изложить свои взгляды в специальной «Записке об учительских семинариях и училищных советах», которую отправил в министерство народного просвещения в октябре 1883 года.

«Существование учительских семинарий, по моему мнению, неразрывно связано с существованием начальных училищ, если только последним предполагается дать прочную и плодотворную организацию, — писал он. — В самом деле, можно ли утверждать, что начальное обучение, понимаемое даже в скромных размерах сознательной грамотности, не нуждается в преподавателях, специально подготовленных к своему делу? Полагаем, нельзя, и даже самый вопрос пора считать общим местом, оспаривать которое значит утверждать, что будущему врачу нет нужды изучать медицину, садовнику — садоводство и т. п.».

Заявив, что считает вопрос о существовании учительских семинарий бесспорным, Илья Николаевич заметил, что выпускники Порецкой семинарии по уровню своей подготовки и результатам практической работы стоят выше прочих учителей. «Дорого также и то, — говорилось далее в „Записке“, — что подготовленные учителя настроены на более или менее возвышенный тон в своих отношениях к школе, и, очевидно, благодаря преимущественно этому настроению, вложенному в них педагогическим учебным заведением, их воспитавшим, они строго относятся к обязанностям и ведут себя прилично званию».

В заключение он обращал внимание на еще одну важную черту своих воспитанников: они считают педагогическую работу главным занятием в жизни, тогда как учителя, не получившие специальной подготовки, часто переходят «на должности, ничего общего с учительством не имеющие, как то: в волостные и удельные писаря, в акциозные надсмотрщики, приказчики, дьячки… Факт этот ясно определяет стремления тех и других, а равно их взгляд на учительское звание и отношение к последнему».

Не местом получения жалованья, не ступенькой в служебной карьере или к личному благополучию, а жизненным предназначением, внутренним долгом считал Илья Николаевич работу в сельской школе, «главным занятием в жизни». И не корысть или практический расчет, а зов души, убеждение должны были, по его мнению, вести учителя в класс. Именно в этом он видел главное достоинство учителя, именно об этом не уставал напоминать подопечным.

Выступления в защиту учительских семинарий вообще и Порецкой в частности были вызваны не только местными нападками. Летом 1882 года небезызвестный деятель Катков писал в своей газете, что в земских школах «задают тон полуграмотные верхогляды, просидевшие после сохи три года в так называемых учительских семинариях и трактующие свысока священника».

Директор народных училищ Ульянов доказывал, что основательность профессиональной подготовки — главное преимущество выпускников семинарий. Его аргументация была во многом созвучна высказываниям известного деятеля народного образования барона Корфа. Ведь он в «Вестнике Европы» тоже писал, что «педагогика не может не составлять главного предмета для учителя», что «ее надо изучать так же тщательно, как бухгалтеру — бухгалтерию, сельскому хозяину — сельское хозяйство, врачу — медицину».

Порецкая семинария, несмотря на все попытки расправиться с ней, продолжала пополнять ряды отлично подготовленных учителей. После выпускных экзаменов, перед отъездом в отдаленные уголки губернии молодых учителей всегда напутствовал директор народных училищ.

«Во время акта Илья Николаевич обратился к нашему выпуску с вопросом — куда мы хотели бы идти работать, — вспоминал учитель А. А. Волков. — Мы, все 22 человека… ответили хором, что в город. Илья Николаевич посмотрел на нас укоризненно и сказал, что этого, во-первых, и сделать невозможно, во-вторых, в городе культурных сил и без нас много. А потом он нам развил перспективу, показал, что мы такое, что ожидает нас в будущем, какое отрадное и великое дело быть учителем: надо стремиться идти в глушь, где тьма. И вот по окончании курса он назначил меня в село Ибреси Алатырского уезда. А я уже туда заранее съездил, увидел, что там ужас один, одни голые стены, ни парт, ни досок, даже шкафа не было. Я пишу Илье Николаевичу, что туда не пойду. Он во время вакации был в Алатыре. Вызвал меня и говорит: „Я знаю, что гаже этой школы мир не создавал, но вы покажите себя, к чему вы готовились, и сумейте сами школу поставить, как школу“».

Чтение — лучшее учение

…Как-то вечером Анна с несколько таинственным видом пригласила родителей в гостиную. Когда все расселись, появился Александр и торжественно положил на стол большую папку, на обложке которой было крупными буквами выведено: «Субботник». Так назвали журнал, который решили выпускать дети. Предстояла коллективная читка первого номера. Затея была предпринята по предложению Александра.

Выпускали журнал «как настоящий» — со всеми разделами и рубриками «толстого» издания. Рассказы, стихи, критические статьи и карикатуры — все оказалось в папке. В роли главного редактора выступал Александр, а критический отдел вела Анна. Подражая Белинскому, она довольно язвительно раскритиковала первый рассказ Володи. Он сосредоточенно и внимательно, не без тени обиды, слушал столь неожиданный для него разбор.

Субботу ждали всегда. Уроки в этот день можно было отложить на воскресенье, не спеша почаевничать. И вот теперь и без того желанные вечера стали еще дороже: чтение нового номера журнала, обсуждение детских произведений делало их такими интересными, такими радостными!

Часы досуга в семье — это, как правило, были часы чтения. Книгу ценили и любили все. С годами составилась большая библиотека. Кроме того, и у каждого из детей было свое, личное собрание книг — учебники, издания, полученные в награду за отличную учебу, подарки ко дню рождения, томики, приобретенные на карманные деньги.

Гимназический курс российской словесности тех лет был весьма куцым. О Тургеневе, Некрасове, Льве Толстом, Салтыкове-Щедрине, не говоря уже о Чернышевском, Добролюбове и других революционных демократах, не слышали в стенах гимназий ничего. А «дозволенные» писатели изучались так, что воспитанникам оставались неведомыми антикрепостнические, свободолюбивые стороны их творчества.

Книжная торговля в Симбирске была развита слабо. Научную и художественную литературу Илья Николаевич обычно выписывал у известных книгопродавцев столиц и Казани. Из-за крайней дороговизны книг на скромное жалованье не всегда можно было выписать собрания сочинений классиков или новинки литературы. И все-таки книг в доме было много. Старшие передавали младшим журналы «Детское чтение», «Родник», «Детский отдых», сборники сказок и поэм Пушкина, стихов Лермонтова, Кольцова, Никитина, басен Крылова,

популярные детские повести. Особым успехом пользовалась «Хрестоматия для всех» («Русские поэты в биографиях и образцах») Н. В. Гербеля. Ею наградили Ольгу в гимназии за успехи. Этот сборник перечитывали, заучивали наизусть отрывки из него.

Книга в доме Ульяновых никогда не была лишь развлечением — она пробуждала мысль и обостряла чувства, звала к действию.

Стремясь дать детям полное представление о родной литературе, о русской общественной мысли, отец старался с раннего возраста приохотить их к чтению серьезному. Не романы модных беллетристов, а лучшие творения русских писателей советовал он читать. «Всех русских классиков мы прочли в средних классах гимназии. Отец рано дал их нам в руки, и я считаю, что такое раннее чтение сильно расширило наш горизонт и воспитало наш литературный вкус. Нам стали казаться неинтересными разные романы, которыми зачитывались наши одноклассники», — заметит в своих мемуарах Анна Ильинична.

Став старше, знакомились с публикациями в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы». У каждого были свои любимые поэты и писатели, среди них — Писарев, Тургенев, Гоголь, Лев Толстой, Некрасов, Салтыков-Щедрин, Лермонтов и, конечно, Пушкин.

Ульяновы постоянно пользовались Карамзинской общественной библиотекой. Илья Николаевич состоял членом комитета этой одной из лучших в России провинциальных библиотек. Он участвовал в комплектовании ее фондов, внимательно следил за новинками и, конечно, тут же приносил стоящую книгу домой. Александр и Владимир в читальном зале библиотеки регулярно знакомились со свежими номерами газет.

Карамзинская библиотека для одних была источником высоких мыслей и чувств, для других — причиной беспокойства. Много волнений испытывал директор гимназии Федор Михайлович Керенский: воспитанники не столько интересовались литературой, собранной в гимназической библиотеке, сколько книгами Карамзинской. А имеющаяся там «обличительная» литература могла дурно повлиять на гимназистов. Но противостоять этой тяге было трудно. «К сожалению, — сетовал директор гимназии в донесении попечителю учебного округа, — вполне строгий контроль над ученическим чтением невозможен потому, что многие ученики берут книги не из гимназической только библиотеки, но также из общественной Карамзинской через посредство родственников или других лиц».

Не зря тянулась молодежь в публичную библиотеку. Ведь ученическая библиотека насчитывала лишь около 900 названий.

Далеко не каждый мог получить здесь даже ту книгу, которую рекомендовал учитель. А новинки, затрагивавшие злободневные общественные вопросы, вообще сюда не поступали.

Время от времени производились в Карамзинской библиотеке чистки. Изъяли из общественного пользования «Капитал» К. Маркса. В число вредных произведений попали и «Основы химии» Менделеева, «Рефлексы головного мозга» Сеченова.

Но — как это часто бывает — запрет лишь обострял желание прочитать именно запрещенное. И многие брали такую литературу у знакомых или родственников.

В гимназические годы Александр и Анна буквально «заболели» Писаревым. Отец знал, что у доктора Покровского есть Полное собрание сочинений этого писателя, и попросил дать его почитать детям. Все тома были «от доски до доски» прочитаны. И когда закончили чтение, даже приуныли — грустно было расставаться с полюбившимся автором, хотелось иметь его произведения под рукой всегда.

Илья Николаевич решил порадовать Анну и Александра. В августе 1881 года он выписал из Петербурга сочинения Писарева в шести томах. Это издание 1872 года, правда, заметно «похудело» из-за вмешательства цензуры. В нем, в частности, не было таких важных статей, как «Генрих Гейне» и «Мыслящий пролетариат» (о романе «Что делать?» Чернышевского). Поэтому Владимиру, по примеру брата и сестры, тоже пришлось прочесть писаревские томики у Покровского.

Одним из самых почитаемых поэтов был Некрасов. Илье Николаевичу особенно близки были гражданские мотивы в его произведениях, созвучные собственным его идеалам. Он знал наизусть множество стихотворений поэта, часто читал их вслух. С них и начиналось знакомство детей с некрасовским творчеством.

Иногда отец доставал из своего книжного шкафа томик «Стихотворений» Некрасова издания 1863 года, приобретенный еще в Нижнем Новгороде. Это была семейная реликвия. Томик читался и перечитывался всеми. Кое-кто не выдерживал запрета не портить книги помарками и отмечал точками и «птичками» в оглавлении книги особенно полюбившиеся стихи.

Эпизод из воспоминаний Анны Ильиничны: «Помню, что одиннадцатилетним мальчиком, в третьем классе гимназии, Саша обратил мое внимание в этой книжке на „Песню Еремушке“ и „Размышления у парадного подъезда“. „Мне их папа показал, — сказал он, — и мне они очень понравились“. И, не охотник до декламации вообще, Саша эти любимые свои стихотворения читал с большой силой выражения».

Глубоко опечалены были все вестью о кончине любимого

поэта. Анна Александровна Веретенникова — сестра Марии Александровны — откликнулась стихами:

Скорбь непробудная, скорбь безысходная,
Скоро ль вам будет конец?
Знаешь ли, русская масса народная,
Умер твой дивный певец?
Умер!.. Повсюду молчанье могильное…
Где нам, соколик, то знать…
Хлеба с берестoчкой вдоволь хватило бы,
Где уж нам книжки читать!

Илья Николаевич приобрел для домашней библиотеки четырехтомное посмертное издание стихотворений Некрасова. Стихи постоянно декламировали, даже напевали.

В семье читали все, что появлялось на страницах «Отечественных записок». Это был один из любимых журналов. Возглавлял его Салтыков-Щедрин. Интерес молодежи к творчеству Салтыкова-Щедрина, в том числе и детей Ильи Николаевича, был велик. Им была близка позиция гениального сатирика в области народного образования. Ульяновы-то хорошо знали, насколько прав писатель, говоря, что у мракобесов типа Победоносцева, Каткова и Мещерского «не стремление к распространению знания стоит на первом плане, а глухая боязнь этого распространения». Знали они и о том, что многие произведения Михаила Евграфовича занесены в списки запрещенной литературы.

Почитали в доме и Тургенева. В ноябре 1882 года Илья Николаевич отправил в петербургский книжный склад М. М. Стасюлевича письмо такого содержания: «Покорнейше прошу выслать по почте 1 экз. полного собрания сочинений И. С. Тургенева, с его портретом, в 10 томах в роскошном — коленкоровом переплете и 1 экз. сказки „Мурка“ Шмидта, изд. СПб. Фребелевского общества, по следующему адресу: в Симбирск, директору народных училищ И. Ульянову. Деньги будут высланы немедленно по получении книг и счета». Сказка предназначалась для четырехлетней Маняши, а произведения Тургенева — для старших. Вначале их прочли родители, затем Анна и Александр. Через год-другой наступил черед второй пары детей — Владимира и Ольги. Владимиру очень понравился рассказ «Андрей Колосов».

Илью Николаевича радовало, что дети тонко чувствуют красоту слова, что в них развивается искреннее и глубокое понимание замыслов писателя. Он знал: дружба с книгой — одна

из самых значительных сторон человеческого существования, она определяет характер и мировоззрение, и ненавязчиво помогал детям разобраться в непростом мире литературы, выработать взыскательность и вкус. Он понимал, что не сразу, не в один день складываются взгляды, привычки, характер. Но каждая новая страница, каждая новая мысль неизбежно остаются, запоминаются, проявляют себя в жизни и судьбе детей… Он любил прислушиваться в своем кабинете к страстным спорам, разгоравшимся в гостиной между старшими детьми после прочтения очередной литературной новинки; его несколько огорчал рационализм Александра, умиляла восторженность Анны, вызывала уважение сдержанная непреклонность Владимира. Илья Николаевич предпочитал не вмешиваться в эти горячие юношеские дискуссии, справедливо полагая, что истина, добытая в споре, всегда дороже.

Родители старались доходчиво объяснить детям даже самые сложные нравственные проблемы. В противовес официальной педагогике, полагавшей, что надо всячески оттеснять молодежь от общественных проблем, Илья Николаевич воспитывал в детях гражданские чувства. Нередко он вспоминал слова Н. Г. Чернышевского: «Лучше не развиваться человеку, нежели развиваться без влияния мысли об общественных делах, без влияния чувств, пробуждаемых участием в них. Если из круга моих наблюдений, из сферы действий, в которой вращаюсь я, исключены идеи и побуждения, имеющие предметом общую пользу, то есть исключены гражданские мотивы, что остается наблюдать мне? в чем остается участвовать мне? Остается хлопотливая сумятица отдельных личностей с личными узенькими заботами о своем кармане, о своем брюшке или о своих забавах».

Сам искренне и глубоко сочувствовавший нелегкой жизни народа, его сложной исторической судьбе, отец и в детях хотел видеть патриотов, достойных граждан Отечества. Некрасовские строчки:

Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой… —

не без умысла частенько произносил он при детях…

«Чтение — вот лучшее учение». Этот пушкинский афоризм был повседневным правилом в жизни Ульяновых. Не только художественная литература заполняла полки домашней

библиотеки. Тут были тома и с такими притягательными названиями, как «Космос для юношества», «Метеорологическое обозрение России», «Беседы о земле и тварях, на ней живущих», «Жизнь европейских народов». Часами можно было листать их, узнавая так много интересного, полезного! А наглядные пособия по физике, химии, естествознанию, которые отец выписывал из Петербурга?! С нетерпением ждали дети того часа, когда отец поведет их в физический кабинет, на телеграф или метеостанцию, расскажет о том, как работают сложные приборы, назовет имена их создателей.

Дать детям разностороннее образование, расширить общий кругозор — вот к чему стремились родители. И не простая утилитарная цель имелась тут в виду — окончить гимназию, выбиться в люди. Высший смысл стремления к знаниям Илья Николаевич находил в словах Дмитрия Ивановича Писарева: «… Общее образование есть скрепление и осмысление той естественной связи, которая существует между отдельной личностью и человечеством… Давая вам возможность интересоваться теми вопросами науки и жизни, которые занимают лучших и умнейших людей вашего времени, общее образование обогащает ваше существование такими тревогами и наслаждениями, которые совершенно непонятны и недоступны вашим необразованным современникам и соотечественникам…»

Илья Николаевич радовался, видя, как взрослеют дети, как растет в них интерес к важнейшим проблемам жизни и науки. Анна увлекалась поэзией, писала стихи. Очень по душе была отцу серьезная заинтересованность Александра естественными науками. Еще шестиклассником он начал собирать маленькую лабораторию в своей комнате: выпаивал стеклянные трубочки на спиртовой лампе, проводил опыты, увлекался гальванопластикой.

Позднее Александр начал систематически заниматься химией «по Менделееву», часами пропадал в своей лаборатории. Родители беспокоились за здоровье сына и старались вытаскивать его на прогулки, на игру в крокет. Но это было не так-то легко. Всерьез, упорно заниматься естественными науками Александр стал не без влияния Писарева. Он, в частности, разделял мысль о том, что «естествознание составляет в настоящее время самую животрепещущую потребность общества». Илья Николаевич очень серьезно и бережно относился к увлечению старшего сына. И когда в январе 1882 года Александр составил заявку на химическое оборудование в магазин оптики и механики в Петербурге, отец подписал ее, хотя оборудования набралось на приличную сумму — на 24 рубля. Он верил, что сын добьется больших успехов в науке, и помогал ему во всем.

Выпад Воейкова

Наступление политической реакции продолжалось. Главным инструментом давления на школу была церковь.

Идею полного подчинения начальной школы церкви обосновывал и упорно проводил в жизнь обер-прокурор святейшего Синода Победоносцев. Он полагал, что лишь под эгидой духовенства могут быть гарантированы условия для «правильного» и «благонадежного» воспитания детей. И призывал правительство всячески поддерживать и поощрять действия церкви в этом направлении. Он считал, что попы не хуже педагогов сумеют обучить чтению, счету и письму; но при этом еще будет заметно усилен и дух веры, покорности, послушания. Комитет министров одобрил такую точку зрения и выразил убеждение, что «духовно-нравственное развитие народа, составляющее краеугольный камень всего государственного строя, не может быть достигнуто без предоставления духовенству преобладающего участия в заведовании народными школами».

13 июня 1884 года Александр III подписал «Правила о церковноприходских школах». Духовенству рекомендовалось повсеместно открывать свои учебные заведения. Перед церковноприходскими школами ставилась цель: «Утверждать в народе православное учение веры и нравственности и сообщать первоначальные полезные знания». В перечне учебных предметов значились: закон божий, «священная история», церковное пение, чтение церковной и гражданской печати и письмо, начальные арифметические сведения. Срок обучения определялся в два года. Руководили школами епархиальные училищные советы.

Передовая общественность России негодовала. Один из известных педагогов страны, Николай Федорович Бунаков, автор учебников и пособий для начальной школы, убежденный сторонник всеобщего обязательного и бесплатного образования, назвал «Правила о церковноприходских школах» мерой для задержания успехов народного образования на Руси Он писал: «… Стали открывать… „церковноприходские“ якобы „школы“. Началась яркая пропаганда идеи о полной передаче духовенству всего дела народного образования — это нашему-то невежественному, распущенному и корыстному духовенству, конечно, не без исключений, весьма немногочисленных, всегда бывшему угодником — только не перед богом, а перед всякими земными властями и вообще перед сильными мира сего».

Наступили самые трудные дни работы Ильи Николаевича.

Атаку на народную школу в Симбирской губернии возглавил

крупный сызранский помещик Воейков. Выступая на очередной сессии уездного земского собрания в декабре 1884 года при обсуждении ассигнований на начальное образование, он заявил, что не пожалел бы денег, если бы был уверен, что они пойдут «на одно благое просвещение». «Но мы не должны забывать время, в какое живем: под флагом просвещения провозится неприятельский груз… Земству предстоит прежде всего решить, к чему стремятся те школы, которые оно поддерживает. Что у нас не так все благополучно, как рисуют нам, — заявил Воейков, имея при этом в виду отчеты Ульянова, — я заключаю уже из того, что церковному пению в этом отчете не нашлось места, а о церковнославянском чтении упоминается лишь для того, чтобы сказать, что обучение ему решено отложить на год, т. е. начинать на втором году учения». А ведь эти учебные предметы «Правила» причисляли к главнейшим. Поэтому Воейков и предложил земскому собранию выделять средства в первую очередь тем школам, в которых преобладающее значение придается церковной грамоте.

По мнению Воейкова, «в воздухе носится болезнь», чаще поражающая тех лиц, «которые случайным и неуравновешенным развитием отдалены от семьи (подразумевались дети крестьян и разночинцев, окончившие начальные и средние учебные заведения. — *Авт.),* оторваны от прежних занятий, ни в себе, ни в своих естественных руководителях не могут найти достаточный отпор против вредных учений, которые неминуемо доходят до них как путем явной и подпольной литературы, так и непосредственной устной пропаганды».

Воейков рекомендовал земству прежде всего «отказаться от ложного взгляда, что задача (народной школы. — *Авт.)* заключается в развитии ребенка и сообщении ему самыми легкими усовершенствованными приемами возможно большей массы знаний». В его речи повторялись чуть ли не дословно суждения Победоносцева. Но если обер-прокурор святейшего Синода имел в виду последователей Ушинского вообще, то симбирский помещик прежде всего подразумевал постановку народного образования в своей губернии. И все его рассуждения адресовались если не лично Ульянову, то возглавляемой им дирекции.

Что происходит с крестьянскими ребятами после окончания школьного обучения, спрашивал Воейков и отвечал: многие из них тоже становятся земледельцами и легко утрачивают приобретенные знания. В этих случаях, по его мнению, «земские пособия и затраты крестьян на школы пропадают напрасно». Но школа, если развитие в ней мальчиков ведется «столь успешно,

что значительный процент их вырывается из земледельческой среды и обращается к другим, более легким занятиям… легко может быть и вредною…».

По словам Воейкова, составители учебников и учителя относятся пренебрежительно к «ясно определившимся религиозным понятиям и стремлениям народа». И вдобавок «казенно-земская школа» развивает у своих воспитанников «стремления и желания, не давая никаких средств для их удовлетворения», то есть способствует пополнению рядов людей, «составляющих угрозу для порядка». И «трудно представить те беды, которые грозят нам, — продолжал он, — если не будет принято своевременно мер для прекращения обильного притока свежих сил в эту вредную среду».

Напомнив, что разночинцы и городские жители гораздо чаще попадают в ряды недовольных и озлобленных, чем дети крестьян, Воейков тем не менее заметил, что «хотя из политических преступников всего менее лиц крестьянского сословия, но зато все обвиняемые крестьяне прошли сельскую школу и окончательно были испорчены дальнейшим образованием. Едва ли можно приписать простой случайности тот факт, что полуобразованные крестьяне даже легче лиц других сословий становятся орудием агитаторов». После доказательств того, какие беды несет «казенно-земская школа», симбирский охранитель устоев с похвалой отозвался о распространении грамотности с помощью «старок» (не вышедших замуж крестьянок), отставных солдат, дьячков.

Один из многих единомышленников Победоносцева опасался, что в сельской школе крестьянские дети научатся анализировать факты, размышлять о жизни. Воейков предлагал земцам и панацею от бед: опыт бывшего профессора ботаники Московского университета Рачинского. Брошюру этого рьяного сторонника церковноприходского образования он рекомендовал в качестве основного руководства. А говоря о положении дел в Симбирской губернии, подчеркнул как большое упущение: «Пересмотрев отчеты, мы напрасно стали бы искать в них указаний на то, как родители смотрят на школу или что делается с мальчиками по окончании курса учения; и то и другое не входит в официальные рубрики отчета и не останавливает на себе внимания господ инспектирующих… Мы полагаем, что по этим отчетам очень трудно ответить добросовестно на вопрос: сохраняется ли грамотность в самом элементарном смысле у окончивших курс или она быстро утрачивается».

В заключение Воейков предложил народным учителям представить в училищную комиссию земства сведения:

1. О положении преподавания церковнославянского языка и пения.

2. О занятиях кончивших курс в училищах (по возможности за все время их существования).

3. Познакомившись с суждениями Рачинского, народные учителя должны были сообщить, в чем они не согласны с его предложениями и что должно быть устроено иначе в тех школах, где они работают.

Земское собрание одобрительно отнеслось к инициативам Воейкова и избрало специальную комиссию для их осуществления. Одновременно было отклонено ходатайство председателя сызранского уездного училищного совета, возглавлявшегося, между прочим, предводителем дворянства, о выделении тысячи рублей на нужды просвещения.

Речь Воейкова была напечатана в «Симбирской земской газете». За пятнадцать с лишним лет работы в инспекции и дирекции народных училищ Илье Николаевичу не приходилось встречать столь резких выпадов в свой адрес. Удар нанес человек, который некогда поддерживал дирекцию, а тринадцать лет назад, в 1871 году, даже помогал проводить съезд народных учителей в школе при своей фабрике близ Сызрани. Изменилась политическая обстановка. И разве только один Воейков перешел в лагерь противников народного образования? Взять того же протоиерея Баратынского. Кто, как не он, в 70-х годах в качестве члена училищного совета вводил в Буинском уезде лучшие методы обучения, стоял за «Родное слово» Ушинского, рекомендовал изучать книги Корфа, Водовозова и других видных педагогов России, был деятельным сторонником народного образования? А теперь он публично клянет себя за увлечение передовыми педагогическими идеями. И яростно нападает на дирекцию народных училищ за то, что та якобы насаждает безверие среди юношества и нигилизм… Ему вторит известный деятель духовенства, член губернского училищного совета протоиерей Никольский. Этот вообще считает, что инспекторам дирекции даны непомерные права, что они в корне неправильно подходят к самой проблеме начального образования, потакают утверждению вольномыслия среди учителей.

Много невзгод и неприятностей выпало на долю Ильи Николаевича. Легко было впасть в отчаяние. Но и в такое мрачное время он сохранял бодрость духа и поддерживал у своих сторонников веру в возможность отстоять начальную школу от посягательств крепостников и церковников.

Илья Николаевич не чувствовал себя одиноким. Многие

лучшие люди России — Салтыков-Щедрин, Николай Шелгунов, Менделеев, даже публицисты таких популярных умеренно-либеральных изданий, как «Вестник Европы» и «Русские ведомости», продолжали выступать за столь необходимое для страны развитие начального образования. С резкой критикой сторонников церковноприходских школ в печати выступали известные педагоги Водовозов, Бунаков, Стоюнин. Их выступления помогали Илье Николаевичу отражать нападки недругов.

С каким удовлетворением читал он статью Водовозова «Новый план устройства народной школы» в «Вестнике Европы»! В ней заслуженный педагог и писатель весьма убедительно показал несостоятельность предложений Рачинского. Водовозов писал: «Школа должна быть светскою даже в том случае, если бы в ней преподавал священник, потому что она готовит не к религиозному созерцанию, а к деятельной жизни». В обращении к читателям он предлагал подумать, «что происходит в голове юноши, который затвердил сказку Пушкина о царе Сал-тане, толкования на псалтырь и прочел одну из драм Шекспира, не получив при этом совершенно ни о чем никаких других сведений…»

Очень существенной поддержкой для Ильи Николаевича и других сторонников народной школы явились выступления популярнейшего публициста, одного из властителей дум передовой интеллигенции Николая Васильевича Шелгунова. Его статья «По поводу земской школы», появившаяся в журнале «Русская мысль» вскоре после опубликования «Правил о церковноприходских школах», передавалась учительством из рук в руки.

Шелгунов высоко оценил движение, у истоков которого стояли Ушинский, Водовозов, Корф и другие «даровитые, знающие и фанатически преданные делу народного образования писатели, воспитатели, учителя, создавшие никогда еще не слыханную в России педагогию и установившие народную школу на научных основах».

«Только те, кто стоял у самого дела, могут оцепить вполне тот, по-видимому, мелочный, но, в сущности, гигантский труд, который вынесли на своих плечах творцы нашей народной школы. Для этого мало было одной энергии — требовалась страстная любовь в делу, известная настойчивость и даже упрямство в достижении цели. Двигал людьми не казенный формализм, не служебная исполнительность, а та благородная, одушевляющая сила, которая зовется искрой божьей. И может быть, ни на каком другом поприще жизнь не выдвинула столько

беззаветных энтузиастов, которые, несмотря ни на какие лишения, толчки или неприятности, всецело охваченные любовью к ближнему, отдавали все свои силы, чтобы внести свет в темный мир заброшенной русской деревни. Это не фразы!»

Какие это были справедливые и убедительные слова! Большое чувство благодарности испытал Илья Николаевич, вчитываясь в эти строки. Как верно, как образно пишет Шелгунов: «Теперешняя народная школа, как теоретическая и практическая система, есть целое здание, над которым мыслящая Россия трудилась двадцать лет. Этого здания и опыта не вычеркнешь ни прочерком пера, ни газетными статьями, и кто бы ни стал открывать школу, он обратится к этому нашему умственному фонду, в котором только и можно найти руководящие указания по народно-школьному делу».

В такой обстановке приступил Илья Николаевич к составлению очередного отчета за 1884 год. Большинство статистических данных он привел по общепринятой форме. Но в заключительной части отчета, где был волен сделать свой вывод, написал: «Отношение земства, городских учреждений и сельских (то есть крестьянских. — *Авт.)* обществ Симбирской губернии к состоянию и направлению народного образования может быть признано вполне благоприятным, так как участие всего населения губернии в поддержании существующих начальных училищ и в дальнейшем их улучшении не только не ослабевает с течением времени, но, напротив, постепенно развивается. Так, общий расход по губернии на дело народного образования простирается в отчетном году до 228 870 руб. 39 коп. Такие значительные по настоящее время затраты на дело народного образования могли быть сделаны только при полной солидарности местных учреждений и сельских обществ с принятым в наших школах направлением, чуждым какой бы то ни было односторонности и строго согласованным с Высочайшим о них Положением, а также и со взглядами самого народа на дело народного образования».

Илья Николаевич счел нужным публично сказать о предвзятости нападок Воейкова. «Совершенную противоположность с этим общим и вполне определившимся отношением местного населения к направлению и к успехам народного образования в Симбирской губернии представляет единичный, не вполне благоприятный отзыв об этом же предмете гласного Сызранского земского собрания г. Воейкова. Но его отрицательное заключение о состоянии нашего народного образования, — отмечал далее Ульянов, — не разделяется, насколько нам известно, ни одним из земств Симбирской губернии и даже членами Сызранского училищного совета, и

могло быть высказано г. Воейковым только потому, что он, по словам собственного заявления, „жил уже несколько лет большую часть года вне Сызранского уезда, не имел возможности лично ознакомиться с подробностями ведения школьного дела во всех училищах“».

Редактор «Симбирской земской газеты», где печатался отчет Ульянова, он же председатель Симбирской губернской земской управы и верный сторонник Воейкова, счел нужным сделать пространное примечание к этому месту отчета:

«Здесь недоразумение. Заключения о состоянии нашего народного образования гласный Воейков никакого не делал. Сущность его заявления на сызранском собрании и комиссии заключается в указании на неудовлетворенность потребности народа, на недостаточное развитие в школах церковнославянского языка и пения и в предложении избрать комиссию для исследования настоящего положения школ, которая уже и даст свое заключение…

Затем сызранское земское собрание приняло к руководству следующее замечание того же гласного Воейкова относительно расходования сумм на училища:

1) чтобы ни одна копейка из них не пошла на цели, противные желаниям земства, и

2) чтобы в расходовании остальной суммы немедленно высказалось преобладающее значение, которое придает земство церковной грамоте и пению, с одной стороны, как элементу нравственному в школе, и развитию ремесел — с другой».

Редактор заключил: «Это… едва ли доказывает полную солидарность местных учреждений с принятым в наших школах направлением».

В своем отчете Илья Николаевич фактами доказывал, что «1884 год по направлению и результатам учебно-воспитательного дела в Симбирской губернии принадлежит вообще к довольно благоприятным». Он приводил конкретные данные. В Алатырском уезде, например, прирост учащихся ежегодно увеличивается. За последние семь лет учеников там стало вдвое больше, если в 1877 году училось 1144 ребенка, то теперь их — 2229. А решения городских и сельских обществ о постройке новых зданий для школ, о значительном повышении жалованья почти сорока учителям?! Илья Николаевич был объективным и не скрыл того, что в 1884 году крестьянство выделило на содержание начальных народных училищ в губернии на 7058 рублей 7 копеек меньше. Но это не из-за неприязни крестьян к школе, а потому, что они обеднели после больших неурожаев.

В силу своего служебного положения Илья Николаевич не мог

ничего не сказать о церковных школах. Не кривя душой, он написал, что в губернии школ не хватает, необходимо открывать новые, и поэтому «нельзя не сочувствовать изданию положения о церковноприходских школах, которое, ставя обучение сельского населения грамоте задачею местного духовенства, будет способствовать увеличению числа училищ».

Ознакомившись с отчетом Ульянова за 1884 год, училищная комиссия сызранского уездного земства отметила: вряд ли можно ожидать, что скоро изменятся школьные дела в «желательном направлении под воздействием дирекции училищ Симбирской губернии». Нескрываемое раздражение звучало в следующих словах: «Так, например, отчет не заметил постановлений сызранского собрания прошлого года, в котором столь ясно выразилось отношение земства к школам, а ограничивается одними лишь упоминаниями о том, что слова гласного (Воейкова. — *Авт.),* потребовавшего проверки действительного положения школ, вызваны, очевидно, лишь тем, что означенный гласный, по собственному сознанию, большую часть года проводит вне Сызранского уезда».

Нет, Илья Николаевич заметил все, и еще до появления этих строк в газете по его указанию начался сбор сведений о результатах деятельности народных школ за последние десять лет. Он был уверен, что это поможет опровергнуть измышления Воейкова и его приспешников.

Крестьянская благодарность

Итак, сторонники церковноприходских школ и усиления «религиозного элемента» во всей системе народного образования утверждали, что большинство крестьян якобы недовольно земскими сельскими школами и считают их даже вредными.

Опровергнуть эти доводы лучше всего можно было путем опроса тех, кто получил начальное образование в последние годы. Только тщательное обследование убедительно показало бы, кем стали бывшие ученики, не забылось ли учение, насколько оно пригодилось в жизни.

Илья Николаевич решил провести такую проверку, начав с Карсунского уезда, который соседствовал с Сызранским (где жил Воейков) и находился примерно в равных с ним экономических условиях. Немаловажно было и то, что карсунский училищный совет был способен начать дело и довести его до конца.

Возглавить обследование вызвался Алексей Алексеевич Красев. Семь лет он работал инспектором. Чем больше Илья Николаевич приглядывался к помощнику, тем больше убеждался, что Красев труженик, искренне преданный народному образованию. Его любили учителя и дети. Добродушным характером, начитанностью, любовью к музыке Алексей Алексеевич пришелся по душе и Марии Александровне, стал желанным гостем в доме Ульяновых.

Обследование решено было провести так. Для учеников и учениц, окончивших курс учения за последнее десятилетие, устроить проверочные испытания. Учителям, в том числе и законоучителям-священникам, предлагалось ответить на вопросы анкеты: «Где живут и чем занимаются бывшие ученики сельских училищ; читают ли они книги и какие именно; какие книги имеются в их семействах; упражняются ли бывшие ученики и ученицы в письме и, наконец, каково общее их развитие и нравственная настроенность?» Лучших преподавателей попросили составить записки и воспоминания о жизни своих школ, рассказать о судьбе воспитанников.

Дети крестьян… У Ильи Николаевича всегда сжималось сердце при встрече с ними. Нередко полуголодные, почти всегда плохо одетые, они с большой охотой тянулись в школу, если там работал хороший учитель. И в этом случае ничто не могло удержать их дома — ни мороз, ни слякоть, ни версты раскисшего от дождей или заметенного снегом проселка. Коли уж пробуждался в крестьянском парнишке интерес к знанию, никакие трудности не способны были отлучить его от школы.

Приходилось Илье Николаевичу учить детей и дворян, и чиновников, преподавать в Дворянском институте и в гимназии. Всегда он относился к воспитанникам с добром и лаской; они его любили и уважали. Но крестьянские дети почему-то были ему роднее и ближе прочих. Может быть, в них виделось ему собственное горькое детство, вспоминались годы нужды и лишений…

Ребятишки эту любящую душу в директоре училищ распознавали быстро и сразу заносили его в число своих любимцев. Стоило появиться в классе, как уже каждый старался посадить его рядом, показать тетрадку, подержать за руку, поделиться с ним новостями. Иной даже под партами тихонечко пробирался — лишь бы оказаться поближе к гостю. И такой трогательной, такой волнующей была эта детская любовь и доверчивость, что подчас отнюдь не сентиментальный по натуре Илья Николаевич умилялся чуть не до слез…

Ему нравилось наблюдать за детьми, разговаривать с ними. Нередко он, уже будучи директором училищ, сам вел занятия, проверял домашние задания, экзаменовал. Он не уставал напоминать учителям: перед нами маленькие граждане, души которых чисты и открыты для добра, справедливости, знания. Любая ваша ошибка больно отзовется в них; любое доброе семя непременно прорастет и скажется в жизни. Школьные годы — это время посева; урожай будет зависеть от вашего педагогического таланта, опытности, привязанности к ученикам. Дело, в конце концов, не только в качестве учебников, в оснащенности школы наглядными пособиями. Личность учителя — вот главное богатство школы; от нее зависит, оставит ли школа след в душе человека. «Запомните, — любил повторять он, — школа держится не страхом наказаний, а авторитетом преподавателя, умением его правильно занять детей, способностью его владеть их душевным настроением — словом, силою постоянного, глубокого нравственного влияния на детей…»

Это была первейшая его заповедь педагогам. И вот теперь предстояло выяснить, как она проявилась в жизни, не напрасными ли оказались и его личные усилия, и старания коллег-учителей.

Проверочные испытания были проведены в апреле 1885 года. В состав экзаменационных комиссий вошли учителя и попечители.

Бывшие ученики пришли на экзамены радостные, празднично одетые, словно хотели доказать, что они учились не зря, что они не забыли и никогда не забудут доброго и полезного.

Две тысячи восемьсот сорок два человека отвечали на

вопросы. Около двух тысяч из них продолжали заниматься земледелием. Остальные работали на фабриках и заводах, стали ремесленниками, работали письмоводителями, портными. Многие юноши, попав на военную службу, стали писарями, унтер-офицерами. Некоторые — учителями народных школ.

Тяжелая работа, трудная жизнь, сельский быт порою вовсе заставляли забыть те начала грамоты, которые за три зимы учения ребята получали на уроках. И все-таки испытания показали, что бывшие ученики «сохранили и даже значительно развили в себе технику чтения по книгам русской печати, причем в понимании прочитанного обнаружили гораздо большую быстроту, сообразительность и широту, чем какими обладали они при окончании курса учения». Не забылось и славянское чтение. Выяснилось, правда, что книги на селе достать непросто, поэтому читают то, что имеется в церковной библиотеке или продается на базарах: сказки, рассказы из русской истории, календари, учебники и хрестоматии, изредка — произведения популярных русских писателей.

Арифметику тоже помнили: складывать и вычитать, умножать и делить, даже в уме, выпускники отнюдь не разучились. Это было объяснимо: с элементарным счетом крестьянину приходилось встречаться почти повседневно.

А вот с письмом оказалось сложнее. Сельская жизнь, по словам Красева, «не мать, а мачеха всякого знания», предоставляла весьма мало поводов браться за перо или карандаш. Письмо к ближайшему родственнику, запись в поминании «за здравие» или «за упокой», учет прихода и расхода, расписка на документе — вот и все. Однако и грамоту проверяемые не забыли, а многие весьма толково излагали свои мысли и впечатления.

Но вот что оказалось неожиданным — путались и терялись крестьяне на экзамене по закону божию. Не уложились в их головах, казалось бы, навечно вызубренные церковные постулаты…

Проверка в Карсунском уезде лишь укрепила репутацию народных училищ: каждый пятый ответ комиссии оценили на «отлично», две трети — хорошими и посредственными баллами, и лишь восемь человек из ста отвечали неудовлетворительно. Илью Николаевича и его помощника, конечно, радовали эти результаты.

А как отзываются родители, учителя, священники о поведении воспитанников после окончания школы? Она благоприятно воздействует на человека — таков был общий вывод. Правда, нашлись два священника, которые заявили, что у

некоторых мальчиков появилось «ученое самомнение и гордость», «неуважение к отцу и вообще к старшим, а затем и желание освободиться от отцовской опеки и тяжелого земледельческого труда, имея при этом в виду сделаться каким-либо писарьком или кем-либо вроде этого». Но одновременно с этим почти два десятка священников, не сговариваясь, написали «записки», в которых отмечали необычайно благоприятное влияние школы на характеры бывших учеников, на их отношения в семейной жизни. «Скромность их поступи, сосредоточенность во взгляде, сравнительная учтивость в разговоре и манерах, уменье и готовность ответить прямо на предложенный вопрос — вот, — по словам священника Лаврова, — постоянно присущие бывшим школьникам черты, которых напрасно вы будете искать в крестьянских детях, не обучавшихся в училище… Смело можно утверждать, что бывшие ученики навсегда застрахованы от грубого суеверия… Бывшие ученики охотно берутся за работы и исполняют их с большей осмысленностью и энергией, чем совсем не обучавшиеся их сверстники… Сомнение в народно-воспитательном значении современной сельской школы должно быть признано, таким образом, недоразумением пли предубеждением». «Народные школы, — писал другой законоучитель, — оказывают благотворное влияние на крестьянскую массу во всех отношениях…»

Итоги проверочных испытаний, суждения учителей показали: народ проголосовал за школу. Результаты столь интересного обследования Илья Николаевич отправил руководству учебного округа.

Опрос выпускников сельских школ был главной, но не единственной заботой той весны. Общественность России, как и других славянских стран, отмечала тысячелетие со дня кончины великого славянского просветителя Мефодия — одного из двух создателей славянской письменности. Православная церковь причислила Кирилла и Мефодия к лику святых и учредила в их честь особый праздник. Однако в 1885 году отмечался не только религиозный праздник. Торжества проходили как смотр достижений болгарской и русской культуры. В те дни с новой силой прозвучал призыв к просвещению народа.

Конечно, Илья Николаевич никак не мог остаться в стороне от этого. Еще задолго до 6 апреля — дня торжеств — в школах учителя рассказывали о вкладе знаменитых болгар в развитие славянской культуры, знакомили детей с историей Болгарии, с первой азбукой. Директор училищ принимал во всем этом живое участие; сам не раз выступал в школах и училищах. С помощью старшего сына он выписал из столицы две тысячи пятьдесят

экземпляров брошюры «Жизнь и подвиги святых Кирилла и Мефодия». Илья Николаевич хотел бесплатно раздать их ученикам и в губернском центре, и в уездах. Он воспринимал эту годовщину как важнейшую веху в истории отечественной культуры и старался сделать этот день особенным.

Торжественный акт для учеников начальных школ проводился в самом большом помещении города — в зале городского общества. Оно было празднично украшено, убрано зеленью, специально к этому дню на большом щите нарисовали буквы церковнославянской азбуки.

Из всех школ города пришли ученики к дому городского общества. Здесь же были и взрослые. В зале, к смежных комнатах, в коридорах и на лестницах — везде толпился народ. После короткого молебна, который сопровождался пением сводного школьного хора, Илья Николаевич рассказал о жизненном пути и заслугах Кирилла и Мефодия, подчеркнув непреходящую ценность их духовного подвига во имя славянской культуры, Он порекомендовал на школьных экзаменах по русскому языку написать изложение на тему: «Описание празднования 6 апреля».

…Тем и закончился учебный год — предпоследний в жизни Ильи Николаевича.

Дети и родители

Во всех делах Илью Николаевича поддерживала большая и дружная семья. Дома, среди детей, рядом с женой он находил умиротворение, счастье, покой.

Все ладилось в доме. Спокойная взыскательность Марии Александровны и аккуратность воспринимались детьми как непременное условие жизни. Ее требования были разумны и понятны; ее глубокая любовь к ним не перерастала в попустительство. Порядки, заведенные хозяйкой дома, не оспаривались, ибо были продуманны и целесообразны. Быть не могло, чтобы дети разбрасывали где попало свою одежду или вещи. С самых первых шагов с завидной настойчивостью мать воспитывала в них аккуратность, привычку к самодисциплине, сдержанность и такт. Мария Александровна, сама выросшая в труде, не хотела видеть своих детей белоручками. С ранних лет все они имели свои обязанности, у всех были заботы по дому.

Никакой роскоши Ульяновы не знали. На стенах висели географические карты; в комнатах детей обязательно имелась полка или шкаф для книг. Но, довольствовавшаяся скромной обстановкой, семья обзавелась тем не менее отличным роялем — Мария Александровна была прекрасной пианисткой.

По предложению Марии Александровны было установлено, что один день все разговаривают по-русски, один — по-французски и один — по-немецки. Эта домашняя игра сослужила детям добрую службу — они постоянно упражнялись в языках и, естественно, быстрее овладевали ими.

Многие черты своей жены Илья Николаевич с удовлетворением подмечал в детях: они, как и мать, не терпели многословия и безделья, в них не было жеманства и лицемерия; они доводили любое начатое дело до конца. Родители знали: дети видят и понимают все. Их нельзя воспитать настоящими людьми, если будешь говорить одно, а делать другое. Отношению к жизни они учатся у взрослых, замечая любой фальшивый шаг и жест.

…Дети росли, поднимались один за другим. И так уж повелось — старшие незаметно становились воспитателями младших, со старших младшие брали пример. Давно ли, казалось, Володя тихонько, чтоб никто не видел, откручивал ноги игрушечной лошади, пытаясь узнать: что там, внутри? Давно ли гонял сестренку Олю под диван, веселя себя и ее командой: «Шагом марш из-под дивана!» А сейчас вот-вот закончит гимназию, серьезен, вдумчив и упорен. Раз уж решил что-то

сделать, обязательно добьется своего.

Характеры у старших были разные. Александр — молчаливый, сосредоточенный, с беспощадной требовательностью к себе, рано осознавший суть своих интересов и увлечений. Анна — романтичная, эмоциональная, легковозбудимая, увлекающаяся поэзией и музыкой. Владимир — не по годам развитый и начитанный, уверенный в себе, тонко и точно подмечающий в людях смешное и глупое. Оля — его верная и близкая подруга, преданная брату, подражающая ему, резвушка и шалунья, тем не менее весьма прилежно учившаяся, как, впрочем, и все. Митя и Маняша тянулись за старшими.

Подрастая, дети все больше радовали родителей. Наступила та счастливая пора, когда Илья Николаевич смог полушутливо, но со скрытой гордостью сказать как-то Вере Васильевне Кашкадамовой:

— У нас в семье плохих детей нет.

Незаметно подошло время грустной, но неизбежной разлуки — Саша и Аня окончили гимназию и в августе 1883 года уезжали учиться в Петербург.

Александр поступал в университет. Пошел по дороге, которую давно сам себе наметил: заниматься любимыми естественными науками. Отец и мать уговаривали Сашу: зачем ехать в Петербург, рядом Казанский университет, который кончал Илья Николаевич, в Казани живут родственники. Но Александр твердо решил учиться только в столице: там работают лучшие ученые страны — Менделеев, Бутлеров, Сеченов, Докучаев, Бекетов… там представлен цвет русского естествознания. Родители на своем не настаивали.

1 сентября 1883 года Александр начал занятия в Петербургском университете. Следом за братом в столицу уехала Аня. Она поступила на Высшие женские Бестужевские курсы. Так началась их студенческая жизнь.

Годы были тяжелыми для русской науки. Яростную атаку против «материализма и безбожия» возглавлял обер-прокурор святейшего Синода Победоносцев. В новом университетском уставе, утвержденном Александром III, самостоятельность профессорских коллегий была урезана; университетские преподаватели были низведены до положения обычных чиновников, их могли заменять и увольнять как заблагорассудится начальству. Уменьшилось число стипендий в университетах, повышалась плата за обучение, урезались средства на научные цели. Многие студенты были недовольны введением обязательной форменной одежды. Устав поставил вне закона студенческие землячества, кассы взаимопомощи и

кухмистерские.

С первых же дней петербургской жизни Александр с головой ушел в науку. Маленькая комната, которую он снимал на Песках, была полна, как и летняя кухня в Симбирске, химических реактивов, приборов, книг. Он упорно занимался исследованиями, и единственное, что его огорчало, — нехватка времени. Он даже не ездил домой на зимние вакации — проводил их в университетских лабораториях. Но отец и мать знали, что старший сын отказывает себе в поездках еще и потому, что не хочет обременять скромный родительский бюджет дорожными расходами.

Однако с нетерпением Александр ждал летних каникул. Когда приезжал домой, то казалось — он ничуть не изменился. С удовольствием возился с Митей и Маняшей, подолгу разговаривал с Владимиром и Ольгой, играл с ними в шахматы и крокет, рассказывал о своих зоологических и химических опытах. Летом 1884 года он пропадал целыми днями на Свияге, изучая водную фауну. Он всерьез заинтересовался зоологией простейших животных и собирался писать на эту тему научную работу (что и сделал блестяще, получив за нее в 1886 году золотую медаль).

Илья Николаевич видел, что Александр стал вполне взрослым человеком, со своими взглядами на жизнь, на свое место в ней. Его успехи позволяли надеяться, что после окончания университета сын останется при кафедре для подготовки к профессорскому званию. К научной деятельности Александр имел явную склонность и необходимые данные. Профессор университета — вот каким представлялось Илье Николаевичу будущее сына, и он опасался, что увлечение политикой может помешать достичь вершин в науке.

Александр чувствовал это опасение и в письмах из Петербурга всегда старался успокоить родных. «Ты, вероятно, беспокоишься, читая о беспорядках в Киевском и Московском университетах, — писал он отцу в октябре 1884 года. — У нас пока все спокойно: никаких признаков возбуждения не заметно. Перемен тоже никаких нет».

Отец и сын понимали друг друга с полуслова. По осторожным письмам Александра Илья Николаевич безошибочно судил о состоянии и мыслях сына. «М. Семевский, приват-доцент русской истории и очень хороший профессор, не будет, говорят, больше читать; это, впрочем, приписывают не столько новому уставу, сколько приезду Бестужева-Рюмина, с которым он почему-то не в ладах», — писал Александр из Петербурга, и за этими спокойными словами чувствовалось возмущение тем, что видный историк отстранен от общения со студентами, что ему приклеен

ярлык «развратителя молодежи».

И новый устав Александр не одобрял и не считал нужным скрывать это. Он писал: «Новый университетский устав начинает сказываться своей единственной хорошей стороной — расширением приват-доцентуры». В одном из писем Александр с явным огорчением сообщил, что попечитель Петербургского учебного округа профессор Ф. М. Дмитриев, которого отец хорошо знал и с которым сотрудничал еще несколько лет назад, когда Федор Михайлович жил в Сызрани и помогал в становлении сельских школ, подал в отставку «по несогласию с новым уставом».

…Летом 1885 года Александр отдыхал в Кокушкине. Отдаваясь увлечению естествознанием, он пропадал то на реке, то у себя в лаборатории на чердаке. Отец не спешил с расспросами, приглядывался. Характер у Саши был крепким. Илья Николаевич никак не мог забыть, как, вернувшись в первые каникулы домой, он молча протянул отцу несколько десятков рублей. «Откуда?» — изумился Илья Николаевич. «Они оказались лишними», — кратко пояснил сын, сэкономивший деньги, высылаемые ему родителями в Петербург.

Илья Николаевич не мог не заметить, что Александр в этот раз привез очень много литературы по общественным наукам — истории, политэкономии на русском, французском, немецком и английском языках. Был среди книг и «Капитал» К. Маркса.

Тогда еще Александр не состоял в революционной организации, и он рассказывал отцу лишь о своем участии в студенческих землячествах. Но за скупыми словами чувствовалось, как нарастают в душе юноши неприязнь к существующему порядку вещей, стремление противостоять произволу и раболепию.

Всей своей справедливой и честной натурой Илья Николаевич сочувствовал сыну, прекрасно понимая причины его возмущения. Но суровая жизненная школа, глубокая любовь к детям, опасение за них, понимание, что самодержавие безжалостно к тем, кто противостоит ему, заставляли Илью Николаевича быть сдержанным в оценке политических ситуаций. Он честно делал свое дело, служил добру, помогал народу идти к просвещению и хотел, чтобы и сын шел таким путем. Глубокую тревогу вызывало в душе отца резкое неприятие сыном существующего порядка. Он просил Александра быть поосмотрительнее, поосторожнее. Он полагал, что можно быть полезным своему народу и не включаясь непосредственно в революционную борьбу. Не единожды Илья Николаевич вел с сыном нелегкие разговоры об этом.

В один из июльских дней 1885 года состоялась особенно

обстоятельная беседа. Домашние куда-то уехали, и отец пригласил сына погулять в саду. Долго они ходили взад-вперед по аллее и «говорили о чем-то тихо и чрезвычайно сосредоточенно», как вспоминал Дмитрий Ильич, тоже оставшийся тогда дома. Его поразил «самый характер необычного и слишком длительного разговора». Собеседники были так им поглощены, что не замечали ничего вокруг. Дмитрий Ильич был убежден: беседа шла на политические темы.

Отец не мог предугадать судьбы сына, но тревога и предчувствие были столь сильны, что он чуть не с мольбой попросил Анну, когда та уезжала в столицу:

— Скажи Саше, чтобы он поберег себя хоть для нас!

Анна старательно занималась на курсах. Ни одним своим поступком она не доставила огорчения родным. В августе 1885 года ей исполнился двадцать один год, и она стала по закону совершеннолетней. Отмечали это событие дома.

Средняя пара, крепко дружившая, тоже радовала родителей блестящими успехами в ученье, послушанием, добротой. И Владимир и Ольга унаследовали очень многое от отца: высокий лоб, широкие скулы, разрез глаз, форму носа и губ. Сила воли, веселый и общительный нрав, заразительный смех, скороговорка, а у Владимира еще и заметная картавинка в речи, — все это было отцовское.

Одно время Илью Николаевича беспокоило, что Володе многое дается легко, без усилий. Его коллекция похвальных листов и наградных книг была самой обширной в семье. Ненавистную для всех латынь одолел без особых мук, да и со сложнейшим греческим справлялся успешнее, чем старший брат. По новым языкам — немецкому и французскому — явно преуспевал, а по словесности Владимиру не было равных в гимназии.

Но отличные способности не сделали его ни ленивым, ни самоуверенным. С годами характер Владимира стал заметно уравновешеннее, чем в детскую пору. Теперь при первой возможности он стремился уединиться с книгой. Прошло увлечение латынью, а детским забавам с Ольгой и Дмитрием он все чаще предпочитал сражения за шахматной доской.

Илье Николаевичу приятно было, что сын интересуется его делами, радуется вместе с ним каждой новой удаче. С удовлетворением наблюдал он и за тем, как вдумчиво Владимир просматривает свежие номера газет и журналов, как всерьез размышляет над злободневными вопросами. Вместе с тем его настораживало и явно наметившееся у сына критическое отношение к гимназическим порядкам и некоторым

преподавателям.

Еще в четвертом классе Владимир стал частенько насмешничать над учителем французского языка Адольфом Пором. Это была одиозная фигура среди педагогов. Все в Симбирске знали, что этот ограниченный человек пролез в «общество» благодаря женитьбе на дочери местного помещика. Если в чем-то Пор действительно преуспевал, так это в умении угождать и льстить директору гимназии, а также в роли распорядителя на банкетах, балах и званых обедах.

Этот ничтожный человек без труда заметил, что больше и острее всех над ним подшучивает первый ученик класса Владимир Ульянов. Тогда Пор стал мстить. В четвертом классе он выставил Владимиру четверку за «внимание» на уроках. В первых двух четвертях следующего 1883/84 учебного года в табеле Ульянова снова по французскому языку появились только хорошие отметки за «внимание». И хотя «успеваемость», «прилежание» и переводной экзамен были оценены высшим баллом, разобиженный учитель-француз вывел ему годовую отметку «четыре».

В седьмом классе Пор стал настаивать на четверке по поведению за четверть дерзкому ученику. Если бы педагогический совет гимназии согласился с этим, дело могло иметь серьезные последствия. Илья Николаевич решил серьезно поговорить с Володей. Сын дал слово, что насмешки над бездарным учителем больше не повторятся, И сдержал свое обещание. Во всех последующих четвертях, вплоть до выпуска из гимназии, по французскому языку преподаватель — как Владимир и заслуживал — ставил только пятерки.

Характер Владимира ярко проявился и в другой, более серьезной истории. Изучение закона божия и соблюдение установленных религиозных обрядов были обязательными для всех учащихся. Однако в свое время, не без влияния Писарева, Александр стал избегать церковных служб. Поначалу отец спрашивал: «Ты нынче ко всенощной пойдешь?» Тот отвечал кратко и твердо: «Нет». И вопросы эти перестали повторяться. Илья Николаевич не настаивал. А Мария Александровна и сама редко посещала церковь. Родители полагали, что давление и насилие в такой сложной сфере духовной жизни может привести лишь к отчуждению детей.

Поступок любимого старшего брата не прошел мимо внимания младших, дал им пищу для раздумий. Постепенно и они стали избегать посещения церкви. Как-то вечером у Ильи Николаевича зашел разговор об этом с одним из гостей. Искренне верующий человек, он посетовал: «Что делать?» А собеседник

сказал с улыбкой: «Сечь, сечь надо». Этот диалог услышал проходивший мимо открытой двери кабинета Владимир. Возмущенный, он выбежал во двор, сорвал с шеи крест и бросил его на землю. Отец беспокоился, чтобы сын хотя бы в гимназии не говорил о своем разрыве с религией, ведь это грозило немедленным исключением с «волчьим билетом».[6]

…Владимиру шел шестнадцатый год. В это переломное для юноши время Илья Николаевич при всей своей занятости старался как можно больше быть рядом. Отец деликатно подсказывал сыну, как он мог бы с пользой для себя и других применить свои знания и способности, свою неуемную энергию.

Владимир учился блестяще. Сверстники часто просили его объяснить тот или иной урок, растолковать непонятное. Чтобы помочь товарищам, он приходил в гимназию за полчаса до начала занятий. А в последних двух классах ему пришлось выступить уже в роли учителя. Случилось это так.

В симбирской чувашской школе работал учитель математики чуваш Никифор Михайлович Охотников. В декабре 1880 года он сдал при гимназии экстерном экзамен на звание учителя уездного училища. Охотников мечтал поступить в университет, но для этого требовалось получить свидетельство о сдаче экзаменов за весь гимназический курс. Предстояло овладеть латинским, греческим и немецким языками. Справиться с ними Охотников при всем своем усердии не мог. Нанять репетитора не позволяли средства. Положение казалось безвыходным. И тогда Иван Яковлевич Яковлев, к тому времени уже ставший инспектором чувашских школ Казанского учебного округа, зная о блестящих успехах Владимира в языках, попросил Илью Николаевича, чтобы его сын помог учителю подготовиться к экзаменам. О просьбе Яковлева Илья Николаевич рассказал Володе. Сын охотно согласился заниматься с Охотниковым. Гимназист взялся подготовить взрослого человека к выпускным экзаменам, то есть пройти с ним всю гимназическую программу по латыни и греческому языку за полтора-два года.

Регулярно, три раза в неделю, проходили занятия. Владимир консультировал своего подопечного также по истории и другим гуманитарным дисциплинам. Все это отнимало время, но юный учитель и не помышлял о прекращении занятий; помощь нуждающемуся человеку была для него естественной и необходимой. Владимир знал, что путь к высшему образованию выходцу из «низов» — да еще «инородцу» — невероятно труден, и искренне старался помочь Охотникову одолеть его. Родителей очень радовала эта способность отзываться на чужую беду.

Порой Илья Николаевич поражался, как хватает сына на все?

Трудные уроки в гимназии, чтение книг, все более и более серьезных, помощь одноклассникам, занятия с Охотниковым, заботы о младших по дому.

С годами к сыну пришло еще одно увлечение — шахматы, по выражению Гёте — пробный камень для ума. Илья Николаевич и сам был весьма привязан к ним, еще в Нижнем Новгороде собственноручно выточил шахматные фигурки, которые частенько вечерами расставлялись на доске. По примеру отца полюбили древнюю игру все, но особенно увлекались ею сыновья. Какая для них была радость, когда отец звал к себе в кабинет на партию! Илья Николаевич лишь хмыкал удивленно, видя, как постепенно сыновья становятся равноправными партнерами. К четырнадцати-пятнадцати годам Владимир все чаще и чаще стал выигрывать у отца. Илья Николаевич посоветовал сыну встретиться за доской с братом акушерки Анны Дмитриевны, который считался лучшим игроком в Симбирске.

…В 1885 году Ольга завоевала право на одну из немногих в женской гимназии стипендий и тем самым освободила родителей от сорокапятирублевой платы за свое учение. А Владимир за вторую четверть, как и за первую, получил пятерки по логике — таких отметок по этому предмету не получал даже Александр. Пожалуй, можно было уже не сомневаться, что к имевшимся в семье трем медалям — серебряным отца и Анны и золотой Александра — скоро прибавятся золотые награды Ольги и Владимира. Илью Николаевича и Марию Александровну, конечно, радовали эти успехи детей. Но еще большее удовлетворение они испытывали от сознания того, что каждый из них приобретал такие черты, как честность, любовь к труду, твердость характера.

Последние дни

В конце октября 1885 года, накануне тридцатилетия своей службы, Илья Николаевич написал прошение в учебный округ об оставлении на службе еще на пять лет. Попечитель П. Н. Масленников знал, что кое-кто в губернии недолюбливает директора народных училищ, и рекомендовал министру Делянову оставить симбирского директора на службе лишь до 1 июня 1887 года.

Илья Николаевич ждал ответа. Декабрьская сессия сызранского земского собрания вновь решительно высказалась за рост церковноприходских школ и усиление клерикализма в народных школах. Как большое упущение земцы отметили, что по вине дирекции училищ «псалтырь и часослов были даже пропущены в списке книг, допущенных к употреблению в школах».

7 декабря Илья Николаевич отправился с проверкой в Сенгилеевский и Сызранский уезды.

Шестнадцать лет минуло с той поры, когда он впервые поехал осматривать народные школы губернии. За это время он изъездил ее вдоль и поперек, побывав почти в четырехстах селениях. По Сенгилеевскому и Сызранскому уездам, как правило, ездил в конце года, когда здесь открывался санный путь по скованной льдом Волге.

Осмотр сенгилеевских школ прошел благополучно. Но отсюда Илья Николаевич отправился не в Сызранский уезд, как обычно, а в село Жадовка Карсунского уезда. Для изменения маршрута имелась причина: он хотел непременно встретиться с работавшим там учителем Феофилактом Степановичем Кирилловым.

Этого педагога он знал еще со времени его ученичества в начальной школе чувашского села Явлей Алатырского уезда. Способный паренек, бойко отвечавший на экзаменах, запомнился. Желая помочь Кириллову, мечтавшему продолжить свое образование, Илья Николаевич направил его в Промзинское двухклассное училище, пообещав выхлопотать для него стипендию, если будет хорошо заниматься. Вскоре директор убедился, что Кириллов идет в числе лучших. Тогда он попросил учителя Преображенского дополнительно позаниматься с ним и подготовить в Порецкую учительскую семинарию, заверив, что и там Кириллов тоже будет получать стипендию. Подопечный оправдал надежды. Летом 1884 года он закончил семинарию.

Одним из лучших в Симбирской дирекции было двухклассное

Жадовское училище Карсунского уезда, открытое Ульяновым еще в 1882 году в специально построенном для школы двухэтажном удобном здании. Это было четвертое и последнее училище повышенного типа (с четырехлетним сроком обучения), которое удалось открыть. Вот сюда-то и был направлен Кириллов. Зная, что местные власти с подозрением относятся к учителям-поречанам, Илья Николаевич просил его быть осмотрительнее в своих действиях и разговорах.

Опасения оказались не напрасными. Школу стали частенько навещать уездный исправник, становой пристав, архимандрит Жадовской пустыни, председатель уездной земской управы, священник, жена местного помещика-фабриканта. Каждый из них не столько интересовался занятиями детей, сколько тем, что читает молодой учитель, о чем думает, с кем общается. А когда ничего «крамольного» обнаружить не удалось, начались мелкие придирки по самым разным поводам. Невзлюбил молодого учителя и местный поп, который решил открыть в селе церковноприходскую школу.

Илья Николаевич беспокоился за судьбу молодого педагога. Через несколько месяцев после его назначения директор училищ вместе со своим помощником Красевым приехал в Жадовку. Учитель рассказал им о визитерах, о трудностях работы, выразил опасение, что здесь его «сконфузят». Илья Николаевич, хорошо понимая тревогу Кириллова, успокаивал его. Объяснил, что уволить его без достаточно веской причины никто не сможет. Посоветовал спокойно делать свое дело, поставить школу по успеваемости в первый разряд. Убедившись, что тот почувствовал себя более уверенно, директор уехал.

Теперь, спустя год, Илья Николаевич решил снова побывать в Жадовке. К своему удовлетворению, он обнаружил, что Кириллов успешно занимается с детьми, освоился в школе и даже успел жениться. Короче, нашел себя, встал на ноги. Илья Николаевич уезжал успокоенным. Путь его лежал в Сызранский уезд.

В дороге его нагнал инспектор Красев. На станции Никулино они встретились, и инспектор решил проводить Илью Николаевича до Сызрани. По дороге Красев рассказал ему о положении дел в Карсунском уезде. Они складывались неплохо. Земство не сокращало, а, напротив, увеличило ассигнования на содержание школ более чем на полторы тысячи рублей. Значит, можно увеличить жалованье учителям до 180 рублей в год. Но больше всего Илью Николаевича обрадовало сообщение Алексея Алексеевича о том, что крестьяне по-прежнему считают более нужными земские школы, и не церковноприходские.

В вагоне третьего класса было многолюдно и душно.

Утомившись, Илья Николаевич прилег на лавочке и задремал. Проходивший мимо кондуктор заметил: «Подбери ноги-то, старик, проход загородил». В это время пола шубы Ильи Николаевича соскользнула на пол и открыла синий фрак с золотыми пуговицами. Кондуктор оробел, вытянулся, начал извиняться. Илья Николаевич подтянул ноги, сам извинился перед кондуктором.

В Сызрани его ожидала заранее условленная встреча со старшей дочерью, возвращавшейся из Петербурга домой на рождественские каникулы. Отсюда они вместе и поехали на лошадях в Симбирск.

Илья Николаевич хорошо знал эту дорогу, каждый подъем и мосток на ней. Обычно разговорчивый, оживленный, он, однако, в этот раз тяжело молчал, сутулился. Дочь с тревогой всматривалась в осунувшееся, постаревшее лицо отца, расспрашивала о новостях. Настроение у отца было подавленное, он с горечью рассказывал о росте церковноприходских школ в губернии, о неприязни сызранского земства…

Да, этот уезд все больше и больше беспокоил Илью Николаевича. Десять лет назад именно Сызрань была предметом его гордости. Здесь строились и открывались лучшие в губернии школы, здесь выделялись средства на увеличение учительского жалованья, здесь во всем поддерживали его усилия. А какие люди возглавляли уездный училищный совет! Председательствовал в нем Федор Михайлович Дмитриев, бывший профессор Московского университета, человек интеллигентный, увлеченный делом народного образования, умеющий смотреть вперед. Ведь именно он поддерживал только что приступившего к работе инспектора; он ездил к губернатору за разрешением учительских съездов, уговаривал земцев выделять деньги для нужд сельской школы. А инспектор Владимир Игнатьевич Фармаковский?! Человек, стоявший горой за народную школу, просветитель по призванию!

А что нынче? Фармаковский еще в конце 1881 года уехал в Оренбург — был назначен директором народных училищ этой губернии. Инспектор Аристовский, сменивший его, был далеко не идеальным работником, до Владимира Игнатьевича ему далеко: апатичный, болезненный, постоять за учителей не мог, бывал в школах мало. Сейчас назначен новый — Петр Алексеевич Смышляев, но он работает-то всего три месяца… При таких обстоятельствах неудивительно, что верх берут те земцы, которые решительно высказываются за развитие церковноприходских школ. Симбирскую дирекцию терпеть не могут. Потому и выражают сомнение в возможности «улучшения» школьного дела.

Это, по существу, открытый выпад лично против Ульянова, обвинение в том, что он не относится к своим обязанностям должным образом.

…От Сызрани ехали почти сутки. Прибыли домой в среду 25 декабря, на рождество. Начинались каникулы у Владимира, Ольги и Дмитрия. Илья Николаевич не хотел омрачать праздничное настроение родных, старался быть жизнерадостным. Из всех вестей его больше всего радовало сообщение Анны о том, что Александр успешно завершает свою конкурсную научную работу в университете.

Город веселился: затевались балы и вечеринки; молодежь пропадала на катке, где гремела духовая музыка. А у Ильи Николаевича, как всегда в конце декабря — начале января, была большая работа по подведению итогов учебной работы.

Отчет составлялся на основании сведений, представляемых пятью инспекторами, а также собственных наблюдений и выводов. Он не засиживался в кабинете — за год осмотрел 74 школы, во многих побывал по три раза.

Обработка статистических материалов, несмотря на их обилие, особых трудностей не представляла. Сложнее было другое. В отчете надо было что-то сказать о церковноприходских школах. Число их при содействии симбирского архиепископа росло быстро. Только за минувший год оно увеличилось вдвое — теперь их насчитывалось 59. Возникло и пять новых школ грамотности, которыми тоже руководили священники. Однако в 1885 году ни одна сельская школа губернии не была преобразована в церковноприходскую, и упрекнуть Ульянова за это не могли: решения подобного рода правомочны были выносить только крестьянские общества, и никто другой. Да в обязанности директора народных училищ губернии и не входило непосредственное исполнение «Положения» от 1884 года. Но от директора училищ наверняка ждали оценки церковноприходских школ как явления. Предполагали услышать, что сделано для усиления религиозного духа в учебных заведениях губернии, признания, что прошлая практика развития народного образования в духе Ушинского и Корфа была ошибочной.

Илья Николаевич прекрасно понимал — наступили новые времена, и от него ждут новых песен. Покладистые люди умели понять, чего от них хотят власть имущие, и в соответствии с этим меняли точку зрения. Но он-то был человеком иного склада. Уверившись всей своей жизнью в том, что в педагогике, как и в любом другом деле, надо смотреть вперед, а не назад, он менять свои убеждения в угоду фарисеям от просвещения не считал нужным. Не зря же когда-то Валериан Никанорович Назарьев

назвал его «вечным студентом» — как поверил в идеал, так с ним уже не расстанется ни за что. Свое дело он знает, в правильности позиции убежден. И будь что будет.

Ничего не сказав в отчете о необходимости увеличения численности церковноприходских школ, Илья Николаевич подчеркнул, что «было бы желательно открыть… по крайней мере вновь 29 училищ…». И если союзники церковников твердили, что народ недоволен земскими школами и хочет учить своих детей в церковноприходских, то Илья Николаевич убедительно показал, что в 1885 году, как и раньше, «самыми главными вкладчиками на дело народного образования являются сельские общества». Следовал и принципиальный вывод: «Так как назначение обществами известных средств на свои школы совершается вполне добровольно, без всякого постороннего влияния, то цифра крестьянских поступлений на содержание сельских училищ служит, в свою очередь, надежным ручательством в том, что наши школы открываются и поддерживаются, по сознанию в них нужды, самими местными обществами. Но так как одним крестьянам, несмотря на их сочувственное отношение к школам, было бы слишком тяжело содержать училища исключительно на свои средства, то ввиду этого участие в поддержании училищ со стороны казны, частных образованных лиц и в особенности земства представляется делом совершенно необходимым и вытекающим из сущности обязанностей, возложенных на земские учреждения». В заключительных строчках Илья Николаевич еще раз выразил глубокое удовлетворение отношением к начальным школам «самого народа, с особенной охотой отдающего в школу детей и предпочитающего обучение в правильно организованных училищах домашнему обучению и обучению у старок…».

…Прошло два месяца, а ответа из Казанского учебного округа на прошение оставить на службе еще на пять лет он не получил. Между тем местные реакционеры продолжали свои нападки. 4 января 1886 года в «Симбирских губернских ведомостях» протоиерей Баратынский вновь заявил, что последователи Ушинского, отводя «мало времени обучению религии», ослабили «влияние церкви на школу». С такими учителями, которые не только «не подготовлены к толковому чтению часослова и псалтыря», но и считают их вообще ненужными, нельзя внести в школьное дело «дух церковности и православия», считал протоиерей.

…Шли рождественские праздники. 6 января Ульяновых пригласил в гости Владимир Михайлович Стржалковский. Илья Николаевич был весел, шутил, даже танцевал.

В следующие дни он с утра до вечера продолжал заниматься

отчетом. Но вечером 10 января вдруг занемог. Приглашенный Марией Александровной опытный доктор Легкер констатировал воспаление желудка.

На другой день больной почувствовал себя лучше я, полулежа на диване, занимался делами вместе со Стржалковским. Однако к вечернему чаепитию не вышел. Ночь провел без сна. Анна Ильинична читала отцу служебные бумаги, но, заметив, что он начинает немного путать и заговариваться, убедила его прекратить работу.

В воскресенье 12 января Илья Николаевич снова работал над отчетом. Перед обедом пришел И. Я. Яковлев с женой и поздравил его с награждением орденом Станислава 1-й степени. Около трех часов дня семья собралась обедать. Илья Николаевич от обеда отказался, сказав, что ляжет отдохнуть. Когда все собрались за столом, он вышел в столовую и, остановившись около двери, обвел всех долгим взглядом.

«Что-то особенное было в этом взгляде, как будто он чувствовал, что с ним творится что-то неладное. „Точно проститься приходил“, — говорила позднее мать. Глубоко запал в памяти этот его взгляд, такой сосредоточенный и серьезный. Потом отец повернулся и ушел к себе в кабинет. Когда мать после обеда заглянула к нему, она увидела, что отец лежит на диване и дрожит от озноба. Испугавшись, мать накрыла его потеплее и тотчас послала за врачом». «…Часу в пятом мать позвала в тревоге меня и Володю. Отец был, очевидно, уже в агонии; содрогнулся пару раз всем телом и затих. Приехавший врач определил кровоизлияние в мозг… Вскрытия сделано не было». Так расскажут о последних часах жизни Ильи Николаевича его дочери Мария и Анна.

Безмерное горе пришло в дом, обрушилось на плечи Марии Александровны. Могучая сила характера, внутренняя стойкость помогли ей не пасть духом. Бледная, спокойная, без слез и жалоб стояла она у гроба горячо любимого человека, вместе с которым прошла почти четверть века жизни. Тяжело переживали горькую утрату дети.

В одночасье лишилась семья падежной опоры. Не стало любящего отца и преданного мужа. Как будто сбылось горькое предостережение Ильи Николаевича, который, зная о своем слабом здоровье, иногда говаривал старшим детям, что они в жизни должны надеяться только на себя, что, если не хватит его сил, они должны будут позаботиться о младших, поставить их на ноги…

Несчастье еще больше сплотило семью. Все Ульяновы были под крышей родного дома. Кроме старшего сына, Александр в эти

дни в далеком Петербурге напряженно работал в университетской лаборатории, торопясь выполнить весьма увлекавшую его научную работу. Он ничего не знал о смерти отца. А когда узнал, забросил все дела. «Метался из угла в угол по своей комнате, как раненый, — вспоминал его товарищ по университету И. Чеботарев. — На второй или третий день я зашел к нему и застал его шагающим по комнате своими крупными шагами, с устремленным вдаль и ничего не видящим вблизи взглядом. Становилось прямо страшно за него».

Страдания Александра усугублялись еще и тем, что он не успевал попасть в Симбирск ко дню похорон отца. Он смог лишь попросить родных сообщить телеграфом о подробностях кончины Ильи Николаевича.

Весть о смерти Ильи Николаевича поразила все учительство губернии. Да и не только учительство. Авторитет и популярность покойного директора народных училищ были велики, множество людей искрение сочувствовали горю Ульяновых, спешили выразить свое соболезнование. В дом на Московской улице шли сотни людей — губернатор, чиновники городских учреждении, директора гимназий и училищ, преподаватели школ, сослуживцы Ильи Николаевича, его бывшие воспитанники, земские деятели. Можно сказать, весь Симбирск пришел проститься с любимым директором.

Похороны состоялись 15 января. К девяти часам утра улица была заполнена народом. Здесь собрались преподаватели Симбирска, представители губернской и городской администраций, гимназисты, учителя и ученики народных школ. Гроб с телом Ильи Николаевича вынесли из дома ближайшие друзья покойного и сын Владимир.

Хоронили Илью Николаевича в ограде Покровского монастыря. Проникновенные, светлые речи о скончавшемся произнесли преподаватели С. С. Медведков и М. И. Зыков, инспектор дирекции А. А. Красев, высоко оценившие неустанную деятельность покойного и его чистую, возвышенную жизнь.

В «Симбирских губернских ведомостях» был опубликован некролог, написанный инспектором Константином Михайловичем Аммосовым. В нем говорилось: «С самого начала службы он горячо полюбил народную школу и не охладевал к ней до гроба… Но одной любви мало. Дело созидания народного образования требовало от инспектора и деятельности энергичной. Деятельность же Ильи Николаевича была поистине неутомима и чрезвычайно разнообразна: ему приходилось не только вводить известные порядки в школах, уже существующих, обеспеченных средствами и опытными преподавательскими силами, но и

открывать самые школы, изыскивать средства для их существования и организовать весь строй и систему учебной их части. Обладая и сам светлым умом и педагогическою опытностью и тактом, чутко прислушиваясь и внимательно следя за разработкой народно-школьного обучения в литературе и практике, взвешивая и обсуждая применимость к школам того или другого метода и способа преподавания, Илья Николаевич должен был сам, так сказать, с самого основания строить все школьное обучение: определять задачу и цель обучения, в подробностях разработать и установить курс обучения, распределить его по годам обучения, избирать учебники, показать каждому учителю, как пользоваться ими, показать на практике, как применять тот или другой метод и прием, и этим путем создавать самих учителей… Все это приходилось ему делать не в одном каком-либо пункте, даже не в одном уезде, а по всей Симбирской губернии. И вот начинаются памятные в губернии неутомимые разъезды Ильи Николаевича, продолжающиеся недели и месяцы, то с целью осмотра существующих школ и возможного их благоустройства, то с целью открытия новых; там руководит он педагогическими курсами, в другом месте наблюдает за постройкой училищного здания, там ходатайствует перед местными деятелями о материальных средствах для училищ, беседует с сельскими обществами, располагая их к училищам, и проч. Само собой понятно, что такие труды Ильи Николаевича были очень успешны. Успех их обусловливался также немало умением покойного обращаться с людьми крайне различных положений, образования и сословий, его симпатичной, привлекающей к себе личностью. Он прекрасно умел установить должные отношения как к людям высокого, так и самого простого положения, и к многочисленному классу людей, в различной степени ему подчиненных. Ко всем последним он относился с редким вниманием и участием, никогда никого не подавляя авторитетом своего положения; без всякой принужденности умел одного обласкать, другого ободрить, иному сделать внушение и замечание, не возбуждая к себе ни малейшего чувства неприязни». В некрологе подчеркивалось, что шестнадцатилетняя деятельность покойного увенчалась блестящим успехом: в губернии созданы и существуют 434 начальных народных училища с 20 тысячами учащихся.

Некролог напечатал и журнал «Новь». Там отмечалось, что «директор Ульянов очень много потрудился на пользу народного образования, поставив его как в Симбирске, так и в губернии едва ли не лучше, чем оно поставлено в других местностях России».

24 января 1886 года председатель училищной комиссии

Симбирской городской думы Алатырцев внес предложение на ее заседании почтить память покойного директора. «Педагогическая деятельность Ильи Николаевича известна всей России, а тем более городу Симбирску, где его неусыпной деятельностью при содействии городского управления дело народного образования получило самое широкое развитие. Ввиду такой заслуги, тех значительных успехов, которые понес Илья Николаевич на пользу обывателей города, я признаю необходимым почтить память покойного, а потому и полагал бы на первый раз отслужить в доме городского общества, в присутствии воспитанников городских школ, панихиду и положить на могилу покойного венок от городского общества».

Дума уклонилась от обсуждения этого предложения, передав его в городскую управу. В управе оно рассматривалось более полутора месяцев. И только 14 марта было оглашено решение. «Уважая труды и заботы Ульянова, — говорилось в нем, — которые исключительно были направлены к постановке в Симбирске школьного дела а к развитию здесь народного образования преимущественно в среде бедного населения», управа согласна на устройство панихиды в своем здании с приглашением всех учащихся города, но вместо расхода на венок она «находила бы целесообразным и полезным учредить на средства города в городском училище, которое устроено трудами и заботами покойного для беднейших учеников, три стипендии имени Ильи Николаевича Ульянова, для чего из средств города должно быть ассигновано единовременно 400 рублей».

Гласные долго спорили и решили в конце концов «выразить письменно вдове покойного соболезнование». А денег на стипендии так и не нашлось.

Уже после смерти Ильи Николаевича из Казанского учебного округа пришел ответ на его просьбу оставить на службе еще на пять лет. В нем сообщалось, что министр народного просвещения Делянов оставляет симбирского директора на службе не на пять лет, как он просил, а всего лишь на год, до 1 июля 1887 года… Так отнеслись царские власти к одному из честных, знающих и самоотверженных деятелей народного просвещения России.

Потянулись грустные недели. На могиле мужа Мария Александровна установила скромный памятник с надписью: «Здесь покоится прах Ильи Николаевича Ульянова. Родился 14 июля 1831 года. Скончался 12 января 1886 года».

Часто можно было увидеть здесь детей и вдову.

Много забот выпало на долю Марии Александровны после смерти мужа. Надо было думать о хлебе насущном для

осиротевшей семьи. Она подала Стржалковскому — преемнику Ильи Николаевича — прошение с просьбой выхлопотать ей и четырем малолетним детям пенсию за многолетнюю службу покойного мужа. Приложила к нему копии свидетельств о рождении Владимира, Ольги, Дмитрия и Марии, а также табелей их успеваемости в гимназиях. 24 января эти документы вместе с копией послужного списка Ильи Николаевича отправили начальству в Казань.

Проходят томительные дни ожидания, а из округа никаких известий о ходе пенсионного дела. Мария Александровна вынуждена была сдать внаем половину дома. Анна и Александр получили возможность продолжать ученье в Петербурге.

Безденежье заставляет Марию Александровну 17 апреля обратиться к попечителю учебного округа П. Н. Масленникову с напоминанием, что после кончины мужа она осталась «без всяких средств с четверыми малолетними детьми, воспитывающимися в гимназиях, и с двоими взрослыми, но обучающимися в высших учебных заведениях». В ожидании пенсии вдова просила попечителя исходатайствовать ей с детьми единовременное пособие.

Письмо с подобной просьбой она послала и помощнику попечителя округа М. А. Малиновскому. Тот, учитывая, что в семье «никто из детей еще не пристроен», высказался за выдачу Ульяновым пособия в размере годового оклада Ильи Николаевича (1200 руб.). «Такое пособие, — писал Малиновский, — им было бы весьма нужно для воспитания его сирот, из коих старшему, выпущенному из Симбирской гимназии *2*½ года тому назад и получившему недавно золотую медаль в С.-Петербургском университете за 3 курс… крайне трудно было бы докончить курс без такой помощи, которая могла бы быть исходатайствована в Министерстве из сумм на воспитание детей заслуженного педагога».

Криком души было письмо М. А. Ульяновой попечителю округа, отправленное 24 апреля. «Пенсия, к которой я с детьми моими представлена за службу покойного мужа моего, получится, вероятно, нескоро, а между тем нужно жить, уплачивать деньги, занятые на погребение мужа, воспитывать детей, содержать в Петербурге дочь на педагогических курсах и старшего сына, который, кончив курс в Симбирской гимназии, получил золотую медаль и теперь находится в Петербургском университете, на 3-м курсе факультета естественных наук, занимается успешно и удостоен золотой медали за представленное им сочинение». В память тридцатилетней службы Ильи Николаевича Мария Александровна еще раз просила «не отказать в возможно скорой

помощи осиротелой семье его».

Попечитель «побеспокоил» своим ходатайством министра просвещения. Петербург 29 мая запросил сведения «о поведении и успехах в науках детей Ульяновых». Управление учебного округа переадресовало запрос дирекции народных училищ, а она — директору Симбирской классической гимназии Ф. М. Керенскому.

Наконец стало известно, что министерство просвещения назначило пенсию Марии Александровне в 600 рублей и такую же сумму на четверых детей, то есть «всему семейству по одной тысяче двести рублей в год».

Мария Александровна стала подумывать об отъезде из Симбирска. В мае она предприняла попытку продать дом, давала объявления об этом в губернской газете. Покупателя не нашлось, и семья вынуждена была остаться в городе еще на одну зиму.

Тем временем по канцеляриям неспешно кочевало ее прошение об единовременной денежной помощи. Только в январе 1887 года в Симбирске получили извещение о том, что министр народного просвещения выделил «в единовременное пособие на воспитание детей вдове директора народных училищ Симбирской губернии действительного статского советника Марии Ульяновой сто пятьдесят рублей…»

…Прошел год со дня кончины Ильи Николаевича. Прибавилось седин в волосах Марии Александровны. Повзрослел, не по летам стал серьезным Владимир, учившийся в выпускном классе гимназии. В далекой столице успешно занимались Анна и Александр. Только-только начала смягчаться острая боль утраты. И никто еще не мог предполагать, что семью Ульяновых ожидает новая трагедия. Наступит весна 1887 года, и придет в Симбирск весть об аресте Александра за подготовку покушения на царя. Мария Александровна бросится в Петербург, в порыве любви и смутной надежды пытаясь облегчить участь старшего сына, вступившего на опасный путь революционной борьбы. Она увидит его бесконечно милое и дорогое лицо, но ничего не сможет сделать для него.

На рассвете 8 мая на безлюдном дворе у стены старого корпуса Шлиссельбургской крепости Александр Ульянов будет казнен. И вечным набатом, призывом к революционным действиям останутся предсмертные слова Александра Ульянова…

—…Убеждение в ненормальности существующего строя вполне во мне укрепилось, и смутные мечтания о свободе, равенстве и братстве вылились для меня в строго научные и именно социалистические формы. Я понял, что изменение общественного строя не только возможно, но и неизбежно.

Реальным проявлением этой неизбежности станет Великая Октябрьская социалистическая революция. Ее совершит народ во главе с партией коммунистов под руководством второго сына Ильи Николаевича Ульянова — Владимира Ильича Ленина. Деятельными членами этой партии станут и остальные дети этой семьи — Анна, Мария и Дмитрий.

Известен всей России

Неутомимую, поистине подвижническую общественно-педагогическую деятельность Ильи Николаевича Ульянова высоко ценили его современники.

Писатель Валериан Никанорович Назарьев выразил мнение многих, когда в журнале «Вестник Европы» еще при жизни Ульянова назвал его «идеальным инспектором», «редким, исключительным явлением». «Это старый студент, сохранившийся таким, каким сидел на студенческой скамье, до настоящего времени, это одна из личностей, которых когда-то так мастерски изображал Тургенев, это студент в лучшем понимании этого слова». А в «Симбирской земской газете» в 1877 году В. Н. Назарьев писал: «Наше земство обязано г-ну Ульянову первыми и до сих пор лучшими учителями, а следовательно, и большею частью успеха».

Благодаря хлопотам, трудам, увлеченности Ильи Николаевича народное образование в Симбирской губернии сделало такие несомненные успехи, что министерство народного просвещения сочло необходимым опубликовать его отчет (только ульяновский отчет!) за первые десять лет работы (1869–1879) в своем журнале, чтобы ознакомить с ним общественность страны. В поволжских и столичных изданиях многократно появлялись похвальные отзывы о директоре народных училищ Симбирской губернии. В них подчеркивались ум и педагогическая опытность Ульянова, говорилось, что он организовал народное образование в губернии «едва ли не лучше, чем оно поставлено в других местностях России».

Взволнованные отклики вызвала его преждевременная кончина. Симбирские газетыы опубликовали, кроме некролога инспектора народных училищ Аммосова, воспоминания преподавателя кадетского корпуса Покровского об Илье Николаевиче. Статья Амосова появилась и в «Циркуляре Казанского учебного округа», а некролог безвестного автора — в августовской книжке столичного журнала «Новь». И лишь министерство народного просвещения не сказало ни слова об одном из своих лучших работников, оно не сочло нужным опубликовать в своем центральном журнале некролог, присланный из Казани.

В середине 80-х годов Илья Николаевич уже не мог согласиться с официальным курсом правительства в области народного образования. Оставаясь на государственной службе, он твердо отстаивал свои взгляды, утверждал принципы передовой

отечественной педагогики, боролся с темнотой и невежеством народа, последствиями рабства. Это и привело в конце концов к драматической развязке.

После казни Александра, ареста и высылки в 1887 году Анны и Владимира Ульяновых несколько лет об Илье Николаевиче вообще никто не осмеливался говорить в печати. Первым нарушил это молчание опять-таки Валериан Никанорович Назарьев. В «Симбирских губернских ведомостях» и журнале «Городской и сельский учитель» он в 1894 году поместил воспоминания о людях, имеющих «право на почетную известность и так или иначе составляющих предмет нашей гордости». Подробно рассказав о неутомимой деятельности Ульянова, мемуарист заявил, что «личность Ильи Николаевича, этого беспримерного труженика… так высока, что не поддается описанию». Воспоминания о таких людях, заключал Назарьев, «поднимают и ободряют человека, а главное, придают уверенность в том, что если мы имели и знали таких людей, как Илья Николаевич Ульянов и его сподвижники, то можем надеяться, что они будут, а все толки о нашем безлюдье — праздные толки праздных людей».

В 1898 году в столичном «Вестнике Европы» Назарьев публикует свои последние воспоминания, в которых вновь дает высокую оценку деятельности и нравственным достоинствам руководителя народного образования в Симбирской губернии, назвав чудом «появление в наших палестинах таких людей, как Илья Николаевич Ульянов…». Писатель настойчиво подчеркивал общероссийское значение его работы, его непоколебимую решимость сеять вечное, доброе, разумное. Среди чтимых им деятелей просвещения автор особо выделял симбирского директора. Так, вспоминая об изумившем его решении Корфа, конфликтовавшего с реакционным дворянством Екатеринославской губернии, покинуть Россию и обосноваться в Швейцарии, Назарьев заметил, что «не мог вообразить ни Ульянова, ни Ильинского, ни Языкова в роли добровольных эмигрантов».

В том же году в казанском «Волжском вестнике» появляются проникновенные воспоминания симбирянина, бывшего члена уездного училищного совета Н. А. Анненкова, близко знавшего директора народных училищ. Он поражался, «как глубоко, беззаветно, всего себя может отдать человек на служение идее; мы и мечтать не могли приблизиться к тому идеалу человека и гражданина, какой воплощали в себе Илья Николаевич Ульянов и его ближайшие питомцы… И я вполне глубоко сознаю и понимаю благоговение и преклонение перед обаятельной личностью Ильи

Николаевича Ульянова.

Да, редко дарит и балует нас мачеха-судьба такими выдающимися деятелями…»

Восторженно отзывались о первом руководителе народного образования в Симбирской губернии сельские учителя при заполнении в 1895 году анкет Петербургского комитета грамотности при Вольном экономическом обществе. Так, Н. Бахаревский, рассказав о печальном положении начальных школ в конце 60-х годов, подчеркнул, что переворот наступил, когда инспектором был назначен «Илья Николаевич Ульянов, постоянно заботившийся об открытии новых училищ и об их устройстве». С первых же дней работы инспектором, делился воспоминаниями М. Юматов, И. Н. Ульянов «горячо принялся за свое нелегкое дело» и постепенно «стал выводить школы из младенческого состояния». С. Богородский, работавший в Кадиковском училище, считал, что И. Н. Ульянов, «игравший роль пионера народного образования», заложил такие прочные устои, поколебать «которые ни время, ни отдельные личности не в силах». С. Лоншаков стал преподавать в Тагайской школе уже после кончины И. Н. Ульянова. Но он много лестного слышал о нем от односельчан. «Это был, по преданию, — записал учитель в анкете, — неутомимый труженик в заботах о народных школах и вообще о народном образовании».

Доктор медицины Петр Федорович Филатов (отец советского академика-окулиста В. П. Филатова) учился, как и его трое братьев, в начале 60-х годов прошлого века в Пензенском дворянском институте, недобрая памятьосталась у него об «учителях-надзирателях», калечивших их детские души. Но вместе с тем в своих воспоминаниях, написанных в Маньчжурии во время русско-японской войны и опубликованных в 1905 году в Москве, с благодарностью назвал И. Н. Ульянова в числе тех немногих преподавателей — «светлых личностей», которые вносили в их жизнь во время учебы в пензенском Дворянском институте «честный взгляд и высокие нравственные принципы», прививали «отвращение к карьеризму и к материальной наживе».

Либерально настроенный исследователь народного образования М. Ф. Суперанский не работал с Ильей Николаевичем, но на основе изучения документов и бесед с учителями-ветеранами он в своей монографии «Начальная народная школа в Симбирской губернии», опубликованной в 1906 году, заявил, что все успехи народного образования в 70–80-х годах связаны с «энергией и беззаветной преданностью делу И. Н. Ульянова».

В этих отзывах не восторженное умиление, не вежливое

красноречие, а удивление и восхищение незаурядной личностью Ульянова, реальная и объективная оценка того, что ему удалось сделать за шестнадцать с лишним лет неутомимой работы.

Такой вдохновенной и целеустремленной была эта жизнь, таким обаятельным и светлым был он человеком, такими бескорыстными и высокими были его помыслы, что еще и многие годы спустя после кончины имя Ильи Николаевича было символом высокой человеческой устремленности для сотен людей. Илья Николаевич ставил и развивал массовую народную школу. И он учил не только детей — он готовил для народной школы прекрасных педагогов, учил самих учителей, закладывал тем самым прочную основу народному образованию вообще. Это важное направление его деятельности можно уподобить корневой системе дерева, ежегодно дающей жизнь новой листве. Для Ильи Николаевича в любимой работе заключался весь смысл жизни до ее последнего часа.

В воспоминаниях и отзывах, написанных до Октябрьской революции, по понятным причинам не нашли отражения такие весьма существенные стороны деятельности и мировоззрения Ульянова, как враждебность к проявлениям крепостничества, противодействие политике насаждения церковноприходских школ, преданность лучшим идеям 60-х годов, глубокий демократизм, лояльное отношение к политически «неблагонадежным» общественным деятелям. И конечно, никто из мемуаристов даже не попытался осмыслить характер и значение того влияния, которое оказал Илья Николаевич на формирование гражданских идеалов и научного мировоззрения своих детей. Только после того, как в 20–30-х годах вышли в свет воспоминания членов семьи Ульяновых и биография отца, написанная Марией Ильиничной, были выявлены в архивах неизвестные документы, личность Ильи Николаевича стала вырисовываться во всей ее полноте и многогранности.

Изучением жизни и деятельности И. Н. Ульянова занимались многие историки и литераторы. Но истинное значение Ильи Николаевича, сделанного им выявлено во многом благодаря большой работе Мариэтты Сергеевны Шагинян. С удивительной силой проникновения в суть действий и характера его она осветила заслуги Ильи Николаевича, его место и роль в развитии отечественного просвещения, в жизни, судьбе семьи Ульяновых.

«Чтобы понять настроение и судьбу такого человека, как отец Ленина, нужно знать огромное значение в его жизни реформы 1861 года, то есть освобождения крестьян… Илья Николаевич Ульянов был пламенно убежден в возможности служения народу и принесения ему пользы в тех политических условиях, в которых

жил».

«Дело и личность Ильи Николаевича Ульянова заслонены именем его великого сына. Но нам надо учиться смотреть на него и его изучать не только как отца Ленина, а и одного из прекраснейших русских педагогов, создателя очень ценного для Советской страны педагогического наследия».

Вряд ли что-нибудь нужно добавлять к этой точной и емкой характеристике.

Народ, просвещению которого все свои силы отдал Илья Николаевич Ульянов, сохранил светлую память об этом беззаветном труженике, выдающемся педагоге, отце Владимира Ильича Ленина. Имя Ильи Николаевича чтут все советские люди. Он известен всей стране, и он навсегда с ней.

Основные даты жизни и деятельности И. Н. Ульянова[7]

1831, 14 июля — В семье астраханского портного Николая Васильевича Ульянова и его жены Анны Алексеевны (урожденной Смирновой) родился сын Илья.

1843, 7 сентября — Илья Ульянов после окончания уездного училища поступил в первый класс губернской гимназии.

1850, 19 июля — Получает свидетельство об окончании гимназии. За успехи в учебе награжден серебряной медалью.

1850–1854 — И. Н. Ульянов учится в Казанском университете.

1854, 16 сентября — Постановление Астраханской казенной палаты об исключении И. Н. Ульянова из мещанского сословия.

18 ноября — Утвержден в степени кандидата математических наук.

1855, 7 мая — Н. И. Лобачевский назначил И. Н. Ульянова исправляющим должность старшего учителя математики и физики в высших классах пензенского Дворянского института.

25 мая — Н. И. Лобачевский предписывает директору Дворянского института допустить И. Н. Ульянова к заведованию метеонаблюдениями.

1 июня — И. Н. Ульянов прибыл в Пензу.

11 ноября — Приказом министра народного просвещения утвержден в должности старшего учителя математики и физики.

1857, 30 марта — Закончил научную работу «О пользе метеорологических наблюдений для Пензы».

1860, 1 ноября — 1862, июнь — Преподает в народной школе.

1861, ноябрь — Знакомство с М. А. Бланк.

1863, 22 июня — Назначен старшим учителем математики и физики Нижегородской губернской гимназии.

Середина июля — Отъезд из Пензы.

25 августа — Бракосочетание И. Н. Ульянова и М. А. Бланк в сельце Черемышево Лаишевского уезда Казанской губернии.

Осень — И. Н. Ульянов начинает преподавать по совместительству на землемерно-таксаторских курсах и в женском училище 1-го разряда, а также исполняет обязанности воспитателя Дворянского института.

1864, 14 августа — Рождение дочери Ульяновых Анны.

1865, 3 февраля — И. Н. Ульянов на заседании педсовета голосует за преобразование гимназии в реальную.

1866, 19 января — Избран секретарем соединенного педагогического совета гимназии и Дворянского института.

31 марта — Рождение сына Ульяновых Александра.

1868, июль — Рождение дочери Ульяновых Ольги.

1869, июль — Болезнь и смерть дочери Ольги в Кокушкине.

6 сентября — Приказом управляющего министерства народного просвещения И. Н. Ульянов назначен инспектором народных училищ Симбирской губернии.

25 сентября — И. Н. Ульянов с семьей переехал в Симбирск.

5 октября — Избран действительным членом Симбирского губернского статистического комитета.

Октябрь — Возглавил работу педагогических курсов при Симбирском уездном училище.

1870, январь — Первый осмотр И. Н. Ульяновым народных школ губернии.

10 апреля — Рождение сына Ульяновых Владимира.

11, *21, 25 апреля* — В «Симбирских губернских ведомостях» опубликован первый отчет И. Н. Ульянова «О состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1869 год».

Июль — август — И. Н. Ульянов руководит учительским съездом в Сызранском уезде.

Декабрь — Открыл чувашское училище в селе Ходары Курмышского уезда.

1871, 11 октября — Открыл чувашское училище в деревне Кошки Буинского уезда.

4 ноября — Рождение дочери Ульяновых Ольги.

15 ноября — Открыл чувашскую школу в Симбирске.

12 декабря — Открыл в деревне Петряксы Курмышского уезда татарское училище.

Декабрь — Участвовал в съезде учителей начальных народных училищ Сызранского уезда.

1872, 3–31 июля — И. Н. Ульянов с четырьмя народными учителями находился на Политехнической выставке в Москве.

2–16 сентября — Руководил работой съезда народных учителей Курмышского уезда.

19 ноября — По инициативе И. Н. Ульянова открыта учительская семинария в селе Порецком Алатырского уезда.

1873, 1–15 июля — Руководил работой съезда народных учителей Карсунского уезда.

Сентябрь — Руководил работой съезда народных учителей Симбирского и Сенгилеевского уездов. Рождение, а вскоре и смерть сына Ульяновых Николая.

1874, 11 июля — И. Н. Ульянов назначен директором народных училищ Симбирской губернии.

4 августа — Рождение сына Ульяновых Дмитрия.

1–14 сентября — И. Н. Ульянов руководил работой съезда

народных учителей Симбирского и Сенгилеевского уездов.

1877, 31 марта — Представил в Казанский учебный округ записку «Ответы на вопросы по поводу предположения о введении обязательного обучения в начальных народных училищах».

1878, 6 февраля — Рождение дочери Ульяновых Марии.

1880, май — В «Журнале министерства народного просвещения» опубликован отчет И. Н. Ульянова о состоянии начального народного образования в Симбирской губернии за десять лет, с 1869 по 1879 г.

25 июля — 2 августа — И. Н. Ульянов провел первый съезд инспекторов народных училищ Симбирской губернии.

15 декабря — По выслуге 25 лет оставлен на службе еще на один год.

1881, шюль — И. Н. Ульянов провел второй съезд инспекторов народных училищ Симбирской губернии.

7 *декабря* — Приказом министра народного просвещения И. Н. Ульянов оставлен на службе еще на 4 года.

1883, август — Отъезд Александра и Анны Ульяновых на учебу в Петербург.

Октябрь — И. Н. Ульянов составил «Записку об учительских семинариях и училищных советах».

1884 — Выход в свет «Правил о церковноприходских школах» и усиление в связи с этим нападок реакционеров на И. Н. Ульянова.

1885, 6 апреля — Выступление И. Н. Ульянова на торжественном акте симбирских народных училищ в честь славянских первоучителей Кирилла и Мефодия.

30 октября — И. Н. Ульянов посылает попечителю Казанского учебного округа прошение с просьбой об оставлении на службе на пятилетний срок.

1886, 10 января — Начало болезни И. Н. Ульянова.

12 января — Скоропостижная смерть И. Н. Ульянова.

Иллюстрации

В. Н. Ульянов — старший брат И. Н. Ульянова. Астрахань, 1860-е гг.

Домик Ульяновых в Астрахани. 1830-е гг.

Казанский императорский университет. 1880-е гг.

И. Н. Ульянов с группой воспитанников Дворянского института. 1855–1863 гг.

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПОПЕЧИТЕЛЯ КАЗАНСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

ВЪ КАЗАНИ.

7 Мая 1885 года.

№ 1393

Господину Директору Пензенскаго Дворянскаго Института.

Распоряжение Н. И. Лобачевского о зачислении И. Н. Ульянова на должность учителя математики в пензенском Дворянском институте.

И. Н. Ульянов. Пенза, 1860-е гг.

М. Л. Ульянова. Пенза, 1863 г.

М. Л. Ульянова с дочерью Анной. Нижний Новгород, 1865–

1866 гг.

Нижегородский Дворянский институт. 1880-е гг.

И. Н. Ульянов среди членов педагогического совета нижегородской гимназии. Нижний Новгород, 1867 г.

Симбирск. Стрелецкая улица. Конец XIX века.

Флигель, в котором жила семья Ульяновых в 1869–1870 гг. и где родился Владимир Ульянов.

Диорама Симбирска. 1870-е гг.

Симбирск. Вид на Волгу. 1870-е гг.

Симбирск. Дворцовая улица. Конец XIX века.

Дом Ульяновых на Московской улице в Симбирске. Современная фотография.

Дом-музей В. И. Ленина (вид со стороны сада). Ульяновск.

Володя и Оля Ульяновы. Симбирск. 1874 г.

И. Н. Ульянов. Симбирск. 1872 г.

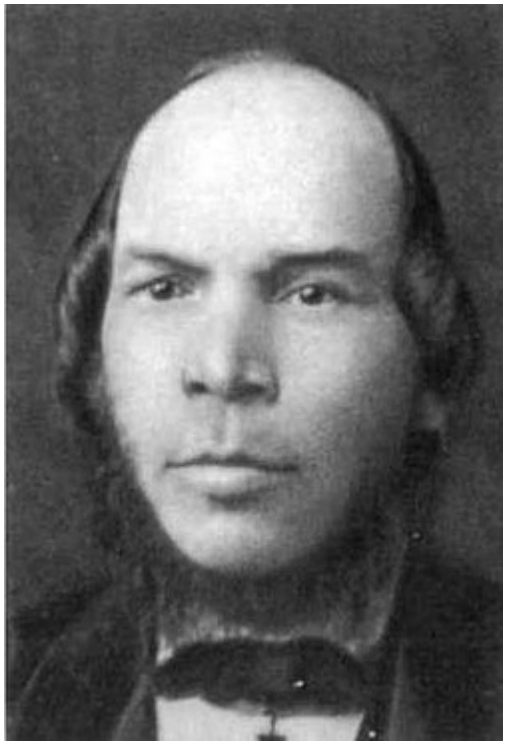
В. А. Калашников. 1830-е гг.

В. П. Ушакова (Прушакевич). Симбирск, 1878 г.

В. В. Кашкадамова. Симбирск, 1880-е гг.

И. С. Покровский. Симбирск, 1888 г.

И. Н. Ульянов среди преподавателей гимназии. Симбирск, 1874 г.



И. Н. Ульянов. Симбирск, 1874 г.

Симбирск, Московская улица. 1890-е гг.

Здание бывшего женского приходского училища, открытого И. Н. Ульяновым.

Семья Ульяновых. Симбирск, 1879 г.

Дом городского общества. Симбирск, 1890-е гг.

Здание симбирской классической гимназии. 1887 г.

И. Я. Яковлев. Симбирск, 1870 г.

Здание чувашской школы. Симбирск, 1890-е гг.

Здание симбирского Дворянского собрания, в нижнем этаже которого размещалась Карамзинская общественная библиотека. 1890-е гг.

Здание симбирской удельной конторы. 1890-е гг.

И. Н. Ульянов среди инспекторов народных училищ Симбирской губернии. 1880-е гг.

Сидят (слева направо): В. М. Стржалковский, И. Н. Ульянов, И. В. Ишерский. Стоят: Л. Л. Красев, В. И. Фармаковский, К. М. Аммосов.

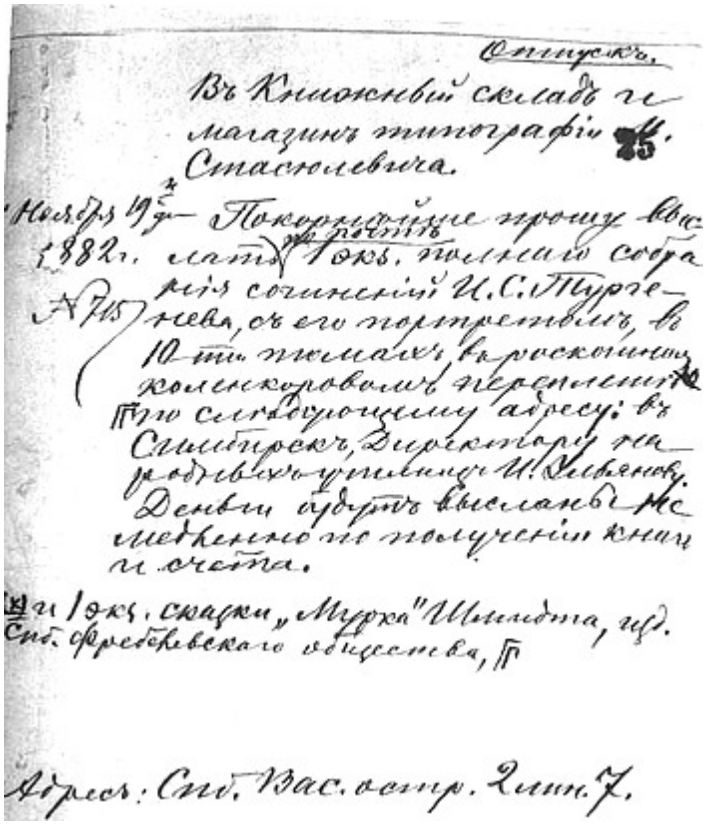
Анна Ульянова. Петербург. 1880-е гг.

Александр Ульянов. Петербург. 1887 г.

Владимир Ульянов. Симбирск. 1880-е гг.

Ольга Ульянова. Симбирск. 1887 г.

Митя и Маняша Ульяновы. Симбирск. 1980 г.



Симбирскъ.

Въ Книжный складъ и магазинъ типографіи А. Стасюлевича.

Ноября 19 дня 1882 г. — Покорнѣйше прошу выслать мнѣ 1 экз. полнаго собранія сочиненій И. С. Тургенева, съ его портретомъ, въ 10-ти томахъ, въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ по слѣдующему адресу: въ Симбирскъ, Директору народныхъ училищъ И. Ульянову. Деньги обязуюсь выслать по полученіи книгъ и счета.

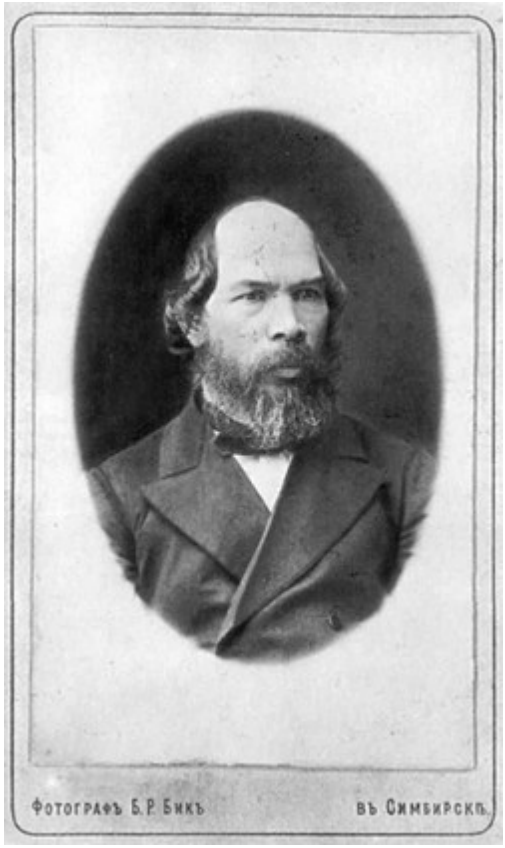
№ 715

1 экз. сказки „Мурка" Шмидта, изд. Спб. Фребелевскаго общества,

Адресъ: Спб. Вас. остр. 2 лин. 7.

Письмо И. Н. Ульянова в книжный склад. 1882 г.

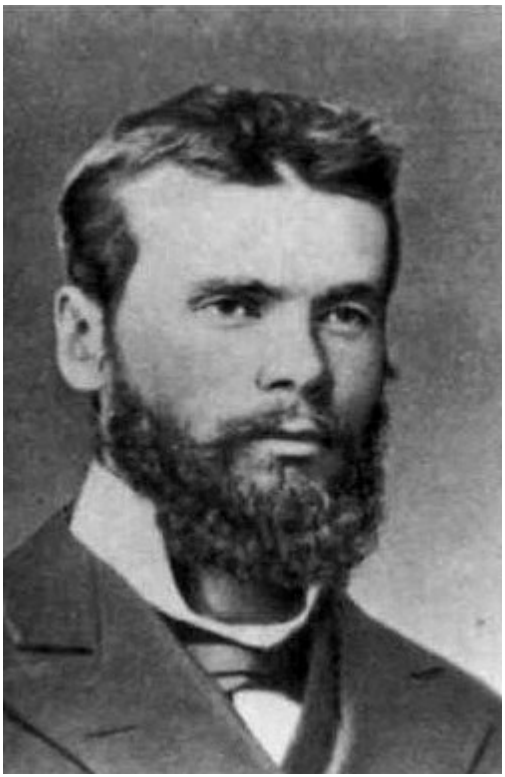
М. Ф. Ульянова. Симбирск, 1887 г.



И. Н. Ульянов. Симбирск, 1882–1883 гг.

Дом-музей В. И. Ленина. Кабинет И. Н. Ульянова. Ульяновск.

Дом-музей В. И. Ленина. Гостиная. Ульяновск.



П. П. Малеев. Симбирск, 1870-е гг.

В. Н. Назарьев. Симбирск, 1890-е гг.

Флигель во дворе дома Ульяновых, где помещалась химическая лаборатория Александра.

Могила И. Н. Ульянова.

Памятник И. Н. Ульянову в Ульяновске.

Здание Педагогического института им. И. Н. Ульянова. Ульяновск.

Краткий библиографический указатель

Ленин В. И. Гонители земства и Аннибалы либерализма // Полн. собр. соч. — Т. 5.

Ленин В. И. От какого наследства мы отказываемся? // Полн. собр. соч. — Т. 2.

Владимир Ильич Ленин. Биография. — М., 1987.

Воспоминания родных // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5-ти т. — М., 1987. — Т. 1.

Переписка семьи Ульяновых: 1883–1917. — М., 1969.

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. — М., 1988.

Крупская Н. К. О Ленине // Сб. статей и выступлений. — М., 1983.

Отзывы Н. К. Крупской на воспоминания и биографические материалы о В. И. Ленине // Исторический архив. — 1958. — № 4.

Ульянов Д. И. Очерки разных лет: Воспоминания, переписка, статьи. — М., 1984.

Ульянова М. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых: Воспоминания, письма, очерки. — М., 1989.

Ульянова-Елизарова А. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. — М., 1988.

Ульянова-Елизарова А. И. Ответ т. Шидловскому // Пролетарская революция. — 1922. — № 3. — С. 335–336.

Ульянова-Елизарова А. И. Александр Ильич Ульянов // Галерея шлиссельбургских узников. — СПб., 1907. — Ч.1.

Ульянова-Елизарова А. И. Письмо в редакцию (по поводу статьи «Юношеские годы Ленина», напечатанной в № 8 «Смены») // Пролетарская революция. — 1924. — № 8, 9. — С. 404–405.

Ульянова-Елизарова А. И. Краткая биография Ильи Николаевича Ульянова // Юбилейный сб. памяти Ильи Николаевича Ульянова. — Пенза, 1925. — С. 3–5.

Ульянова-Елизарова А. И. Илья Николаевич Ульянов (К 100-летию со дня рождения.) // Пролетарский путь. — Ульяновск. — 1931. — 31 июля.

Ульянова-Елизарова А. И. Детские и школьные годы Ильича. — М., 1988.

Алексеев В. Отец В. И. Ленина. — Воронеж, 1929.

Алексеев В., Швер А. Семья Ульяновых в Симбирске (1869–1887). // Под ред. и примеч. А. И. Ульяновой-Елизаровой. — М. — Л., 1925.

Алпатов Н. И. Педагогическая деятельность И. Н. Ульянова. — М., 1946.

Аммосов К. М. Илья Николаевич Ульянов: Некролог // Симбирские губернские ведомости. — 1886. — 25 января.

Анисенкова А. К., Валика Д. А. Нижегородские годы семьи Ульяновых. — Горький. 1981.

Валика Д. А. Педагогические положения и дидактические взгляды И. Н. Ульянова // Ученые записки Горьковского государственного педагогического института. — Горький, 1951. — Вып. 16. — С. 109–138.

Болгарский Б. В. Деятельность И. Н. Ульянова в области математики // Математика в школе. — 1954. — № 1. — С. 11–15.

Веретенников Н. И. Володя Ульянов: Воспоминания о детских и школьных годах В. И. Ленина в Кокушкине. — М., 1975.

Волин Б. М. Ленин в Поволжье (1870–1893). — М., 1956.

Горохов В. М., Рождественский Б. П. Илья Николаевич Ульянов и его педагогическая деятельность. — Казань, 1942.

Жаданов Б. Н. Общественная и педагогическая деятельность И. Н. Ульянова // Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института имени И. Н. Ульянова. — Ульяновск, 1956. — Вып. 8. — С. 5–29.

Жаданов Б. Н. О воспитании детей в семье Ульяновых // Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института имени И. Н. Ульянова. — Ульяновск, 1957. — Т. XI. — Вып. 3.

Зильберштейн И. С. Молодой Ленин // Москва. — 1957. — № 7. — С. 95–133.

Иванский А. И. Молодой Ленин. — М., 1964.

Известен всей России: Статьи, документы, материалы, воспоминания. — Саратов, 1974.

И. Н. Ульянов в воспоминаниях современников. — М., 1989.

Илья Николаевич Ульянов по воспоминаниям современников и документам. — М., 1963.

Итенберг Б. С., Черняк А. Я. Жизнь Александра Ульянова. — М., 1966.

Карамишев А. Л., Томуль А. И. Воспоминание в семье Ульяновых. — Саратов, 1978.

Кондаков А. И. Директор народных училищ И. Н. Ульянов. — М. — Л., 1948.

Корнейчук Т. Д. Жизнь, отданная народу. — Ульяновск, 1961.

Кузнецов П., Ульянов и просвещение мордовского народа. — Саранск, 1970.

Ленин и Татария // Сб. документов, материалов и воспоминаний. — Казань, 1964.

Макаров М. П. Илья Николаевич Ульянов и просвещение чувашей. — Чебоксары, 1958.

Марков А. С. Ульяновы в Астрахани. — Волгоград, 1970.

Медынский В. Н. Борьба И. Н. Ульянова за народную школу // Красный архив. — 1940. — № 1. — С. 219–223.

Назарьев В. Н. Современная глушь: Из воспоминаний мирового судьи // Вестник Европы. — 1876. — № 3. — С. 280–331; № 5 — С. 181–184.

Назарьев В. Н. Из воспоминаний члена Симбирского уездного училищного совета // Симбирские губернские ведомости. — 1894. — И, 14 мая.

Назарьев В. Н. Вешние всходы // Вестник Европы. — 1898. - № 4. — С. 661–718.

Покровский А. П. Из воспоминаний об И. Н. Ульянове // Симбирские губернские ведомости. — 1886. — 29 января.

Савин О. М., Н. Ульянов в Пензе. — Саратов, 1973.

Семья Ульяновых // Сб. статей. — Ульяновск, 1979.

Суперанский М. Ф. Начальная народная школа в Симбирской губернии. — Симбирск, 1906.

Таганцев Н. С. Пережитое. — П., 1919. Трофимов Ж. А. Великое начало. — М., 1979. Трофимов Ж. А. Отец Ильича. — Саратов, 1981.

Трофимов Ж. А. Ульяновы // Поиски, находки, исследования. — Саратов, 1978.

Ульянов И. Н. Некролог // Новь. — 1886. — Т. VIII. — С. 393.

Федоров И. С. Выдающиеся учителя и просветители Пензенской губернии. — Пенза, 1959.

Филатов П. Ф. Юные годы // Псовая и ружейная охота. — 1905. — Кн. VIII.

Шагинян М. С. Лениниана. — М., 1977.

Яковлев И. Я. (Саламбек). Симбирская учительская школа и ее роль в просвещении чувашей. — Чебоксары, 1959.

notes

Примечания

1

Своекоштный студент — студент, не получающий стипендии, живущий на собственные средства.

2

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с.519.

3

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 165.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т.5, с. 38.

5

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т.1, с.271.

6

Илья Николаевич был также искренне и глубоко верующим человеком и воспитывал в этом духе детей. Но его религиозное чувство было, так сказать, вполне «чистым», чуждым всякой партийности и какой-либо приспособляемости к тому, что «принято». Это было религиозным чувством Жуковского, поэта, любимого отцом, религиозным чувством гораздо более любимого Некрасова, выразившимся, например, в поэме «Тишина», отрывки из которого отец любил цитировать, именно то место, где повторяется о «храме божием», пахнувшем на поэта «детским чистым чувством веры».

«В гимназии, правда, требовали посещения церкви, говения. Но дома дети видели искренне убежденного человека, за которым шли, пока были малы. Когда же у них складывались свои убеждения, они просто и спокойно заявляли, что не пойдут в церковь… и никакому давлению не подвергались».

«…Илья Николаевич так и остался верующим до конца жизни, несмотря на то, что был преподавателем физики, метеорологом. Его волновало, что его сыновья перестают верить». Так объясняют отношение Ильи Николаевича к религии Анна Ильинична и Надежда Константиновна Крупская.

Даты приводятся по старому стилю.